This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использоваиия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Arc 292.160

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Δ
Arc 292.160 (6)

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
FEB 5 1964

ТРУДЫ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО

АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

—

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1858.

A. 12247.

CORNELL UNIVERSITY LIBRARY

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Іюня 25-го дня 1858 г.

Цензоръ *П. Новосильскій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

АЛТАНЪ-ТОБЧИ.

МОНГОЛЬСКАЯ ЛѢТОПИСЬ,

въ подлинномъ текстѣ и переводѣ,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАЛМЫЦКАГО ТЕКСТА

ИСТОРІИ УБАШИ-ХУНТАЙДЖІЯ И ЕГО ВОЙНЫ СЪ ОЙРАТАМИ.

Переводъ ламы Галсана Гомбоева.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Предисловіе.** *П. С. Савельева.* Стр. V—XIV.
II. **Алтанъ-Тобчи.** Монгольская лѣтопись, переведенная *ламою Галсанъ-Гомбоевымъ.*
Монгольскій текстъ. Стр. 1—116.
Переводъ съ монгольскаго. Стр. 117—197.
I. Сказаніе о древнихъ царяхъ Индіи. Стр. 117.
II. Сказаніе о царяхъ Тибета. Стр 119.
III. Начало исторіи Монголовъ. Стр. 121.
IV. Эсукэй. Стр. 124.
V. Сказаніе о Чингисѣ. Стр. 124.
VI. Преемники Чингиса, до изгнанія ихъ изъ Китая, отъ 1228 до 1368 года. Стр. 148.
VII. Отъ изгнанія Монголовъ изъ Китая до 1604 года. Стр. 154.
III. **Приложеніе.** Исторія Убаши-Хунтайджія и его войны съ Ойратами; переводъ съ калмыцкаго *ламы Галсана Гомбоева.*
Калмыцкій текстъ. Стр. 198—212.
Переводъ съ калмыцкаго. Стр. 213—224.
IV. **Указатель.** Стр. 225—235.

ТРУДЫ

ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ.

VI.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

—

Въ числѣ древнихъ лѣтописей монгольскихъ, служившихъ источниками при составленіи единственной извѣстной «Монгольской Исторіи», Сананъ-Сэцэна, поименовано прежде всего «Драгоцѣнное Сокращеніе о происхожденіи хановъ», *Хадунъ ундусуну Эрдэнійнъ Тобчи* ᠬᠠᠳ ᠤᠨ ᠦᠨᠳᠦᠰᠦᠨ ᠦ ᠡᠷᠳᠡᠨᠢ ᠶᠢᠨ ᠲᠣᠪᠴᠢ. «*Эрдэнійнъ-Тобчи*» значитъ «Драгоцѣнное Сокращеніе», Epitome pretiosa, отъ *Эрдэни* ᠡᠷᠳᠡᠨᠢ «драгоцѣнность» и *Тобчи* ᠲᠣᠪᠴᠢ «пуговица», «сокращеніе», «содержаніе». Рукопись эта была неизвѣстна академику Шмидту, издателю и переводчику Сананъ-Сэцэновой Исторіи (Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang-Ssetsen-Chungtaïdschi der Ordus; aus dem mongolischen übersetzt u. s. w. Von Isaac Jacob Schmidt. St.-Petersburg. 1829, in-4°). Она отыскана членами нашей духовной миссіи въ Пекинѣ и привезена въ Россію въ двухъ спискахъ: одинъ нахо-

дится въ библіотекѣ Азіятскаго Департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, другой у профессора О. М. Ковалевскаго, въ Казани. Хотя рукопись эта и не представляетъ заглавія «*Эрдэнійнъ-Тобчи*», а озаглавлена «*Алтанъ-Тобчи*», то-есть «Золотое Сокращеніе», Epitome aurea; но эта небольшая разность въ наименованіи не можетъ возбудить сомнѣнія относительно тождества этой лѣтописи съ упоминаемою Сананъ-Сэцэномъ: во-первыхъ потому, что заглавія обѣихъ однозначущи, и въ числѣ семи хроникъ, указанныхъ монгольскимъ историкомъ, только одна эта имѣетъ заглавіемъ *Тобчи*, «Сокращеніе»; и во-вторыхъ потому, что многія мѣста и выраженія въ «Алтанъ-Тобчи» повторяются буквально въ Сананъ-Сэцэнѣ, который, слѣдовательно, пользовался именно этимъ (*Алтанъ*) *Тобчи*, и о немъ упомянулъ въ своемъ послѣсловіи.

О времени окончанія этой лѣтописи можно заключить по приводимому въ ней списку монгольскихъ хановъ: послѣдній изъ нихъ, упомянутый въ «*Алтанъ-Тобчи*» (стр. 197), есть Мэнгданъ-Хутухту (правильнѣе Лингданъ, какъ у Сананъ-Сэцена, стр. 203), вступившій на ханство въ годъ дракона, т. е. 1604 г. Слѣдовательно, къ этому времени и можно отнести послѣднюю редакцію этого сочиненія, составленнаго вѣроятно гораздо ранѣе, что̀ доказывается многими сохранившимися въ немъ архаизмами. Ученый Доржи Банзаровъ, такъ рано похищенный у науки, намѣревался издать эту лѣтопись, хотя и находилъ, что переводъ ея труденъ по сжатости слога, множеству

стиховъ и искаженныхъ мѣстъ (см. «Труды Восточн. Отдѣл.», ч. III стр. 202). Трудъ этотъ совершенъ теперь достойнымъ землякомъ покойнаго, ламою Галсанъ-Гомбоевымъ.

Издавая въ свѣтъ этотъ неизвѣстный еще въ Европѣ памятникъ древне-монгольской словесности и новый матеріалъ для исторіи Монголовъ, Восточное Отдѣленіе Императорскаго Археологическаго Общества полагало оказать услугу занимающимся исторіею монгольскаго періода. При бѣдности монгольской исторической литературы, нельзя не дорожить подобными памятниками, какъ бы ни мало удовлетворяли они требованіямъ историка. Въ «Алтанъ-Тобчи», какъ и въ «Исторіи» Cанaнъ-Сэцэна, европейскій читатель напрасно будетъ искать объясненія всемірно-историческихъ событій монгольской эпохи и даже простаго перечня исторіи этого народа. Читая писанія этихъ степныхъ авторовъ, можно и не догадаться, что народъ, о которомъ они ведутъ рѣчь, завоевалъ полсвѣта, привелъ въ ужасъ Европу, и основалъ династіи, прославившія имя Монголовъ. Пропитанные духомъ буддійскаго аскетизма, не только безвѣстный авторъ «Алтанъ-Тобчи», но и самъ Cанaнъ-Сэцэнъ, бывшій ханомъ одного изъ монгольскихъ поколѣній, знать не хотѣли, или дѣйствительно не знали, о подвигахъ и славѣ своихъ предковъ на западѣ; они, для нихъ, какъ будто и не выходили изъ родныхъ степей. Имъ извѣстны лишь Индія и Тибетъ, какъ колыбель ихъ религіи, и сосѣдній Китай, по поводу изгнанія ихъ оттуда. За тѣмъ все ихъ

вниманіе поглощено внутренними дѣлами и войнами въ степи и благочестивыми подвигами хановъ на поприщѣ искорененія грѣха и усмиренія злыхъ существъ. Для этой цѣли, по повелѣнію Будды и наитію Тэнгріевъ, послѣ разныхъ перерожденій, и явилось въ міръ назначенное небомъ «воплощеніе» въ лицѣ Чингисъ-хана: о его завоеваніяхъ почти ничего не узнаемъ изъ этихъ по-своему благочестивыхъ лѣтописей; «житія» его наполнены преимущественно разсказами о его чудесахъ и превращеніяхъ въ птицу-гаруду, льва, старца.

Но, лишенныя историческаго значенія въ-слѣдствіе ультра-буддійскаго воззрѣнія кроткихъ потомковъ Чингиса на грѣшный міръ, какъ на произведеніе преступности несвободныхъ духовъ, задержанныхъ на землѣ матеріею,—дѣятельность которыхъ, слѣдовательно, можетъ обращать на себя вниманіе благочестивыхъ буддистовъ, стремящихся слиться съ всепоглощающимъ Духомъ, только по отношенію этой дѣятельности къ умерщвленію плоти, то-есть къ распространенію идей буддизма, — лѣтописи монгольскія имѣютъ другое достоинство и другой интересъ для европейскаго изслѣдователя. Если китайскіе и мусульманскіе историки даютъ несравненно болѣе опредѣленные факты внѣшней исторіи Монголовъ, чѣмъ «Алтанъ-Тобчи» и Сананъ-Сэцэнъ, за-то послѣдніе даютъ то, что̀ могутъ дать лишь національныя произведенія—картину внутренняго быта, понятій, вѣрованій и суевѣрія народа. Въ этомъ отношеніи обѣ монгольскія лѣтописи и преставляютъ

любопытный матеріалъ для бытописателя, этнографа и археолога.

Конечно, чтобъ вполнѣ уразумѣть эту мѣстную и грубую степную поэзію, необходимы пояснительные коментаріи, къ какимъ подаетъ поводъ каждая почти страница лѣтописи, и которыхъ мало приложено къ издаваемому здѣсь тексту «Алтанъ-Тобчи». Но этотъ недостатокъ читатель легко можетъ пополнить примѣчаніями, приложенными Шмидтомъ къ его изданію Сананъ-Сэцэнъ, тѣмъ болѣе, что для изученія «Алтанъ-Тобчи» необходимо сравненіе ея съ позднѣйшею лѣтописью ордосскаго хунтайджія, которая иногда разногласитъ съ нею относительно собственныхъ именъ и годовъ.

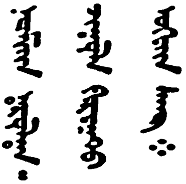
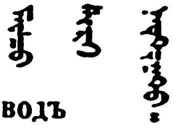
Монгольскій текстъ «Алтанъ-Тобчи» напечатанъ въ «Трудахъ Восточнаго Отдѣленія» съ переписанной въ Пекинѣ рукописи, принадлежащей нынѣ библіотекѣ Азіятскаго Департамента министерства иностранныхъ дѣлъ и благосклонно доставленной этимъ департаментомъ Археологическому Обществу для изданія.

Въ приложеніи къ «Алтанъ-Тобчи» помѣщенъ неизданный доселѣ калмыцкій текстъ историческаго отрывка объ Убаши-Хунтайджи, — поэтическій эпизодъ борьбы Ойратовъ съ Монголами, происходившей въ концѣ XVI вѣка. Упоминаемый здѣсь Убаши-Хунтайджи, можетъ быть, есть Хутуктай-Сэцэнъ-Хунтайджи, хотя приводимый годъ событія и не подходитъ къ его правленію (сравни «Ssanang-Ssetsen», pp. 211—219).

Кромѣ издаваемой теперь «Алтанъ-Тобчи», въ числѣ источниковъ, поименованныхъ Сананъ-Сэцэномъ, есть еще одно небольшое сочиненіе, которое также находится въ нашихъ библіотекахъ. Оно названо *Чихула-Хэрэклэкчи*, или *Утхату-Чихула-Хэрэклэкчи*, то-есть «Необходимо нужная (Шастра)». Сообщаемъ здѣсь и о ея содержаніи свѣдѣнія, доставленныя намъ, по нашей просьбѣ, ученымъ переводчикомъ «Алтанъ-Тобчи».

Рукопись, подъ заглавіемъ *Чихула Хэрэклэкчи-тэгусъ утхату шастиръ*, ᠴᠢᠬᠤᠯᠠ ᠬᠡᠷᠡᠭᠯᠡᠭᠴᠢ ᠲᠡᠭᠦᠰ ᠤᠳᠬᠠᠲᠤ ᠱᠠᠰᠲᠢᠷ «Необходимо-нужная Шастра», находится въ библіотекѣ С.-Петербургскаго университета. Это рукописная тетрадь, въ четвертую долю листа, состоящая изъ 100 страницъ. Въ концѣ помѣщено имя переводчика Маньджу Шири-Гуши-Ширэту-Цорджи ᠮᠠᠨᠵᠤᠱᠢᠷᠢ ᠭᠦᠰᠢ ᠰᠢᠷᠡᠭᠡᠲᠦ ᠴᠣᠣᠷᠵᠢ который перевелъ ее съ тибетскаго языка, на которомъ есть книга подъ заглавіемъ *Шидса-Рапсалъ* ཤེས་བྱ་རབ་གསལ་ «Просвѣтитель ума», сочиненіе Пакба-Лорой-Джалцань-Балсамбо འཕགས་པ་བློ་གྲོས་རྒྱལ་མཚན་དཔལ་བཟང་པོ. При сличеніи ея съ тибетскимъ оригиналомъ оказывается, что переводчикъ не буквально придерживался оригинала. Между тѣмъ знаменитый калмыцкій лама Заяпандита перевелъ въ 1662 году, неизвѣстно съ какого языка, на калмыцкій, книгу *, схожую

* См. въ біографіи Зая-пандиты, въ калмыцкой рукописи.

по содержанію и по названію съ разбираемою нами *Чилгула Хэрэклэкчи*, подъ заглавіемъ: *Номинъ Гаруль-га Чихула Кэрэкту Угэйнъ Сангъ*  «Сокровищница Словъ необходимо-потребныхъ, заключающая въ себѣ источникъ всѣхъ предметовъ». Этотъ ученый пандита явился на поприщѣ буддійской литературы въ началѣ XVII вѣка и продолжалъ свою литературную дѣятельность, преимущественно въ переводахъ съ тибетскаго на монгольскій, до самаго 1648 года, въ который составилъ калмыцкую азбуку по образцу монгольской, и съ того времени переводы его и сочиненія являются на калмыцкомъ языкѣ до его кончины. Не знаемъ съ какого языка,— съ тибетскаго или съ монгольскаго,—перевелъ онъ эту книгу; во всякомъ случаѣ, должно предполагать, что какъ для монгольскаго, такъ и для калмыцкаго перевода служилъ оригиналомъ одинъ текстъ — тибетскій. Можетъ быть, и первый монгольскій переводъ сдѣланъ имъ же самимъ, какъ и позднѣйшій съ монгольскаго на калмыцкій. Имя, помѣщенное въ концѣ монгольскаго перевода, намекаетъ на имя перваго наставника Зая-пандиты, Маньджу-Шири-Хутухту,  отъ котораго онъ получилъ званіе топпа. Быть можетъ, монгольскій переводъ первоначально былъ сдѣланъ этимъ наставникомъ, а можетъ быть и самого Заяпандиту такъ прозвали. Вѣроятно, монгольскій перепереводъ сдѣланъ въ концѣ XVI, или въ началѣ XVII вѣка.

Содержаніе *Чихула - Хэрэклэкчи* представляетъ разнообразныя свѣдѣнія, въ слѣдующемъ порядкѣ:

Стр. 1—4: «Краткая біографія Шакьямуни»;

Стр. 4—6: «Отрывистая исторія буддизма въ Индіи и Тибетѣ»;

Стр. 6—8: «Объясненіе значенія разныхъ буддійскихъ терминовъ, употребляемыхъ въ богословскихъ буддійскихъ книгахъ»;

Стр. 8—37: «Сотвореніе міра». Этотъ отдѣлъ обработанъ г. Ковалевскимъ и напечатанъ имъ въ «Ученыхъ Запискахъ Казанскаго Университета», и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Буддійская Космологія», (Казань, 1837).

Стр. 37—39: «Родословная индійскихъ царей»;

Стр. 39—40: «Родословная монгольскихъ царей». Эту краткую родословную можно привести здѣсь всю въ переводѣ. Вотъ она:

«Спустя 3250 лѣтъ по смерти Будды, родился Чингисъ въ сѣверной Монголіи. Этотъ великій государь, покорившій много странъ и много разно-язычныхъ народовъ, прославился подъ именемъ царя Чакарвара. Сынъ его, Угутэй, царствовалъ 6 лѣтъ, распространилъ законъ и вѣру; его сынъ, Хулукъ, царствовалъ 6 мѣсяцевъ. Младшій сынъ Чингисъ-хана былъ Тулой. Его сынъ, Мунхэ, царствовалъ десять лѣтъ. Его сынъ былъ Хубулай-Сэцэнъ-хаганъ, у котораго были войска пѣшія, конныя и многія другія, состоящія изъ четырехъ отдѣленій. Этотъ Хубулай покорилъ на-

родъ Меганъ (Минякъ?) и религію народа Дзангъ въ годъ барса, въ стихію дерева. Онъ покорилъ, въ годъ свиньи, шесть китайскихъ губерній и Маньджуровъ взялъ великій городъ Ханьжу, находящійся на востокѣ Индіи, на южной границѣ Китая, и распространилъ вѣру Будды, учредилъ законъ, которымъ хувраки освобождались отъ наказанія. У этого великаго царя была жена, по имени Цамой, отмѣнно благоговѣющая предъ треня драгоцѣнностями. Этотъ хаганъ возсѣлъ на престолъ на 46 году, царствовалъ 36 лѣтъ, скончался на 86 году. Улдзыту-хаганъ царствовалъ четыре года; Буянту-хаганъ царствовалъ десять лѣтъ; Гэгэнъ-хаганъ царствовалъ три года; Исунъ-Тэмуръ-хаганъ царствовалъ пять лѣтъ; Ирчи-мылъ-хаганъ царствовалъ 40 дней; Пре-Кусэлъ-хаганъ царствовалъ 10 мѣсяцевъ; Заяганту-хаганъ царствовалъ 15 лѣтъ; Ринчинъ-Балъ-хаганъ царствовалъ одинъ мѣсяцъ; Тогонъ-Тэмуръ-хаганъ царствовалъ 28 лѣтъ; онъ потерялъ свой престолъ, которымъ овладѣлъ китайскій Тайбункъ-хаганъ.»

Вотъ и вся монгольская родословная! Кратче быть невозможно.

Стр. 40—42: «Разрушеніе міра пятью стихіями».

Остальныя 58 страницъ рукописи содержатъ въ себѣ объясненіе разныхъ словъ, встрѣчаемыхъ въ разныхъ буддійскихъ книгахъ въ видѣ метафоръ, и благочестивыя наставленія для буддистовъ.

И такъ, *Чихула-Хэрэклэкчи*, одинъ изъ семи источниковъ исторіи Сананъ-Сэцэна, доставляетъ всего одну страничку данныхъ для исторіи Монголовъ! Въ сравненіи съ такой краткостью, *Алтанъ-Тобчи* можетъ показаться обширною лѣтописью.

До тѣхъ поръ, пока счастливый случай не откроетъ новыхъ монгольскихъ историческихъ текстовъ, *Алтанъ-Тобчи* и Сананъ-Сэцэнъ останутся единственными *монгольскими* лѣтописными источниками для исторіи Монголовъ.

П. САВЕЛЬЕВЪ.

Въ іюнѣ 1858.

ᠡᠨᠡ ᠪᠣᠯᠪᠠ

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

(11)

(12)

(13)

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

(31)

[illegible]

(32)

[illegible]

[illegible]

(35)

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

(47)

[illegible]

(49)

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

(52)

[illegible]

(52)

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

(60)

[illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] (73) [illegible]

[illegible] (72) [illegible]

(74)

(78)

[illegible]

(81)

(82) [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

(87)

[illegible]

[illegible]

[illegible]

(91)

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

(96)

(95)

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible] (100) [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] (101) [illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]

(102)

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

(107)

(108)

(106)

[illegible]

(109)

[illegible]

[illegible]

[illegible]

РАЗНОЧТЕНІЯ, ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ ТЕКСТА.

—

(1) Вмѣсто явно ошибочнаго въ текстѣ *крисъ*, слѣдуетъ читать [illegible] *бирюза* или [illegible] *темный*, по-тибет. [illegible]

(2) Въ Сананъ-Сэцэнѣ [illegible]

(3) Читай [illegible]

(4) Вмѣсто непредставляющаго смысла [illegible] я читалъ [illegible]

(5) Читай [illegible], какъ у Сананъ-Сэцэна.

(6) [illegible] (7) [illegible]

(8) [illegible]

(9) Читай [illegible] или [illegible]

(10) [illegible]

(11) Читай: [illegible], *плакать*, вмѣсто [illegible] *дружиться*, которое не представляетъ здѣсь смысла.

(12) Нынѣ употребляется [illegible] *талалга*; ср. туркское [illegible].

(13) [illegible] (14) [illegible]

(15) Читай, какъ въ примѣчаніи 5.

(16) [illegible] (17) [illegible]

(18) Читай [illegible] (19) [illegible]

(20) [illegible]

(21) [illegible] [illegible] [illegible]

(22) [illegible]

(23) Читай [illegible]

(24) Читай [illegible]

(25) Читай [illegible]

(26) Въ текстѣ явная описка, вм. [illegible] или [illegible]

(27) [illegible] (28) [illegible]

(29) [illegible] (30) [illegible]

(31) Слѣдуетъ прибавить опущенное [illegible]

(32) [illegible] (33) [illegible]

(34) [illegible] (35) Читай [illegible]

(36) [illegible] (37) [illegible]

(38) Правильнѣе [illegible] или же [illegible] или [illegible]

(39) [illegible] или [illegible] (40) [illegible]

(41) Чит. [illegible] *колодезь*, или [illegible] *ограда.*

(42) [illegible] (43) [illegible]

(44) [illegible] (45) [illegible] или [illegible]

(46) [illegible] (47) [illegible]

(48) [illegible] (49) [illegible]

(50) [illegible] какъ у Сананъ-Сэцэна.

(51) [illegible] по Сананъ-Сэцэну.

(52) [illegible] Всю фразу надо читать: [illegible] [illegible] [illegible]

(53) Читай [illegible] вмѣсто [illegible]

(54) Читай [illegible] вмѣсто [illegible]

(55) [illegible]

(56) [illegible] [illegible] вм. [illegible] [illegible]

(57) [illegible] по-тибет. ཉུང་ или ཉུང་དཀར монг. [illegible]

(58) Читай: [illegible] вмѣсто [illegible]

(59) Читай [illegible], какъ написано это слово въ другихъ мѣстахъ.

(60) [illegible] [illegible] (61) [illegible]

(62) [illegible] (63) Читай [illegible]

(64) [illegible]

(65) Такъ какъ въ примѣчаніи 63.

(66) [illegible] или [illegible]

(67) [illegible] (68) [illegible]

(69) [illegible] вмѣсто [illegible]

(70) [illegible] (72) [illegible]

(71) [illegible]

(73) (74) Читай [illegible] или [illegible]

(75) [illegible]

(76) Читай [illegible] или [illegible]

(77) [illegible] [illegible]

(78) [illegible] [illegible] [illegible]

(79) Слѣдуетъ прибавить: [illegible] (80) [illegible]

(81) Слѣдуетъ прибавить: [illegible]

(82) [illegible] (83) [illegible]

(84) [illegible] вмѣсто [illegible]

(85) Слѣдуетъ прибав.

(86)

(87)

(88)

(89)

(90) Тоже что въ примѣчаніи 44.

(91)

(92)

(93)

(94)

(95)

(96)

(97)

(98)

(99) Я читалъ:

(100)

(101)

(102)

(103)

(104)

(105)

(106)

(107)

(108) или

(109)

АЛТАНЪ-ТОБЧИ.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ О ПРОИСХОЖДЕНІИ ЦАРЕЙ[1].

—

Омъ свасти сидемъ[2]. Разскажу вкратцѣ исторію происхожденія индійскихъ и тибетскихъ мудрыхъ царей изъ рода Бодисатвъ. Существамъ сего міра, не имѣвшимъ понятія о справедливости, всевышній Будда назначилъ въ цари Маха-Самади, который прославился подъ именемъ *Олана Эркгукдэксэнъ-хаганъ* (царь многими возведенный).

Въ Индіи первый царь былъ *Маха-Самади*. Его сынъ, *Тэткукъ-Асаракчи-хутукту*-хаганъ. Сынъ его, *Самади-Кукэ*, владѣлъ четырьмя частями свѣта и назывался *Ал-*

---

[1] Въ текстѣ, это заглавіе не въ началѣ. а написано только въ концѣ рукописи.

[2] ༀ Санскритское слово, по-тибетски སྐུ་གསུང་ཐུགས་, слово мистическое, которое означает буддійскую тройственность, т. е. Будду, ученіе и духовенство. Санскр. *свасти*, тибет. *гэлэкъ* དགེ་ལེགས་, по-монг. «счастіе, благополучіе». *Омъ свасти сидемъ*, «да будетъ миръ и благополучіе». Это выраженіе ставится въ началѣ книгъ въ томъ же смыслѣ, какъ въ русскихъ рукописяхъ: «Во имя Отца» и пр., у мусульманъ — *бисмилла*, и т. п.

танъ-Курдуту-хаганъ (царь, имѣющій золотое колесо). Сынъ его, *Удлэскулэнту*, обладалъ тремя частями свѣта и назывался *Мунгунъ-Курдуту*-хаганъ (имѣющій серебряное колесо). Сынъ его, *Маши-Удзэскулэнту*, обладалъ двумя частями свѣта и назывался *Дзесъ-Курдуту*-хаганъ (имѣющій мѣдное колесо). Его сынъ, *Саинъ-Удзэскулэнту*, владѣлъ одною частью свѣта и назывался *Тэмуръ-Курдуту*-хаганъ (имѣющій желѣзное колесо). Его сынъ, *Тэкгусъ-Удзэскулэнту*-хаганъ. Всѣ эти пять царей извѣстны подъ именемъ *Чакраварти*[3].

У царя Тэкгусъ-Удзэскулэнгту былъ сынъ *Тальбикчи*-хаганъ. Его сынъ *Сакуни*-хаганъ; его сынъ *Гуши*-хаганъ, его сынъ *Екэ-Гуши*-хаганъ, его сынъ *Саинъ-Онцакчи*-хаганъ; его сынъ, *Маха-Самади*-хаганъ, отъ котораго произошелъ *Гэркэ*-хаганъ; сынъ его, *Саинъ-Турулту*-хаганъ, отъ котораго произошло много поколѣній, а сыновья его: *Аригунъ-Идэкгэту* хаганъ, *Цаганъ-Идэкгэту*-хаганъ, *Тангсукъ-Идэкгэту*-хаганъ и *Аршіянъ-Идэкгэту*-хаганъ.

У Аригунъ-Идэкгэту было два сына: *Бурханъ-бакши*[4] и *Удзэскулэнгту-нанди*. У Цаганъ-Идэкгэту было два сына: *Насуна-Тэкульдэръ-илюкчи* и *Тэкгусъ-Саинъ*. У Тангсукъ-Идэкгэту было два сына: *Насуна Тэкгульдэръ-Екэ-нэрэту* и *Улу-Туридукчи* У Аршіанъ-Идэкгэту было два сына: *Ананда* и *Дэвадатъ*.

Отъ Шакьямуни родился сынъ *Рахула*. Такъ какъ Ра-

---

[3] *Чакраварти*, сан. слово, по-тиб. *Хорлу-джурджитъ* འཁོར་ལོ་བསྒྱུར་བྱེད་ по-монг. ᠬᠦᠷᠳᠦ ᠡᠷᠭᠢᠭᠦᠯᠦᠭᠴᠢ *Курду-эргикгулукчи*, «приводящій въ движеніе колесо».

[4] Эпитетъ Шакьямуни.

хула сдѣлался тонномъ[8], то говорятъ, что родъ царя Аргунъ-Цэкгэту пресѣкся; однако многими сочиненіями утверждается противное.

По прошествіи слишкомъ тысячи лѣтъ по смерти Будды, у подошвы Снѣжной горы (въ Тибетѣ), слѣдующимъ образомъ распространялось поколѣніе отъ линіи *Маха-Самади*-хагана. *Сарба*-хаганъ, сынъ *Гусала*-хана, царя Магадійскаго въ Индіи, имѣлъ пять сыновей. Младшій изъ нихъ отъ природы имѣлъ волосы сине-голубые, ноги и руки плоскія (съ перепонками), глаза мигающіе снизу вверхъ. Признавъ его непохожимъ на своихъ предковъ, положили его въ мѣдный ящикъ и бросили въ рѣку Гангъ. Одинъ старецъ нашелъ этотъ ящикъ на рѣкѣ, протекающей по границѣ Непала и Тибета, раскрылъ его и увидѣлъ въ немъ прекраснаго малютку. Этотъ мальчикъ, достигши шестнадцати-лѣтняго возраста, отправился искать высокую и красивую мѣстность для своего кочевья, прибылъ къ снѣжной горѣ Шамба, и когда онъ осматривалъ ея четыре стороны, дабы тутъ поселиться, встрѣтился ему одинъ Тибетецъ и спросилъ: «откуда ты?» Въ отвѣтъ на это онъ указалъ пальцемъ вверхъ (т. е. на небо). «Это дитя родилось по волѣ неба, а у насъ въ Тибетѣ нѣтъ царя»: сказавъ это, (Тибетецъ) посадилъ его на шею и принесъ (домой).

Этотъ самый *Кудзугунъ-Сандалиту*-хаганъ (имѣющій престолъ на шеѣ) есть первый тибетскій царь. У него сынъ *Эркинъ-Дологанъ-Кумунъ-Сандалиту*-хаганъ; его сынъ *Айдулха Арбай-Сандалиту*-хаганъ; его сынъ *Гуа-Собинъ-Моринъ-Сандалиту*-хаганъ; его сынъ *Далай-Субинъ-ару-алтанъ-Сандалиту*-хаганъ. У послѣдняго было три сына: старшій *Борочо*, средній *Шубугучи* и младшій *Буртэ*-

---

[8] *Тониъ*—вторая низшая степень духовнаго сана.

чоно. Всѣ они между собою были во враждѣ, въ слѣдствіе чего Буртэ-чоно переправился на сѣверъ черезъ большое озеро Тэнгисъ и прибылъ въ страну Зудъ, гдѣ женился на дѣвицѣ *Гуа-Маралъ*, не бывшей еще за мужемъ, и остался тамъ жить. Онъ-то и былъ родоначальникомъ поколѣнія *Монголъ*. У него сынъ *Бадай-цаганъ*; его сынъ *Тэкучинъ;* его сынъ *Хорицалъ-Мэргэнъ;* его сынъ *Укджамъ-Богуралъ;* его сынъ *Сали-галдзагу*; его сынъ *Екэ-Нидунъ;* его сынъ *Самъ-Сочи*; его сынъ *Буритай-Мэргэнъ*, его сынъ *Торголчинъ-Баянъ*. Торголчинъ-баянъ имѣлъ жену Борокчинъ-Гуа и двухъ сыновей: *Дува-Сохоръ* и *Добо-Мэргэнъ*.

Дува-Сохоръ имѣлъ среди лба одинъ глазъ, которымъ могъ видѣть на разстояніи трехъ кочевокъ[6] и у него были двѣ лошади Даиръ и Боро[7]. Однажды Дува-Сохоръ, съ братомъ своимъ Добо Мэргэномъ, отправился на (гору) Бурханъ-Галданъ. Взойдя на ея вершину, Дува-Сохоръ увидѣлъ перекочевку, которая приближалась къ нимъ по теченію рѣки Тэнгэликъ, вытекающей изъ Туйрунъ-Гэрэту и сказалъ своему брату, Добо-Мэргэну: «при перекочевкѣ, которая идетъ сюда по теченію рѣки Тэнгэликъ, въ одной повозкѣ[8] сидитъ дѣвица, ея красота и блескъ видны отсюда, поди и посмотри.» Добо-Мэргэнъ отправился, и когда посмотрѣлъ, то оказалось, что эта дѣвица была уже невѣста. Онъ спросилъ ее: «что

---

[6] У Монголовъ разстояніе мѣста опредѣляется такъ: до восхода солнца они начинаютъ разбирать свои юрты и навьючивать имущества на верблюдовъ и лошадей, а потомъ со своими стадами переходятъ на другое пастбище. Этотъ переходъ совершается до полуденнаго солнца. Разстояніе такого перехода бываетъ иногда больше, иногда меньше, смотря потому, какъ рано успѣютъ собраться съ мѣста и какъ скоро совершатъ переходъ; но онъ долженъ быть не менѣе 10 верстъ. Переходами или кочевками считается разстояніе.

[7] Неуклюжая большаго роста лошадь, уже давно объѣзженная, называется *даиръ*; *боро* — «сѣрый».

[8] *Уйлджэгэнъ*: значеніе этого слова неизвѣстно.

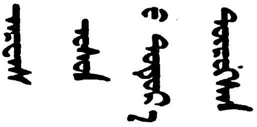
вы за народъ?» Она отвѣчала: «мое имя Аланъ-Гуа, родилась[9] отъ Барагучинъ-Гуа, жены хори-тумэтскаго Суралтай-Мэргэна».........

Дабо-Мэргэнъ взялъ ее (въ жены) себѣ, и она родила двухъ сыновей: *Бугу-Хатаги* и *Бугучи-Сальджитъ;* отъ Бугучи-Сальджита произошло поколѣніе сальджигутское, а отъ Бугухатаги — хатагитское.

По смерти Дабо-Мэргэна, когда Аланъ-Гуа, живя безъ мужа, родила еще трехъ сыновей: *Бэктэра*, *Бэлгэтэйя* и *Бодонцара*, Бугу-Хатаги и Бугучи-Сальджигутъ подумали: «вѣдь у насъ небыло близкаго, вхожаго человѣка; отъ кого же эти дѣти?» Мать узнала ихъ мысли, и сказавъ: «дѣти мои, ваши мысли справедливы!», дала каждому по прутику: они переломили ихъ; потомъ она дала каждому по пяти прутиковъ, но они не могли переломить ихъ. Тогда Аланъ-Гуа сказала: «сила васъ, пятерыхъ, подобна этому. Бывало въ темную ночь мѣсяцъ въ видѣ мальчика входитъ въ мою юрту, и юрта озарялась свѣтомъ; погладивъ животъ мой, онъ, выходя изъ юрты, превращался въ рыжую-лысую собаку, которая, облизываясь, выходила чрезъ правую дверь. Соображая это, я думаю, что дѣти мои родились по опредѣленію неба».

При раздѣленіи наслѣдства, Бодонцару досталась лошадь, по имени Годунъ-шаргала, имѣвшая ссадину на спинѣ. «Если дали, такъ возьму, но судьба моя, ты вѣдай» (будь судьею): съ этими словами Бодонцаръ отправился вверхъ по Онону.

---

[9] Въ Санангъ-Сэцэнѣ сказано «рожденная законнымъ образомъ»; въ Алтанъ-Тобчи это выраженіе замѣнено словами  «рожденная въ водѣ варса.»

Замѣтивъ (лань) Гуа-Маралъ, прячущуюся отъ сѣраго волка въ пещеру скалы, онъ подкрался и застрѣлилъ ее; мясо ея служило ему пищею, а построенный при истокѣ Онона изъ травы шалашъ (умбулэнь) служилъ жилищемъ. Живя тутъ, Бодонцаръ увидалъ сѣраго ястреба (самка сокола), поймалъ его силками, сдѣланными имъ самимъ изъ хвоста лошади, и пускалъ его на птицъ. Во время своей охоты по Онону, онъ отдыхалъ и утолялъ жажду у кочующаго по теченію этой рѣки народа.

Спустя нѣсколько времени, братъ его Бэктэръ отправился его искать, говоря: «одинъ изъ нашихъ братьевъ отправился вверхъ по Онону, умеръ онъ или нѣтъ?» Когда онъ прибылъ къ тому кочующему народу и спросилъ: «не видали ли юношу, у котораго двухъ-годовалый чалый жеребенокъ?», то ему отвѣчали, что «есть такой юноша, у котораго чалая лошадь и сѣрый ястребъ; онъ каждый день отдыхаетъ и утоляетъ здѣсь жажду; ты нигдѣ не ищи его, а жди здѣсь». Въ полдень, когда изъ безоблачнаго неба пошелъ дождь, народъ сказалъ: «это признакъ, что юноша въ полдень будетъ сюда». Между тѣмъ перья пойманныхъ ястребомъ птицъ отъ вѣтра разлетались по Онону, какъ хлопья снѣгу во время метели.

Когда братья возвращались домой, Бодонцаръ сказалъ Бэктэру, старшему брату своему: «говорятъ, что у человѣка есть старшій (глава, начальникъ), у платья воротникъ[10], нападемъ же на этотъ народъ (у него нѣтъ главы)». Бэктэръ отвѣчалъ на это: «по прибытіи домой поговоримъ объ этомъ съ братьями». Бодонцаръ еще разъ повторилъ объ этомъ, но Бэктэръ не согласился. Впослѣдствіи эти пять братьевъ по-

---

[10] Мысль та, что народъ не можетъ существовать безъ главы или начальника, потому что безъ него въ народѣ были бы ссоры и раздоры; точно такъ безъ воротника нельзя носить платья.

корили этотъ народъ и, при нападеніи, Бодонцаръ взялъ себѣ (въ жены) дѣвицу, въ половинѣ беременности.

У Бодонцара былъ сынъ *Хабичи-Хулукъ*; у него сынъ *Бикиръ*-багатуръ, у него сынъ *Маха-Дуади*, у него сынъ *Хаджи-Хулукъ*, у него сынъ *Байсангуръ-Докшинъ*; его сынъ *Тонбиней-Сэцэнъ*; у него сынъ *Хабулъ*-хаганъ, его сынъ *Барукъ*-багатуръ; его сыновья: *Эсукэй*-багатуръ, *Дартай* и *Очукгэнъ*.

Однажды Эсукэй-багатуръ съ своими братьями Дартайемъ и Очукгэномъ отправились на охоту. Вообразивъ, что лежитъ заяцъ, Эсукэй-багатуръ выстрѣлилъ въ него; но оказалось, что это была прогалина, образовавшаяся отъ женской мочи; потомъ они пошли по слѣду телѣги, и тогда Эсукэй замѣтилъ своимъ братьямъ, что эта женщина должна родить хорошаго сына. Продолжая идти по слѣдамъ телѣги, они догнали тайджигутскаго Джилэту, который, взявъ у Олхонутовъ Укгэлэнъ-Экэ, возвращался домой. Эсукэй предложилъ братьямъ своимъ напасть на него. Укгэлэнъ-Экэ сказала своему мужу: «не замѣтилъ ли ты дурное намѣреніе давишнихъ троихъ?» Потомъ сняла съ себя рубаху и, отдавая ее мужу, прибавила: «на, отдай имъ.» Въ это самое время Эсукэй съ братьями напалъ на нихъ; они за три рѣки и за три горы гнались за Джилэту, но не могли поймать его. Укгэлэнъ-Экэ (жену Джилэту) Эсукэй взялъ себѣ и отправились домой. Въ дорогѣ, Укгэлэнъ-Экэ безпрестанно плакала. Доритай и Очукгэнъ сказали ей: «мы уже миновали три рѣки и три горы; если бы ты и желала возвратиться, то не найдешь дороги; если будешь смотрѣть (за нами откуда либо съ высоты), не увидишь никакаго предмета; если ты будешь плакать, никто не услышитъ.» Услыхавъ такія рѣчи, Укгэлэнъ-Экэ замолкла.

Въ то время, когда (Эсукэй) привезъ добычу, взятую при нападеніи на татарскаго Тэмучина, Укгэлэнъ-Экэ родила

мальчика, почему ребенку и дано имя *Тэмучинъ*. Она же родила еще: *Хасара*, *Хачику* и *Очику*, четырехъ, все сыновей.

Эсукэй, съ сыномъ своимъ *Тэмучиномъ*, поѣхалъ къ Олхонутамъ, которые были (Темучину) родственники по матери, искать для сына невѣсту. На пути своемъ онъ встрѣтилъ хонгэрутскаго *Дай-Сэцэна*, который вмѣстѣ съ *Тонгуръ-Цэгэцэромъ* пояхъ въ то время свой табунъ на рѣкѣ Цорго. Дай-Сэцэнъ, увидавъ Эсукэя, спросилъ его: «куда ты ѣдешь, молодой сватъ мой, изъ рода Кіота, изъ фамиліи Бурджигина?» Эсукэй отвѣчалъ, что онъ ѣдетъ къ Олхонутамъ, искать для своего сына, Тэмучина, жену. Дай-Сэцэнъ сказалъ на это: «нынѣшнюю ночь приснилось мнѣ, будто я въ видѣ бѣлаго общаго[11] кречета держу ворона, изображающаго знакъ[12] рода Кіота, изъ фамиліи Бурджигэна. Пойдемъ ко мнѣ, у меня есть девятилѣтняя дочь *Буртэ*; я тебѣ отдамъ ее. У насъ ведется издавна такой обычай:

«прекрасную дѣвицу, посадивъ въ одноколку,
запряженную чернымъ верблюдомъ,
дѣлать царицею всего народа;
прекрасную дѣвицу,
возведя на колесницу (столъ),
запряженную бѣло-лысымъ верблюдомъ,
дѣлать владычицею сильнаго народа».

Эсукэй-багатуръ оставилъ своего единственнаго (любимаго) сына у Дай-Сэцэна, которому подарилъ свою коренную лошадь[13]; отправляясь домой, онъ сказалъ (будущему

[11] Слово *хутала* я перевожу здѣсь «общій»; г. Бобровниковъ, въ своей Монгольско-калмыцкой грамматикѣ на стр. 161, принимаетъ это за собственное имя Хуталы (дяди Чингиса).

[12] Въ подлинникѣ *сулдэ*

[13] Коренною лошадью называется у Монголовъ та, на которой самъ хозяинъ ѣздитъ постоянно. Дарить кому-нибудь эту лошадь значитъ оказать тому свое уваженіе.

своему родственнику): «сынъ мой боится собакъ, берегите его.»

Когда онъ возвращался домой, то недалеко отъ дороги увидалъ пиршество Татаръ и подумалъ: «они народъ опасный, но нельзя же не заѣхать къ нимъ[14]», и заѣхалъ. Татары подали ему пищу, смѣшанную съ ядомъ, вслѣдствіе дѣйствія котораго онъ торопился пріѣздомъ въ свой домъ. Пріѣхавъ домой, онъ сказалъ: «я заѣзжалъ къ опасному татарскому народу, который, смѣшавъ пищу съ ядомъ, подалъ мнѣ.» Чувствуя приближеніе своей смерти, Эсукэй приказалъ *Манхалію* немедленно привезти сына его *Тэмучина*, оставленнаго у хонгэратскаго Сэцэна; но прежде чѣмъ привезли Тэмучина, *Эсукэй*-багатуръ скончался.

Благоразумная вдова-мать
кормила своего умнаго сына лукомъ
и довела его до степени повелителя;
благонравная вдова-мать
вскормила ниспосланнаго судьбою, сына своего
мoлявкою (мелкою рыбою)
и достигла того, что онъ взошелъ на престолъ,
ему предназначенный.

Однажды *Тэмучинъ* и *Хасаръ* сказали своей матери, Укгэлэнъ-Экэ: «Бэктэръ постоянно отнимаетъ выуженную нами рыбу, а сегодня отнялъ онъ и жаворонка, застрѣленнаго Хасаромъ; мы намѣрены убить Бэктэра и Бэлгэтэя.» Мать ихъ отвѣчала на то: «дѣти мои! какъ можно говорить такія слова, подобныя словамъ пяти сыновей тайджигутскаго Арбай-Гуа? у васъ нѣтъ друзей, кромѣ своей тѣни, нѣтъ цуцага (орудія), кромѣ своего хвоста[15]». Тэмучинъ и Хасаръ,

[14] Монголы свято соблюдаютъ обрядъ посѣтить пиршество знакомыхъ или незнакомыхъ, если только замѣтятъ, хотя на нѣсколько минутъ.

[15] *Цуцага* переведено словомъ «орудіе», потому что есть слово *цуцагайнъ-номъ*, что̀ значитъ лукъ у самострѣла для ловли звѣрка, называемаго *зумбра*. Хотя здѣсь нѣтъ слова *номо* «лукъ», но по смыслу видно, что здѣсь слово *цуцага* должно означать орудіе. Смыслъ этой пословицы та-

недовольные такими словами, вышли, хлопнувъ дверью[16] и прямо отправились къ Бэктэру, который караулилъ восемь соловыхъ мериновъ. Тэмучинъ спереди, а Хасаръ сзади, напали на Бэктэра, и когда хотѣли убить его, Бэктэръ сказалъ: «хотите меня убить, убейте; но брата моего, Бэлгэтэя, не убивайте; онъ понадобится вамъ когда-нибудь.» Когда они, убивъ Бэктэра, пришли къ своей матери, она сказала имъ: «вы, дѣти мои подобны ястребамъ, нападающимъ на скалы, — подобны черной собакѣ, кусающей свои ребра, — подобны сѣрымъ волкамъ, рыскающимъ въ пасмурный день, — подобны верблюдамъ, кусающимъ задніе ноги верблюженка, — подобны дворовымъ собакамъ, нападающимъ на чернѣющіе предметы, и тигру, котораго нельзя удержать: что вы надѣлали?»

Въ это же время внезапно напали на нихъ Тайджигуты и требовали выдачи одного только Тэмучина, а мать и пятеро, говорили они, имъ ненужны. Тэмучинъ, услыхавъ это требованіе, скрылся въ одномъ недоступномъ мѣстѣ рѣки Онона[17] Тайджигуты, узнавъ мѣсто, стерегли входъ, чрезъ который онъ скрылся. Проведя тамъ трое сутокъ, онъ отправился домой; но на пути вдругъ (съ лошади) спало у него сѣдло, подтянутое подгрудникомъ и подпругою. Тэмучинъ подумалъ: «положимъ, что сѣдло, подтянутое подпругой, можетъ упасть: но какъ же сползло сѣдло, когда оно было подтянуто подгрудникомъ? Вѣроятно Тенгри запрещаетъ мнѣ выходить отсюда.» Съ этими словами возвратился онъ назадъ и провелъ еще трое сутокъ. По прошествіи этихъ трехъ сутокъ, онъ вы-

---

ковъ: «у васъ нѣтъ ни оружія, ни защитника, кромѣ своей личности, своей силы.»

[16] «Хлопнуть дверью» значитъ оказать неуваженіе, непокорность, неприличіе.

[17] *Онон у сэм іер орогу.* — *Сэмъ* означаетъ врога лазу, тропинку въ лѣсу.

шелъ снова, и увидѣлъ, что выходъ былъ заложенъ крѣпкимъ бѣлымъ камнемъ. «Тотъ же Тенгри, отецъ мой, запрещаетъ мнѣ выходить», сказалъ Тэмучинъ и провелъ тамъ еще трое сутокъ. Такимъ образомъ, безъ пищи и питья, пробылъ Тэмучинъ девять сутокъ. «Если мнѣ суждено умереть, на то воля Тенгрія, отца моего.» Съ этими словами Тэмучинъ подошелъ къ выходу; но Тайджигуты, все еще стерегшіе входъ, схватили его, привезли домой и заковали въ цѣпи. Сыновья Торгонъ-Шары: Чимбай и Чилагунъ, весьма сожалѣли о Тэмучинѣ. Пятнадцатаго числа, лѣтняго мѣсяца, во время празднества, Тайджигуты поручили стеречь Тэмучина одному легкомысленному человѣку. Тэмучинъ ударилъ цѣпью приставленнаго къ нему человѣка; тотъ закричалъ, и на этотъ крикъ пришли къ нему Тайджигуты; но Тэмучинъ успѣлъ спрятаться въ водѣ. Торгонъ-Шара, замѣтивъ его въ водѣ, сказалъ: «давишній мальчикъ хорошо сдѣлалъ, что спрятался въ водѣ», и потомъ обратясь къ Тайджигутамъ, сказалъ: «я поищу его въ лѣсу; вы же, вельможи, убирайте свои кудри, и вы, благородные люди, гладьте свои бороды»[18]. Тайджигуты разошлись. (Во время приготовленія айрака) подъ шумъ отъ болтанія молока, Тэмучинъ, въ глубокую ночь, пришелъ къ Торганъ-Шарѣ, своему спасителю, который сказалъ ему: «Тэмучинъ, ты ступай къ своей матери; зачѣмъ сюда ты пришелъ?» Чилагунъ и Чимбай, сыновья Торганъ-Шары, сказали своему отцу: «какая будетъ намъ честь, если жаворонку, ищущему убѣжища, и человѣку, нарочно пришедшему къ намъ, мы не поможемъ?» Сказавъ это, сбили оковы топоромъ, освободили Тэмучина и спрятали его съ своею (Торганъ-Шары)

---

[18] *Пословица*, имѣющая значеніе: «объ этомъ (дѣлѣ) не думайте, не безпокойтесь, дѣлайте что вамъ угодно, веселитесь!» (потому что тогда было время празднества).

дочерью, Хатаганою [19], въ телѣгу, въ которой была положена шерсть. Тайджигуты, вставъ рано утромъ, и говоря: «куда спрятался этотъ закованный мальчикъ?», пошли обыскивать дома другъ у друга, и для обыска также пришли къ Торгонъ-Шарѣ. Обыскавъ домъ Торгонъ-Шары, стали разсматривать телѣгу съ овечьею шерстью. Жена Торгонъ-Шары съ упрекомъ сказала имъ: «какъ можно въ такое знойное время спрятать живаго человѣка въ телѣгу, заваленную шерстью?» Тайджигуты разошлись. Когда они ушли, Торгонъ-Шара сказалъ Тэмучину: «ну, ты чуть-чуть не развѣялъ мой пепелъ» [20]. Потомъ, отвязавъ одно стремя [21] своей бѣлой неплодной кобылицы, отдалъ ее ему, зарѣзалъ полугодовалаго ягненка, мясо котораго отдалъ ему на дорогу, и сказалъ: «отправляйся скорѣе къ своей матери.» Тэмучинъ немедлено отправился и скоро прибылъ къ своей матери, Угэлэнъ-экэ, которая весьма (ему) обрадовалась.

Вслѣдъ за нимъ пришли Тайджигуты и угнали изъ табуна его восемь мериновъ. Повелитель (Тэмучинъ) сѣлъ верхомъ на лошадь Дархи-Хонгоръ, на которой Бэлгэтэй ѣздилъ на охоту за сурками, и погнался за ними по слѣдамъ измятой травы. Въ степи, по дорогѣ, встрѣтилъ повелитель Кулукъ-Богурчія, сына Лаху-Баянова, доившаго своихъ кобылицъ въ кожаную посуду. Богурчи спросилъ Тэмучина: «куда ѣдешь, ты, изъ рода Кіота, изъ фамиліи Бурджигэна?» Повелитель отвѣчалъ: «я преслѣдую Тайджигутовъ, угнавшихъ восемь

---

[19] Этотъ странный обычай еще до сихъ поръ существуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Уложивъ спать гостя съ дочерью своею, хозяинъ показываетъ свое расположеніе гостю, который свято долженъ соблюдать ненарушимость этой чести, этого довѣрія.

[20] Развѣять пепелъ значитъ истребить все семейство, чтобы не осталось прямаго нисходящаго потомства.

[21] Обычай — даря кому-нибудь лошадь отвязывать одно стремя, донынѣ существуетъ у нѣкоторыхъ Монголовъ.

моихъ соловыхъ мериновъ.» Кулукъ-Богурчи, сынъ Лаху-Баяна, предложилъ повелителю свою лошадь Хордунъ-хуба-цохуръ (быстро-корноухо-пѣгую), а для себя поймалъ изъ табуна Орукъ-шаргулъ и отправился вмѣстѣ съ повелителемъ. Когда они прибыли къ Тайджигутамъ и замѣтили на выгонѣ кругомъ этихъ восьми лошадей множество караульныхъ, спавшихъ въ это время, повелитель сказалъ Богурчію: «на, держи мою лошадь, я войду въ кругъ». Богурчи отвѣчалъ на это: «я слѣдовалъ за тобою въ счастливые для тебя дни; какая же будетъ мнѣ честь, если я отстану отъ тебя въ день наѣзда?» Повелитель сказалъ: «твои слова справедливы,» и потому они вмѣстѣ напали и угнали лошадей. Когда они возвращались домой съ этими восемью лошадьми, Лаху-Баянъ ждалъ ихъ на дорогѣ, при встрѣчѣ съ ними; глядя на нихъ, онъ смѣялся, а обратившись въ сторону, плакалъ. Потомъ, обратясь къ сыну, сказалъ: «впередъ поступай такимъ-же образомъ,» и съ этими словами закололъ полугодовалаго ягненка, мясо котораго отдалъ на дорогу Тэмучину и отправилъ его (въ путь). Тэмучинъ восемь соловыхъ мериновъ привелъ къ своей матери, и былъ возведенъ на престолъ.

Чингисъ-ханъ-Тэмучинъ родился по повелѣнію Тенгріевъ. По прошествіи слишкомъ 3,250 лѣтъ (по смерти Будды) родились двѣнадцать дурныхъ царей, мучителей всѣхъ существъ; для усмиренія ихъ, говорятъ, по повелѣнію Будды, и родился Чингисъ-Ханъ. Повелѣвая пятью цвѣтными (народами), четырьмя чужеземными государствами, собирая дань съ 720 разноязычныхъ народовъ изъ поколѣнія живущихъ на Джамбутибѣ (на землѣ, населенной людьми), и успокоивая (утверждая) свое имя въ странахъ и свои стопы на землѣ[22], Чингисъ-ханъ уподобился въ славѣ царю Чакраварти.

---

[22] *Нэрэ гацара кулъ кусэрэ амурлиджу*, «наслаждаясь, благоденствуя, благоденствуя, живя».

Суду-богдо[23] *Чингисъ* родился въ годъ змѣи[24]. На сорокъ пятомъ году отъ рожденія, въ годъ барса-*бинь*[25], на истокѣ рѣки Онона водрузилъ онъ девятиножное бѣлое знамя и возсѣлъ на престолъ.

Когда Хасаръ убѣжалъ, Чингисъ послалъ въ погоню за нимъ *Субэ'этэй*-багатура, и, при отправленіи его, рано утромъ произнесъ рѣчь:

«Вы, войска мои, подобныя стремглавъ бросающимся стадамъ!
вы, подобные алмазу, украшенію лунообразной шапки!
вы, подобные въ груду сложеннымъ камнямъ!
вы, сильные и мужественные, друзья мои!
вы, какъ камыша, выросшіе одинъ подлѣ другаго!
вы, подобные окружающей оградѣ!
вы, подвластныя мнѣ войска!
Слушайте[26].
Въ обыкновенной жизни ведите себя подобно телятамъ двухгодовалымъ[27]:
въ нападеніяхъ и наѣздничествахъ нападайте какъ ястребы;
во время пиршествъ и игръ, будьте рѣзвы, какъ молодые жеребята;
въ стычкахъ нападайте на враговъ, какъ соколы;

---

[23] *Суду-богдо*, «избранный, богомъ ниспосланный» (государь).

[24] У Сананъ-Сэцэна: въ годъ *жинь*-лошади (1162). Годъ змѣи будетъ 1161.

[25] 1206 года.

[26] Въ подлинникѣ находится слово , которое затемняетъ смыслъ начальной строфы стиховъ и вовсе не идетъ къ смыслу; поэтому я замѣнилъ его словомъ , которое значитъ «стремиться», «броситься».

[27] Въ этихъ стихахъ встрѣчаются три слова въ разныхъ видахъ и при каждомъ изъ нихъ находятся опредѣлительныя слова. Во-первыхъ *бирахy* съ опредѣлительнымъ словомъ *идамъ*. *Бирахy*, вѣроятно, есть *бирагу*: это чтеніе подкрѣпляется смысломъ слѣдующаго стиха; оно означаетъ двухъгодовалаго теленка, а опредѣлительное при немъ *идамъ* есть тибетское и означаетъ генія-покровителя. Такъ какъ слово *идамъ*, по смыслу рѣчи, не имѣетъ никакого отношенія къ своему опредѣляемому *бирагу*, то я и пропустилъ это слово въ переводѣ. Во-вторыхъ: *Бархy* я читаю также *бирагу*, а опредѣлительное при немъ *сулаханна*, читаю *сулаханъ*, что значитъ слабенькій. Въ третьихъ: *Бирхy* я читаю *бирагу*, а опредѣлительное при немъ *хашиха* читаю *хаширга*, «трехъ-лѣтній теленокъ.»

въ обыденной жизни мирно ведите себя, какъ безсильные телята;
въ наѣздахъ и нападеніяхъ будьте быстры, какъ кречеты,
во время забавъ и увеселеній живите дружно, какъ трехъ-годовалые и
двухъ-годовалые телята;
въ перестрѣлкѣ съ врагами нападайте, какъ ястребы,
поступайте какъ голодный тигръ, какъ озлобленный бургутъ;
будьте бдительны, какъ осторожный волкъ въ ясный день,
терпѣливы, какъ черный воронъ въ темную ночь,
непоколебимы и ревнивы, какъ нарицы.

Субэгэтэй-багатуръ на это отвѣчалъ: «будемъ по силѣ возможности преслѣдовать (враговъ) и исполнять твои повелѣнія: да сопутствуетъ во всемъ счастіе нашего повелителя!» Съ этими словами онъ отправился и догналъ Хасара, къ которому обратился съ слѣдующею рѣчью: «разлучиться съ родными значитъ сдѣлаться добычею постороннихъ, отдѣлиться отъ родныхъ (со стороны жены матери) значитъ обречь себя на жертву многочисленнымъ Монголамъ; отдѣлиться отъ многочисленнаго семейства значитъ сдѣлаться добычею малочисленнаго семейства (сироты). Если распадется многочисленное семейство, то оно сдѣлается добычею малочисленнаго народа. Можно найти движущихся (существъ, подданныхъ, народовъ), но родныхъ не найдешь; вообще можно пріобрѣсти народъ, но родныхъ пріобрѣсти нельзя.» Эти слова Хасаръ одобрилъ.

Тайджигутскій *Джингиръ-Бухэ* вырылъ въ своей юртѣ яму, закрылъ ее войлокомъ и съ коварнымъ намѣреніемъ пригласивъ Чингиса, сказалъ ему: «зачѣмъ враждовать намъ другъ противъ друга; вѣдь мы не чужіе.»

Когда Чингисъ собирался къ Тайджигутамъ, Укгэлэнъ-Экэ сказала ему: «не думай, что ядовитая змѣя тонка; не считай коварныхъ враговъ ничтожными; нельзя быть довѣрчивымъ, нужно быть осторожнымъ.» Богдо-Эдзэнъ (Чингисъ) сказалъ своимъ братьямъ: «ты, Хабату-Хасаръ, стереги колчанъ, а ты, Бухэ-Бэлгэтэй, смотри за порядкомъ; ты, Хочигу, караулъ лошадей, а ты, Ойту-Очиху, будь при мнѣ;

неизвѣстно какія дѣла насъ ожидаютъ.» (Когда прибыли къ Тайджигутамъ), Эдзэнъ (Чингизъ), вошедши въ юртъ, хотѣлъ было сѣсть на средину войлока; но Очукэнъ остановилъ его и посадилъ на край. Бэлгэтэй, замѣтивъ, что какая-то женщина, прихрамывая, пришла и отрѣзала лѣвое стремя (у сѣдла), переломилъ ей ногу, а она разсѣкла ему плечо. Началась тотчасъ схватка. Хасаръ считалъ стрѣлы (т. е. пускалъ стрѣлы безъ промаха); Бэлгэтэй же, размахивая чашею съ айракомъ (кислымъ молокомъ), посадилъ Эдзэна лѣвою рукою на неплодную бѣлую кобылицу, принадлежащую Токтогаху хорчинскому, за что̀ Токтогаху въ послѣдствіи былъ пожалованъ титуломъ *дарханъ*[20] (отъ него произошло поколѣніе Дархатъ); Хацагу, говорятъ, обвинили за то, что допустилъ отрѣзать стремя; Бэлгэтэй былъ тотчасъ пойманъ и привязанъ къ одноколкѣ по обвиненію повелителя, который говорилъ, что «во время ссоры съ Тайджигутами, Бэлгэтэй нарочно взялъ меня лѣвою рукою и посадилъ на лошадь.» Когда всѣ улеглись спать, Бэлгэтэй, таща на себѣ одноколку, пришелъ домой.

Хасаръ и Бэлгэтэй разсуждали: «Эдзэнъ насъ наказываетъ несправедливо; четыре чужестранныя государства и пять цвѣтовъ (народовъ) онъ покорилъ съ помощію силы Бэлгэтэя и искуснаго стрѣлка Хасара.» Эдзэнъ, узнавъ ихъ разговоръ, и желая подавить ихъ гордость, принялъ на себя видъ простаго старика, продававшаго длинный желтый лукъ. Хасаръ и Бэлгэтэй спросили его: «откуда ты, старикъ? мы тебя прежде не видали.» Старикъ отвѣчалъ: «я человѣкъ бѣдный, я продаю лукъ.» Они, желая уклониться отъ предложенія старика, не одобрили его лукъ, на что̀ старикъ сказалъ: «хотя мой лукъ некрасивъ, но попробуйте натянуть

---

[20] Тарханъ.

тетиву.» Белгэтэй взялъ лукъ, но не могъ надѣть тетивы; старикъ надѣлъ тетиву и отдалъ Хасару; Хасаръ не могъ натянуть лука. Тогда старикъ принялъ видъ сѣдовласаго старца, сидящаго на свѣтло-сивой лошади, приложилъ къ тетивѣ стрѣлу свою Алтанъ-тохокъ и выстрѣлилъ такъ, что она вонзилась въ скалу; сказавъ: «не вы ли братья Богдо-Эдзэна, стрѣлокъ Хасаръ и силачъ Бэглэтэй?» Пословица говоритъ: «лучше полонъ ротъ набить, чѣмъ говорить свысока.» Сказавши это, онъ скрылся. Братья его со страхомъ сказали: «навѣрно это самъ Богдо-Эдзэнъ!»

Послѣ того разнеслась молва, что енгутскій Уранъ-Чинкуй съ 31 поколѣніемъ отложился и откочевалъ на сѣверо-западъ. Эдзэнъ и Хазаръ погнались за Уранъ-Чинкуйемъ. Хасаръ сѣлъ на Самучина, прекраснаго коня Эдзэнова, и сыну своему, Токтонгуй-багатуру, поручилъ начальство надъ передовымъ войскомъ. Въ этомъ сраженіи Хасаръ до того бился, что конь его Самучинъ былъ весь облитъ кровью По одержаніи побѣды надъ Уранъ-Чинкуйемъ, привели его къ повелителю. Хасару досталась въ награду женщина Балбалъ; а Хубилганъ-Сэцэнъ-Эдзену (Чингисхану) Уранъ-Чинкуй поднесъ хрустальную пирамиду, за что получилъ дочь его, Алтанъ; а другую свою дочь, Алтанъ-Горголдой, Чингисъ отдалъ солонготскому хану Нарину. Ороши-Гуши, изъ поколѣнія Буриватъ, принадлежащаго Богдо-Эдзэну, поймавъ ястреба на великомъ Байкалѣ, принесъ его (повелителю), за что получилъ начальство надъ Буриватами.

Послѣ этого, Дзанчунъ, ханъ дзурчутскій, замѣтивъ, что Богдо-Эдзэнъ пускаетъ ястребовъ отъ рѣки Олхоруна до рѣки Уліа, убѣжалъ отъ него. Богдо-Эдзэнъ отправилъ за нимъ войско. На рѣкѣ Ула брода не было, а потому сыновья Хасара, Анчи-Анду-Шара и Галдзагу-Чингъ-тайджи, сосворивъ (соединивъ поводьями) 20,000 меринов посредствомъ уздеч-

ныхъ колецъ, съ крикомъ загнали ихъ въ воду и переправились. Осадивъ городъ (Дзанчуна), потребовали въ дань 10.000 ласточекъ и 1000 кошекъ; получивъ ихъ, они, накаливъ кійбунгъ[29], привязали къ ласточкамъ; а къ кошкамъ привязали хлопчатую бумагу и зажгли. Ласточки полетѣли въ свои гнѣзда, кошки поскакали по крышамъ домовъ, сдѣлался пожаръ, осажденные сдались. Дзанчунъ воскликнулъ: «что за чудеса, что за кошки!» Богдо женился на дочери Дзанчуна, (по имени) Балахай, которая, говорятъ, умерла на дорогѣ.

Потомъ Богдо-Эдзэнъ отправился въ походъ противъ Солонгутовъ[30], живущихъ на востокѣ. Рѣка Унэгэнъ была тогда въ разливѣ, почему онъ съ своими войсками остановился у этой рѣки и послалъ къ солонгутскому хану посла съ извѣстіемъ, что онъ пришелъ требовать дани. Солонгутскій ханъ Буха-Цаганъ, въ знакъ покорности своей, привезъ на лодкѣ свою дочь. Хулунь, далъ ей въ приданое кибитку изъ барсовой шкуры и поколѣніе Буха и Солонгосъ. Потомъ Богдо-Эдзэнъ, увидѣвъ Буха-Цаганъ-хана и прочихъ вельможъ, остановившихся на противоположномъ берегу, сказалъ имъ: «если вы пришли съ данью, то переправляйтесь сюда.» Они исполнили его повелѣніе. Послѣ этого Богдо-Эдзэнъ на подушкѣ задумалъ соединиться съ Хулуною; но вельможи доложили ему, что соединиться на открытомъ воздухѣ (въ дорогѣ) неприлично, нельзя ли отложить до прибытія домой. Но онъ не принялъ ихъ предложенія и соединился съ ней.

Онъ прожилъ у Солонгутовъ три года, а Аргасунъ-Хорчинъ (въ это время) управлялъ государствомъ. Желая знать

---

[29] *Кійбунгъ* — вѣроятно что-нибудь металлическое, судя по значенію слѣдующаго за нимъ слова *улайтаадджу*; но подлинное значеніе этого слова мнѣ неизвѣстно.

[30] Нынѣшнихъ Корейцевъ.

тетиву.» Бэлгэтэй взялъ лукъ, но не могъ надѣть тетивы; старикъ надѣлъ тетиву и отдалъ Хасару; Хасаръ не могъ натянуть лука. Тогда старикъ принялъ видъ сѣдовласаго старца, сидящаго на свѣтло-сивой лошади, приложилъ къ тетивѣ стрѣлу свою Алтанъ-тохокъ и выстрѣлилъ такъ, что она вонзилась въ скалу; сказавъ: «не вы ли братья Богдо-Эдзэна, стрѣлокъ Хасаръ и силачъ Бэглэтэй?» Пословица говоритъ: «лучше полонъ ротъ набить, чѣмъ говорить свысока.» Сказавши это, онъ скрылся. Братья его со страхомъ сказали: «навѣрно это самъ Богдо-Эдзэнъ!»

Послѣ того разнеслась молва, что енгутскій Уранъ-Чинкуй съ 31 поколѣніемъ отложился и откочевалъ на сѣверо-западъ. Эдзэнъ и Хазаръ погнались за Уранъ-Чинкуйемъ. Хасаръ сѣлъ на Самучина, прекраснаго коня Эдзэнова, и сыну своему, Токтонгуй-багатуру, поручилъ начальство надъ передовымъ войскомъ. Въ этомъ сраженіи Хасаръ до того бился, что конь его Самучинъ былъ весь облитъ кровью. По одержаніи побѣды надъ Уранъ-Чинкуйемъ, привели его къ повелителю. Хасару досталась въ награду женщина Балбалъ; а Хубилганъ-Сэцэнъ-Эдзену (Чингисхану) Уранъ-Чинкуй поднесъ хрустальную пирамиду, за что получилъ дочь его, Алтанъ; а другую свою дочь, Алтанъ-Горголдой, Чингисъ отдалъ солонготскому хану Нарину. Орошн-Гуши, изъ поколѣнія Буриватъ, принадлежащаго Богдо-Эдзэну, поймавъ ястреба на великомъ Байкалѣ, принесъ его (повелителю), за что получилъ начальство надъ Буриватами.

Послѣ этого, Дзанчунъ, ханъ дзурчутскій, замѣтивъ, что Богдо-Эдзэнъ пускаетъ ястребовъ отъ рѣки Олхоруна до рѣки Улія, убѣжалъ отъ него. Богдо-Эдзэнъ отправилъ за нимъ войско. На рѣкѣ Ула брода не было, а потому сыновья Хасара, Анчи-Анду-Шара и Галдзагу-Чингъ-тайджи, сосворивъ (соединивъ поводьями) 20,000 мериновъ посредствомъ уздеч-

ныхъ колецъ, съ крикомъ загнали ихъ въ воду и переправились. Осадивъ городъ (Дзанчуна), потребовали въ дань 10.000 ласточекъ и 1000 кошекъ; получивъ ихъ, они, накаливъ кійбунгъ[29], привязали къ ласточкамъ; а къ кошкамъ привязали хлопчатую бумагу и зажгли. Ласточки полетѣли въ свои гнѣзда, кошки поскакали по крышамъ домовъ, сдѣлался пожаръ, осажденные сдались. Дзанчунъ воскликнулъ: «что за чудеса, что за кошки!» Богдо женился на дочери Дзанчуна, (по имени) Балахай, которая, говорятъ, умерла на дорогѣ.

Потомъ Богдо-Эдзэнъ отправился въ походъ противъ Солонгутовъ[30], живущихъ на востокѣ. Рѣка Унэгэнъ была тогда въ разливѣ, почему онъ съ своими войсками остановился у этой рѣки и послалъ къ солонгутскому хану посла съ извѣстіемъ, что онъ пришелъ требовать дани. Солонгутскій ханъ Буха-Цаганъ, въ знакъ покорности своей, привезъ на лодкѣ свою дочь. Хулунь, далъ ей въ приданое кибитку изъ барсовой шкуры и поколѣніе Буха и Солонгосъ. Потомъ Богдо-Эдзэнъ, увидѣвъ Буха-Цаганъ-хана и прочихъ вельможъ, остановившихся на противоположномъ берегу, сказалъ имъ: «если вы пришли съ данью, то переправляйтесь сюда.» Они исполнили его повелѣніе. Послѣ этого Богдо-Эдзэнъ на подушкѣ задумалъ соединиться съ Хулунoю; но вельможи доложили ему, что соединиться на открытомъ воздухѣ (въ дорогѣ) неприлично, нельзя ли отложить до прибытія домой. Но онъ не принялъ ихъ предложенія и соединился съ ней.

Онъ прожилъ у Солонгутовъ три года, а Аргасунъ-Хорчинъ (въ это время) управлялъ государствомъ. Желая знать

[29] *Кійбунгъ* — вѣроятно что-нибудь металлическое, судя по значенію слѣдующаго за нимъ слова *улайтаоджу*; но подлинное значеніе этого слова мнѣ неизвѣстно.

[30] Нынѣшнихъ Корейцевъ.

причину замедленія Богдо-Эдзэна, Аргасунъ-Хорчинъ сѣлъ на рыжую лошадь Гурбилгу-дзэгэрдэ, проѣхалъ въ трое сутокъ трехъ-мѣсячный путь и, по пріѣздѣ, освѣдомился о здоровьѣ Эдзэна. Вельможи сказали ему, что (Богдо-Эдзэнъ) здоровъ. Потомъ самъ Богдо-Эдзэнъ спрашивалъ его о здоровьѣ женъ, дѣтей, вельможъ и всего народа. Аргасунъ-Хорчинъ на это доложилъ: «жены и дѣти твои здоровы; что же касается до твоего великаго народа, я не знаю, что̀ онъ думаетъ, а знаю только, что онъ добываетъ кожицы и кору для своего разрѣзнаго рта; а что касается до всего твоего народа, я могу сказать только одно, что онъ употребляетъ воду и снѣгъ для своего жаждущаго рта; я не знаю, что думаетъ твой монгольскій народъ.» Богдо-Эдзэнъ, не понявъ его словъ, повелѣлъ повторить (ихъ). Аргасунъ-Хорчинъ продолжалъ: «Говорятъ, что птица *салбаръ* клала яица свои на деревѣ *сала*; довѣривъ этому дереву *сала*, она дала случай коварной птицѣ *саръ* разрушить свое гнѣздо и съѣсть яица и птенцовъ. Говорятъ, что лебедка клала яица на камышистомъ озерѣ, и довѣривъ камышу, дала случай злой птицѣ *хуло* съѣсть своихъ птенцовъ и яица и разрушить гнѣздо. Богдо-Эдзэнъ мой, соизвольте обратить вниманіе на мои слова.» Богдо-Эдзэнъ спросилъ у своихъ вельможъ: «поняли вы слова Аргасунъ-Хорчина?» Вельможи доложили, что не поняли. Тогда повелитель объяснилъ слова Аргасунъ-Хорчина такъ: «Дерево *сала*—мои друзья, птица *салбаръ*—я самъ, коварная птица *саръ*—Сологуты; яица и птенцы—мои жены и дѣти, гнѣздо—славное правленіе мое, камышистое озеро—мои народы, лебедь—я самъ, злая птица *хуло*—Соловгуты, яица и птенцы—жены и дѣти мои, гнѣздо—славное мое правленіе (государство).» Сказавъ это, онъ поворотилъ поводья (собрался домой). Потомъ Богдо-Эдзэнъ продолжалъ: «съ царицею Буртугульджинъ, же-

ною моей, я встрѣтился въ молодости; мнѣ трудно (совѣстно) видѣться съ ней; если пріѣду домой (съ семействомъ), то какъ бы не было раздора въ моемъ домѣ при свиданіи съ домашними; если обнаружится несогласіе въ присутствіи посторонних, мнѣ будетъ стыдъ и срамъ. Лучше отправить одного изъ девяти моихъ урлуковъ (министровъ) для предварительнаго совѣщанія съ семействомъ.»

И такъ, по повелѣнію Дай-Эдзэна (Чингиса), отправился Мохоли. Прибывъ туда, онъ поклонился царицѣ Буртугульджинъ и сѣлъ. Царица спросила его о здоровьѣ Богдо-Эдзэна и о причинѣ его пріѣзда, на что̀ Мохоли отвѣчалъ, что послалъ его къ ней съ слѣдующимъ докладомъ:

«Онъ не послѣдовалъ установленнымъ правиламъ (закону),
а подчинился силѣ, отъ которой зависитъ прочность правленія;
онъ не внялъ словамъ вельможъ, дававшихъ совѣты,
но увлекшись наружнымъ видомъ барсовой юрты,
Богдо-Эдзэнъ соединился на подушкѣ съ царицей Хулунъ.»

На эти слова царица Буртугульджинъ отвѣчала: «на то воля моего владыки, то не отъ монгольскаго народа зависитъ, то власть Богдо-Эдзэна, а не народа. Говорятъ, много есть гусей на рѣкѣ Иртышѣ, но мой Эдзэнъ самъ знаетъ сколько нужно стрѣлять, чтобъ не утомиться; много женщинъ и дѣвицъ въ большихъ государствахъ, но мой повелитель самъ знаетъ кого выбрать; говорятъ, много гусей въ камышистыхъ озерахъ, но мой повелитель самъ знаетъ сколько нужно стрѣлять, чтобъ не устать; много женщинъ и дѣвицъ въ народахъ, повсюду живущихъ, но Богдо-Эдзэнъ знаетъ самъ кого выбрать; говорятъ, что стрѣлокъ, имѣющій большой палецъ, стрѣляетъ утку вмѣстѣ съ берегомъ, а мужчина, если захочетъ, женится на двухъ родныхъ сестрахъ[21]. Развѣ

[21] На человѣка, женатаго на двухъ родныхъ сестрахъ, Монголы смотрятъ несовсѣмъ благосклонно.

неукъ (необъѣзжанная дикая лошадь) желаетъ, чтобы его осѣдлывали? развѣ (первая) жена желаетъ, чтобы мужъ взялъ себѣ другую жену? Худо излишество, но развѣ и недостатокъ хорошъ? Отъ двойнаго платья, говорятъ, не зябнешь, скрученая веревка не рвется.»

Когда повелитель прибылъ съ царицею, Аргасунъ-Хорчинъ, напившись допьяна *арзы*, взялъ золотую скрипку и ночевалъ внѣ (ставки, юрты), почему повелитель призвалъ Богурчи и Мохоли, повелѣлъ имъ отъискать Аргасунъ-Хорчина, и безмолвнымъ движеніемъ руки (далъ знакъ), не давъ ему говорить, казнить его. Оба они отправились и сказали: «насъ прислалъ повелитель и приказалъ безмолвнымъ мановеніемъ руки казнить тебя, Аргасунъ Хорчина, не принимая отъ тебя оправданій, за то, что ты, будучи пьянъ, взялъ золотую скрипку и ночевалъ внѣ (ставки).» Аргасунъ-Хорчинъ сказалъ на это: «говорятъ, что должно выслушать слова осужденнаго на смерть; говорятъ, что умирающій человѣкъ долженъ вымолвить свое (послѣднее) слово.» Выслушавши это, не казнили его; держащаго у груди вино (приготовленное для повелителя, а за пазухой вино, приготовленное для суда), привели къ повелителю; но онъ еще почивалъ. Богурчи и Мохоли доложили извнѣ (ставки):

«Въ твоихъ свѣтлыхъ чертогахъ обитаетъ уже сіяніе,
соизволь ра будить домашнихъ мальчиковъ и дѣвушекъ;
твоя виновные уже собрались, прикажи имъ разойтись, отдавши свои великія повелѣнія;
въ твоемъ яшмовомъ дворцѣ водворилось уже сіяніе, прикажи отворить двери створчатыхъ домовъ;
несчастные и страждущіе твои уже собрались, соизволь приказать имъ разойтись, отдавши свои яшмовыя повелѣнія.»

Когда такъ доложили, повелитель всталъ. Они вошли (въ ставку), ведя передъ собою Аргасунъ-Хорчина. Повелитель безмолвствовалъ, Богурчи и Мохоли тоже молчали: поэтому Аргасунъ-Хорчинъ самъ доложилъ:

«Говорятъ, что семидесяти ладовъ (голосистая) птица *цанцаный* замолкаетъ,
когда ястребъ съ простертыми крыльями направляетъ полетъ свой на нее:
тоже скажу я и про своего повелителя, свыше назначеннаго,
что въ его присутствіи высказать то, что бы слѣдовало, я не въ силахъ.
Съ десяти лѣтъ я хранилъ твою золотую скрипку,
изучалъ твою мудрость и политику, и не былъ замѣченъ въ дурномъ поведеніи.
Правда, я былъ пьянъ, и взялъ твою золотую скрипку;
но съ двадцати лѣтъ я берегъ твою *хотонъ*-скрипку, изучалъ твою мудрость и шутки,
и не былъ замѣченъ ни въ какомъ дурномъ поступкѣ.
Правда, былъ я пьянъ, и, будучи пьянъ, я взялъ твою *хотонъ*-скрипку,
но я не имѣлъ дурнаго намѣренія.»

На этотъ докладъ (повелитель сказалъ): «за свое краснорѣчіе прощенный, Аргасунъ-Харчинъ мой! за свое хорошее рыло (краснорѣчіе) помилованный, Аргасунъ-Хорчинъ мой!» Сказавъ это, (повелитель) отступился отъ казни и обнародовалъ объ этомъ.

Тангутскій ханъ, Шудурогу, услыхавъ, что Богдо-Эдзэнъ покорилъ Китай и завладѣлъ престоломъ Алтанъ-хана, испугался и послалъ (къ повелителю) посла Тортонга, сына Баянъ-Сартагара, съ предложеніемъ платить дань и быть его правой рукой. Когда тотъ посланникъ, послѣ доклада (повелителю о своемъ порученіи), возвращался домой, то говорилъ про себя: «Богдо-Эдзэнъ дѣйствительно сынъ Тенгрія, а наша царица красивѣе (супруги его); при свѣтѣ ея не нужно ночной лампы.» Между тѣмъ повелитель имѣлъ любовныя связи съ одной тайджигутской женщиной Мунгулунъ-Гуа, разведшеюся съ своимъ мужемъ. Эта женщина, Ябога[32], услыхавъ рѣчь Тортонга, доложила (повелителю): «о, повелитель мой! Гурбэльджинъ-Гуа, жена тангутскаго хана

---

[32] *Ябога*, отъ *ябоху*, «ходить.» Женщина, которая развелась съ мужемъ, до другаго замужества называется *ябога*, «разводка.»

Шудургу, дочь китайскаго джанджуна Сэцэнъ-Умади, говорятъ, красивѣе Мунгулунъ-Гуа: при свѣтѣ ея не нужно ночной лампы. Взять бы вамъ ее.» Послѣ этого повелитель послалъ къ хану Шудургу посла съ требованіемъ, чтобы онъ отправился въ походъ противъ Сартагульцевъ. Шудургу отвѣчалъ послу: «что за ханъ тотъ, который не можетъ покорить всѣхъ? что за надобность хану въ союзникахъ?» Сказавъ это, не согласился. Получивъ такое извѣстіе, (повелитель) поклялся, что онъ не упуститъ его (изъ рукъ), пока не исчезнетъ его золотая жизнь. Потомъ убилъ Султанъ-хана сартагульскаго и покорилъ его народъ своей власти. Говорятъ, что въ этомъ походѣ онъ былъ съ царицею Хулуной.

Послѣ этого владыка Хормуста-Тенгри за прежнія добрыя дѣла ниспослалъ повелителю яшмовую чашу, полную вина, подобнаго аршану. Принявъ ее, началъ онъ пить; тогда четыре младшіе братья его сказали: «Грозный нашъ повелитель! пословица говоритъ: старшему десять, а младшему четыре.[33] Нашъ грозный повелитель! выкушавъ большую часть (аршана), не соблаговолишь ли дать намъ остатокъ послѣ себя? Желательно, чтобы наша просьба была принята вами.» На этотъ докладъ повелитель сказалъ своимъ четыремъ младшимъ братьямъ: «при рожденіи, по повелѣнію Будды, очутилась въ моей правой рукѣ яшмовая печать изъ царства драконовъ; въ настоящее же время я получилъ отъ могущественнаго Хормусты-Тенгрія яшмовую чашу, полную вина, подобнаго аршану. Мнѣ кажется, что единственный и законный владѣтель его (вина) я. Если хотите пить, на-те.» И далъ имъ. Принявъ отъ него вино, братья его стали пить, но не могли проглотить, (почему) съ поклономъ возвратили его повели-

---

[33] При раздѣлѣ старшій получаетъ больше, нежели младшіе.

телю и доложили: «мы несправедливо требовали своей доли отъ тебя, когда намъ не слѣдовало свыше назначеннаго; кушай самъ, владыка, и соблаговоли насъ назначить начальниками по сбору дани.» Владыка взялъ и выпилъ; согрѣваемый аршаномъ, сталъ навеселѣ и сказалъ: «при моемъ рожденіи, по повелѣнію Будды, очутилась въ моей рукѣ яшмовая печать царя драконовъ; въ настоящее-же время могущественный Хормуста ниспослалъ мнѣ яшмовую чашу, наполненную виномъ, подобнымъ аршану. Я есмь владыка, назначенный небомъ.» Потомъ прибавилъ: «отправимся въ походъ противъ Тангутовъ.»

Богдо-Эдзэнъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, (нарочно) нѣсколько разъ собирался въ походъ противъ Тангутовъ, и выставлялъ девяти-ножное знамя единственно потому, что у Шудургу была рыжая, черно-мордая собака-вѣщунья, называемая *хубилэнъ*. Эта собака, когда лаяла веселымъ голосомъ, то это значило, что не будетъ непріятеля, а когда выла, то давала тѣмъ знать о появленіи враговъ. Собака объ отправленіи (Чингиса) знала, а потому и выла въ продолженіи трехъ лѣтъ; но Шидургу-Ханъ (не видя враговъ) предположилъ, что его собака отъ старости лишилась способности предвѣщать, и жилъ безпечно.

По прошествіи трехъ лѣтъ, въ годъ собаки[34], повелитель отправилъ впередъ пѣхоту, а въ годъ свиньи[35] отправился и самъ съ женою Зусуръ, предводительствуя войсками. Повелитель, увидавъ мысъ (мысъ горы), называемый Муна, сказалъ: «это мѣсто могло бы служить убѣжищемъ при разстроенномъ правленіи[36]; оно удобно для кочевки въ мирное время и для нахожденія оленей и медвѣдей». Потомъ, замѣтивъ

[34] 1226.
[35] 1227.
[36] Т. е. во время безначалія, неурядицъ.

зловѣщую сову, сидящую на деревѣ, приказалъ Хасару застрѣлить ее. Хасаръ выстрѣлилъ, но сова успѣла слетѣть, и (вмѣсто ея) отстрѣлено было крыло попавшейся на ту пору сорокѣ. Повелитель за это разгнѣвался и обнажилъ мечъ. Урлукъ-нойонъ тогда доложилъ повелителю: «пословица говорятъ: хотѣлъ доброе сдѣлать, да зло вышло; разсудите сами, повелитель.» Владыка согласился на это. Спустя нѣсколько времени послѣ этого происшествія, слуга Боголъ-Мечинъ доложилъ повелителю: «Хасаръ, твой братъ, бывши на веселѣ, держалъ за руки жену твою Хулану.» Повелитель этого самаго слугу Боголъ-Мечина послалъ къ Хасару съ требованіемъ орлиныхъ перьевъ. «Хотя онъ (Чингисъ) ханъ надъ всѣми, но я скорѣе его достану орлиныхъ перьевъ,» сказалъ Хасаръ, и потомъ отдалъ послу орлиныя перья; но Боголъ-Мечинъ не взялъ, потому что нашелъ ихъ гнилыми. Повелитель снова послалъ его-же къ Хасару съ требованіемъ перьевъ баклана. Увидѣвъ летящаго баклана, Хасаръ спросилъ Боголъ-Мечина: «въ какое мѣсто выстрѣлить ему?» — «Въ темно-желтое мѣсто (въ бокъ) стрѣляй его,» сказалъ Боголъ-Мечинъ. Хасаръ отстрѣлилъ клювъ и отдалъ ему перья (баклана); но онъ не взялъ и ушелъ, говоря: «мы желали поднести орлиныя перья, приличныя для царя людей, а эти перья баклана не тѣ, и притомъ на нихъ кровь.» Повелитель разгнѣвался (на Хасара) и сказалъ: «онъ (Хасаръ) во-первыхъ тайно завелъ любовныя связи съ царицею Хулуною; потомъ вмѣсто зловѣщей птицы-совы убилъ добровѣщую сороку, и въ настоящее время не далъ мнѣ перьевъ коршуна.» Потому приставилъ онъ къ нему (къ Хасару) изъ четырехъ человѣкъ стражу, привязалъ его къ оградѣ, и кормилъ его мясомъ яга [37]. Потомъ, во время облавы въ горахъ Хангай-

---

[37] Дикій тибетскій буйволъ.

Ханы, было объявлено слѣдующее: «не убивать лань и сѣраго волка, которые зайдутъ въ кругъ облавы; поймать и представить мнѣ живаго человѣка съ курчавыми волосами, на сѣдосѣрой лошади, который попадетъ въ кругъ.» Зашли въ кругъ облавы сѣрый волкъ и красивая лань, и не убили ихъ; попалъ и курчавый черный человѣкъ на сѣдосѣрой лошади; его поймали, и когда спрашивали: чей ты? онъ молчалъ. Представили его къ повелителю, на вопросъ котораго онъ отвѣчалъ: «по слуху объ отправленіи повелителя Монголовъ я поставленъ здѣсь караульнымъ отъ Шудургу-хана. Сѣдо-сѣрая лошадь моя, Кусэбалатъ, необгоняемая никакою лошадью, имѣющею ноги, догнана; должно быть, высохнутъ ея копыта. Непобѣждаемый ни однимъ черноголовымъ человѣкомъ, я, Хара Ботонъ, теперь побѣжденъ черноголовымъ человѣкомъ. Должно быть, высохнетъ черная голова.» Повелитель спросилъ его: «говорятъ, ханъ твой Хубилганъ; правда ли?» Хара-Ботонъ отвѣчалъ на это: «утромъ онъ принимаетъ видъ ядовитаго маленькаго желто-пестраго змѣя и въ это время нельзя поймать его; въ полдень превращается онъ въ рыже-пестраго барса, въ это время тоже нельзя поймать его; вечеромъ принимаетъ видъ прекраснаго юноши и играетъ съ женою, и тогда можно захватить его.» Послѣ этого допроса повелитель отправился далѣе.

По прибытіи на Тангутскую границу, отъ Шудургу-хана вышла навстрѣчу монгольскимъ войскамъ одна старуха, происхожденіемъ ракша[38], и умертвила посредствомъ заклинаній много людей и лошадей. Вслѣдствіе этого Субэгэтэй-багатуръ доложилъ повелителю: «эта старуха посредствомъ заклинаній умертвила людей и лошадей: соблаговоли освободить стрѣлка Хасара отъ наказанія.» Повелитель согласился, послалъ за

---

[38] *Ракша*, санскр. слово, значитъ «чудовище».

нимъ свою (крылатую саврасую) лошадь-Джигуртухула, и когда привели его, то (повелитель) заставилъ стрѣлять его (въ старуху. Такъ какъ Хасаръ былъ въ заточеніи и изнурился, то выстрѣлилъ въ чашку (колѣна) старухи, которая повалилась на бокъ и умирая такъ прокляла Хасара: «потомки Хасара мужескаго пола да будутъ любимы ранами[39], потомки женскаго пола да будутъ оставляемы мужьями своими». Послѣ этого она умерла.

Когда Шудургу-ханъ превратился въ змѣя, повелитель въ птицу *гаруди*[40], когда Шудургу-ханъ сдѣлался барсомъ, повелитель — львомъ; а наконецъ, когда Шудургу принялъ на себя видъ юноши, повелитель превратился въ старца и поймалъ его. Шудургу сказалъ повелителю: «не убивай меня; я представлю тебѣ цолмона[41], уничтожу твоихъ враговъ, представлю тебѣ *мэчитъ*[42] и уничтожу моръ и голодъ. Если убьешь меня, тебѣ будетъ худо; если не убьешь — худо будетъ твоимъ потомкамъ.» Повелитель не согласился на это, стрѣлялъ въ него (Шудургу-хана) и рубилъ его саблею, но не могъ ранить. Шудургу снова сказалъ ему: «ты стрѣлялъ въ меня и рубилъ, но не могъ ранить; возьми пеструю, втрое свернутую веревку, находящуюся въ подошвѣ моего сапога и удави меня.» Отыскавъ эту веревку, сталъ ею давить Шудургу-хана, который сказалъ: «если умертвишь меня посредствомъ веревки, да будутъ и потомки твои подобно мнѣ удавлены. Жену мою, царицу Гурбэльджинъ-Гуа, обыщи

---

[39] Означаетъ желаніе, чтобы потомки Хасара во время сраженія первые получали раны: это и сбывалось всегда по желанію старухи.

[40] Баснословная птица.

[41] Утренняя звѣзда.

[42] Созвѣздіе, утиное гнѣздо. Этими словами Шудургу хочетъ выразить свое могущество, силу, и вмѣстѣ съ тѣмъ помощь и покорность Чингису.

до черныхъ ногтей [12].» Съ этими словами Шудургу-ханъ умеръ. Повелитель взялъ за себя царицу Гурбэльджинъ Гуа, красотою которой всѣ были поражены, начиная отъ повелителя до послѣдняго человѣка. Царица Гурбэльджинъ-Гуа однажды сказала: «моя красота омрачена пылью вашихъ войскъ. Прежде я была красивѣе. Если мнѣ выкупаться, то буду еще красивѣе.» Повелитель приказалъ ей выкупаться. На берегу рѣки царица поймала жаворонка и привязала къ хвосту его письмо и послала его къ отцу своему. Письмо было такого содержанія: «въ этой рѣкѣ я утоплюсь; не ищите мое тѣло по теченію воды, а ищите противъ теченія». По словамъ дочери отецъ отъискалъ трупъ ея противъ теченія; принесли каждый по одному мѣшку земли, которыми засыпали трупъ и такимъ образомъ похоронили ее. Курганъ этотъ называется Олхо, а рѣка — Хатунъ-голъ.

Покоривъ Тангутовъ, убивъ Шудургу-хана, разоривъ городъ Турмэхэй и взявъ царицу Гурбэльджинъ-Гуа, повелитель провелъ лѣтнее время въ этотъ походъ въ урочищѣ Лубанъ-ханъ. Потомъ заболѣлъ въ городѣ Турмэхэй, и при смерти своей сказалъ: «Вы, четыре брата мои, подобные ка-«баргамъ, вы, четыре сына мои, подобные кулукамъ (объ-«ѣзженнымъ лошадямъ), вы, пятицвѣтные и четыре инозем-«ные народы, слушайте: я и тогда нираву не испытывалъ по-«добныхъ мученій, когда, собирая свой великій народъ, безпо-«коился и хлопоталъ до того, что вытягивались мои ремен-«ныя стремена и вырывались ушки желѣзныхъ стременъ. Я не «видывалъ подобныхъ мученій, когда, сѣвши на свою безплод-«ную бѣлую кобылицу и привязавши (за сѣдломъ) яргакъ изъ «молодаго козленка, я собиралъ свой великій народъ. Не воз-«мездіе ли это за мои дѣла, совершенныя въ прежнихъ пе-

---

[13] Идіотизмъ монгольскій, значитъ «объѣшь ее» (везде).

«перожденіяхъ? Вы, мои вельможи, не умирайте.» Сунитскій Кэлягутэй-багатуръ отвѣчалъ: «Какъ яшма, крѣпкое пра-«вленіе твое, ослабнетъ; любимая супруга твоя Буртугэль-«джинъ-Сэцэнъ умретъ; Хасаръ и Бэлгэтэй, двое твоихъ бу-«дутъ другъ у друга отнимать (престолъ); съ трудомъ собран-«ные тобою многочисленные народы разсѣются; высокое пра-«вленіе твое унизится; крѣпкими узами давно сочетанная су-«пруга твоя Буртэгэльджинъ умретъ; двое твоихъ (сыновей) «Угэтэй и Тулуй осиротѣютъ; поспѣшно собранные тобою «многочисленные народы разъединятся и будутъ подъ вла-«стію другихъ; подобное горѣ правленіе твое сядетъ; супру-«га твоя Буртэгэльджинъ-Сэцэнъ, которую ты нашелъ и съ «которой ты свыкся, умретъ; двое твоихъ (сыновей) Ха-«цугу и Ипагу будутъ соперничествовать; собранные тобою «многочисленные народы разойдутся по горамъ и лѣсамъ и «будутъ откочевывать по направленію Хангай-хана; жена и «дѣти твои придутъ съ рыданіями и воплями. Поэтому не «дашь ли намъ благихъ наставленій? Будутъ перекочевывать «черезъ высотыУнкуя, сыновья и дочери твои придутъ съ «рыданіями и воплями: не дашь ли имъ благихъ наставленій? «Трудно раздавить только что рожденное тѣло (неопаснаго «врага), но если раздавимъ, то безъ сомнѣнія достигнемъ стра-«ны Нирваны, страны, гдѣ нѣтъ мученій; трудно разрушить «здоровое тѣло (опаснаго врага), но если разрушимъ, то «безъ сомнѣнія встрѣтимся въ странѣ блаженныхъ. Супругѣ «своей Буртэгэльджинъ-Сэцэнъ, оставшейся одинокой, и сво-«имъ сыновьямъ Угэтэю и Тулую, оставшимся сиротами, не «укажешь ли ты воду въ степи и дорогу на перешейкѣ?»[44] Чингисъ-ханъ отвѣчалъ: «теперь не умирай, и женѣ моей «Буртэгэльджинъ-Сэцэнъ, оставшейся одинокою, и сиротамъ

---

[44] т. е. Не дашь ли имъ наставленій, какъ управлять народомъ.

«Угэтэю и Тулую укажи послѣ дорогу на перешейкѣ и воду «въ степи. На яшмѣ нѣтъ кожи, на стали нѣтъ коры, доро-«гое наше тѣло невѣчно; поступайте непоколебимо и твердо «переносите. Сущность дѣла состоитъ въ окончаніи дѣла, «имѣющаго сто началъ; тверда душа того человѣка, который «держитъ данное слово. Ведите себя скромно и согласуйтесь «со многими: вѣдь всѣмъ намъ суждено, проведя эту жизнь, «умереть; соблюдайте въ будущемъ хорошее правленіе и по-«ступайте по приказанію мальчика Хубилая.» Послѣ такихъ словъ Чингисъ-ханъ скончался въ годъ биигъ-свиньи, на 67 году отъ рожденія.»

Тотчасъ запрягли лошадей въ одноколку, на которую положили золотые останки повелителя, и во время пути сунитскій Кэлэгутэй-багатуръ такъ восхвалялъ его: «Ты, повели-«тель мой, отправился какъ на крыльяхъ отлетающаго ястреба; «ты сдѣлался грузомъ скрыпящей одноколки; ты отправился «какъ на крыльяхъ нападающаго ястреба; ты отправился буд-«то на крыльяхъ порхающаго жаворонка; ты, сдѣлавшись гру-«зомъ скрыпящей одноколки, отправился'» Когда доѣхали они до топкаго мѣста Муна, одноколка увязла по ступицы; не могши привести ее въ движеніе, они запрягли лошадей, принадлежащихъ пяти цвѣтамъ (подданнымъ); когда опять не могли вытащить ее, то сунитскій Кэлэгутэй-багатуръ, во время заботъ всего народа, поклонился и сказалъ: «святой «мой повелитель-кулукъ (подобный объѣзженному, неутоми-«мому коню)! рожденный по волѣ голубаго вѣчнаго неба, «ты, покинувъ весь великой народъ свой, достигъ до высо-«каго своего перерожденія. Прочно основанное твое правле-«ніе, благоустроенный народъ твой, твои дѣти и супруга, «родившая ихъ, твои родныя вода и земля — тамъ! Твое пра-«вленіе, основанное на правосудіи, твой народъ, обложенный «данью, твои милыя дѣти и супруга твоя, твой золотой дво-

«рерожденіяхъ? Вы, мои вельможи, не умирайте.» Сунитскій Кэлэгутэй-багатуръ отвѣчалъ: «Какъ яшма, крѣпкое правленіе твое, ослабнетъ; любимая супруга твоя Буртугэльджинъ-Сэцэнъ умретъ; Хасаръ и Бэлгэтэй, двое твоихъ будутъ другъ у друга отнимать (престолъ); съ трудомъ собранные тобою многочисленные народы разсѣются; высокое правленіе твое унизится; крѣпкими узами давно сочетанная супруга твоя Буртэгэльджинъ умретъ; двое твоихъ (сыновей) «Угэтэй и Тулуй осиротѣютъ; поспѣшно собранные тобою «многочисленные народы разъединятся и будутъ подъ властію другихъ; подобное горѣ правленіе твое сядетъ; супруга твоя Буртэгэльджинъ-Сэцэнъ, которую ты нашелъ и съ «которой ты свыкся, умретъ; двое твоихъ (сыновей) Хацугу и Иыагу будутъ соперничествовать; собранные тобою «многочисленные народы разойдутся по горамъ и лѣсамъ и «будутъ откочевывать по направленію Хангай-хана; жена и «дѣти твои придутъ съ рыданіями и воплями. Поэтому не «дашь ли намъ благихъ наставленій? Будутъ перекочевывать «черезъ высоты Ункуя, сыновья и дочери твои придутъ съ «рыданіями и воплями: не дашь ли имъ благихъ наставленій? «Трудно раздавить только что рожденное тѣло (неопаснаго «врага), но если раздавимъ, то безъ сомнѣнія достигнемъ страны Нирваны, страны, гдѣ нѣтъ мученій; трудно разрушить «здоровое тѣло (опаснаго врага), но если разрушимъ, то «безъ сомнѣнія встрѣтимся въ странѣ блаженныхъ. Супругѣ «своей Буртэгэльджинъ-Сэцэнъ, оставшейся одинокой, и своимъ сыновьямъ Угэтэю и Тулую, оставшимся сиротами, не «укажешь ли ты воду въ степи и дорогу на перешейкѣ?» [44] Чингисъ-ханъ отвѣчалъ: «теперь не умирай, и женѣ моей «Буртэгэльджинъ-Сэцэнъ, оставшейся одинокою, и сиротамъ

[44] т. е. Не дашь ли имъ наставленій, какъ управлять народомъ.

«Угэтэю и Тулую укажи послѣ дорогу на перешейкѣ и воду «въ степи. На яшмѣ нѣтъ кожи, на стали нѣтъ коры, доро-«гое наше тѣло невѣчно; поступайте непоколебимо и твердо «переносите. Сущность дѣла состоитъ въ окончаніи дѣла, «имѣющаго сто началъ; тверда душа того человѣка, который «держитъ данное слово. Ведите себя скромно и согласуйтесь «со многими: вѣдь всѣмъ намъ суждено, проведя эту жизнь, «умереть; соблюдайте въ будущемъ хорошее правленіе и по-«ступайте по приказанію мальчика Хубилая.» Послѣ такихъ словъ Чингисъ-ханъ скончался въ годъ бингъ-свиньи, на 67 году отъ рожденія.»

Тотчасъ запрягли лошадей въ одноколку, на которую положили золотые останки повелителя, и во время пути сунитскій Кэлэгутэй-багатуръ такъ восхвалялъ его: «Ты, повели-«тель мой, отправился какъ на крыльяхъ отлетающаго ястреба; «ты сдѣлался грузомъ скрыпящей одноколки; ты отправился «какъ на крыльяхъ нападающаго ястреба; ты отправился буд-«то на крыльяхъ порхающаго жаворонка; ты, сдѣлавшись гру-«зомъ скрыпящей одноколки, отправился'» Когда доѣхали они до топкаго мѣста Муна, одноколка увязла по ступицы; не могши привести ее въ движеніе, они запрягли лошадей, принадлежащихъ пяти цвѣтамъ (подданнымъ); когда опять не могли вытащить ее, то сунитскій Кэлэгутэй-багатуръ, во время заботъ всего народа, поклонился и сказалъ: «святой «мой повелитель-кулукъ (подобный объѣзженному, неутоми-«мому коню)! рожденный по волѣ голубаго вѣчнаго неба, «ты, покинувъ весь великой народъ свой, достигъ до высо-«каго своего перерожденія. Прочно основанное твое правле-«ніе, благоустроенный народъ твой, твои дѣти и супруга, «родившая ихъ, твои родныя вода и земля—тамъ! Твое пра-«вленіе, основанное на правосудіи, твой народъ, обложенный «данью, твои милыя дѣти и супруга твоя, твой золотой дво-

«ренъ — тамъ! Твое правленіе, основанное на мѣстѣ (гдѣ ты «родился), дѣти твои и супруга, съ тобою соединенная узами, народъ твой, тобою собранный, твои родственники—тамъ! «Снѣгъ[45], вода, которыми ты омытъ, многочисленные твои «Монголы и твоя родина на Ононъ-Далигунъ-Болдокѣ, знамя «твое, сдѣланное изъ холки гнѣдаго жеребца, трубы и бара-«баны твои, служащіе сигналами, весь народъ твой, и мѣсто «Арланъ, находящееся въ степи Хэрулуна, гдѣ ты возсѣлъ «на тронъ—все тамъ! Супруга твоя Буртэгэльджинъ-Сэцэнъ, «соединенная съ тобой еще до исполненія (до устройства «правленія), твоя вода и земля Бурхату-ханъ, любимые «друзья твои Мохоли и Богурчи, и все твое правленіе —все «тамъ! Скрипки и дудки, твои инструменты, весь твой вели-«кой народъ, святое отечество твое — тамъ! Ты, мой по-«велитель, прельстившись теплотою Харугунна-ханни, много-«численностію чужеземнаго тангутскаго народа и красотою «царицы Гурбэльджинъ, покинулъ старыхъ своихъ Монго-«ловъ. Хотя вышла твоя милая душа, но мы твои подобные «яшмѣ останки, перевеземъ (на родину), покажемъ ихъ «твоей супругѣ Буртэтэльджинъ и всему народу.»[46] Таковыя слова были услышаны повелителемъ и одноколка двинулась со скрипомъ. Всѣ были въ восхищеніи (отъ этого) и провожали его до великой страны отечества. Останки его, дорогіе для каждаго, надъ которыми поставлено восемь бѣлыхъ юртъ, вѣчныхъ для всѣхъ, сдѣлались съ этого времени предметомъ уваженія всѣхъ народовъ и святилищемъ для хановъ и зайсанговъ. Еще прежде, когда повелитель проѣзжалъ чрезъ это мѣсто, ему оно понравилось, почему тутъ и увязла одноколка по ступицы[47]. Потомъ распространили ложные слухи въ

---

[45] Т. е. родина твоя.

[46] Строки отмѣченныя знаками « » писаны стихами.

[47] Умынѣшнихъ Монголовъ есть предразсудокъ такого рода, что если,

народѣ (что онъ тутъ похороненъ), между тѣмъ какъ здѣсь похоронили только его рубашку, юрту и онучи; настоящій же трупъ его, по словамъ нѣкоторыхъ, похороненъ на Бурханъ-Галдунѣ, а по словамъ другихъ въ Екэ-Утукѣ, находящемся за Алтай-ханой на южной сторонѣ Кэнтэй-ханы.

По прошествіи трехъ лѣтъ отъ смерти отца своего (Чингиса), *Угэтэй*-ханъ на 43 году отъ рожденія, въ годъ быка [48], былъ возведенъ на престолъ, въ урочищѣ, называемомъ Арлунъ и находящемся въ степи Хэрулуна. Онъ царствовалъ 13 лѣтъ и скончался на 55 году своей жизни въ урочищѣ Утуку-Хулана, въ годъ быка [49]; родился онъ въ годъ овцы [50].

По прошествіи шести лѣтъ, въ годъ лошади [51], *Кулукъ*-ханъ возсѣлъ на престолъ въ урочищѣ Урмай, имѣя 42 года отъ роду; на слѣдующій годъ, на 43 году отъ роду, онъ скончался въ урочищѣ Самсикида, въ годъ овцы [52], родился же въ годъ быка [53].

Спустя пять лѣтъ, въ годъ свиньи [54], 3 числа 4 мѣсяца, на престолъ взошелъ *Мункэ*-ханъ, на 45 году своей жизни въ урочищѣ Арланъ, находящемся на степяхъ рѣки Хэрулуна; послѣ девятилѣтняго ханствованія, на 54 году своей жизни, онъ скончался въ городѣ Чингъ-Джинку, въ годъ овцы [55], а родился въ годъ зайца [56].

проѣздомъ, понравится какая-нибудь мѣстность, то не должно выражать своего восхищенія; потому что оно служитъ предзнаменованіемъ, что рано или поздно умрешь на этомъ мѣстѣ.

[48] 1229 года Хронологическія данныя нашего автора не вездѣ одинаковы съ Сананъ-Сэцэновыми, но болѣе согласны съ числами китайскихъ историковъ и Абулгазія, что̀ говоритъ въ пользу автора Алтанъ-Тончи.

[49] 1241.

[50] 1187.

[51] 1246 (у Сананъ-Сэцэна не вѣрно: 1243).

[52] 1247.

[53] 1205.

[54] 1251.

[55] 1259.

[56] 1207.

Спустя шесть[57] лѣтъ, Содо-Сэцэнъ-ханъ, на 45 году своей жизни, былъ возведенъ на ханскій престолъ въ Санду, въ годъ обезьяны[58]. Онъ ханствовалъ 35 лѣтъ и на 81 году своей жизни скончался въ Дайду, 22 числа лѣтняго мѣсяца хоби, въ годъ лошади[59], а родился въ годъ змѣя[60].

Послѣ него Улдзэйту-ханъ, на 30 году жизни, возсѣлъ на престолъ ханскій, 10 числа 4 мѣсяца, въ годъ лошади[61], въ урочищѣ Шихиръ-нагура; онъ царствовалъ 14 лѣтъ и скончался въ Дайду на 44 году отъ рожденія, въ годъ овцы[62], 8 числа мѣсяца хоби; родился въ годъ быка[63].

На второмъ году послѣ него возсѣлъ на престолъ Кулукъ-ханъ, 27 лѣтъ; послѣ пятилѣтняго царствованія скончался въ Дайду, въ годъ свиньи[64]; родился въ годъ змѣя[65].

Послѣ него, въ годъ свиньи[66], возсѣлъ на ханскій престолъ Буянту-ханъ, 37 лѣтъ; ханствовалъ десять лѣтъ и скончался въ Дайду, 47 лѣтъ, въ годъ обезьяны[67]; родился въ годъ свиньи[68].

Послѣ него, въ томъ же году, въ годъ обезьяны, возсѣлъ на ханскій престолъ, въ Дайду, Гэгэнъ-ханъ, на 18 году отъ роду; скончался на 21 году въ (урочищѣ) Морину-Эбчигунъ, на югѣ отъ Санду; а родился въ годъ мыши[69].

---

[57] Спустя *тринадцать* лѣтъ (1259—1272)?
[58] 1272.
[59] 1306.
[60] Вмѣсто года змѣя: *могай*, слѣдуетъ читать годъ собаки: *нохай*. Тогда это будетъ 1226 года.
[61] 1306.
[62] 1320.
[63] 1277.
[64] 1311.
[65] 1281.
[66] 1311.
[67] 1320.
[68] 1283.
[69] 1300.

После него, въ годъ свиньи[70], Iесунъ-Тэмуръ-ханъ, 30 лѣтъ, возсѣлъ на престолъ въ (урочищѣ) Худо-арулъ; ханствовалъ 6 лѣтъ и на 36 году скончался въ Санду, въ годъ дракона[71] 6 числа 8 мѣсяца; родился въ годъ змѣя[72].

Въ томъ-же году, въ году дракона[73], 12 числа 8 мѣсяца, вступилъ на ханскій престолъ Заягату-хаганъ, на 35 году своей жизни. А между тѣмъ Хутухту-ханъ, находясь на западной сторонѣ, пріобрѣлъ себѣ большую славу и по возвращеніи потерялъ яшмовую печать. Въ годъ змѣя[74] 19 числа мѣсяца хоби, онъ велѣлъ умертвить Цинъ-Сана и отправилъ Асаръ-Кунуна обозрѣть Сэцэкту-агуръ, гдѣ потомъ и возсѣлъ на ханскій престолъ, 3 числа 4 мѣсяца; въ томъ же году, 6 числа 8 мѣсяца, онъ скончался

После него, 10 числа того-же мѣсяца, снова возсѣлъ на ханскомъ престолѣ Заягату-ханъ; ханствовалъ 5 лѣтъ и на 35 году скончался въ Дайду, въ годъ обезьяны[75].

За нимъ, въ томъ же году, вступилъ на престолъ Ирчималъ-ханъ. Онъ померъ въ Дайду 25 числа того-же мѣсяца и того-же года.

После него, въ томъ же году обезьяны, возведенъ въ Дайду на ханскій престолъ Ухагату-ханъ.

Въ его ханствованіе, у старика Дзурчитъ родился сынъ Дзу, и при рожденіи изъ его юрты показалась радуга. Маханъ и Ибагу[76], замѣтивъ это явленіе, доложили хану: «родился мальчикъ, отъ котораго можетъ быть польза, а мо-

---

[70] 1323.
[71] 1328.
[72] 1293.
[73] 1328.
[74] 1329.
[75] 1332.
[76] Въ другихъ мѣстахъ вм. *Маханъ* встрѣчается *Лаханъ*.

Спустя шесть [57] лѣтъ, Содо-Сэцэнъ-ханъ, на 45 году своей жизни, былъ возведенъ на ханскій престолъ въ Санду, въ годъ обезьяны [58]. Онъ ханствовалъ 35 лѣтъ и на 81 году своей жизни скончался въ Дайду, 22 числа лѣтняго мѣсяца хоби, въ годъ лошади [59], а родился въ годъ змѣя [60].

Послѣ него Улдзэйту-ханъ, на 30 году жизни, возсѣлъ на престолъ ханскій, 10 числа 4 мѣсяца, въ годъ лошади [61], въ урочищѣ Шихиръ-нагура; онъ царствовалъ 14 лѣтъ и скончался въ Дайду на 44 году отъ рожденія, въ годъ овцы [62], 8 числа мѣсяца хоби; родился въ годъ быка [63].

На второмъ году послѣ него возсѣлъ на престолъ Кулукъ-ханъ, 27 лѣтъ; послѣ пятилѣтняго царствованія скончался въ Дайду, въ годъ свиньи [64]; родился въ годъ змѣя [65].

Послѣ него, въ годъ свиньи [66], возсѣлъ на ханскій престолъ Буянту-ханъ, 37 лѣтъ; ханствовалъ десять лѣтъ и скончался въ Дайду, 47 лѣтъ, въ годъ обезьяны [67]; родился въ годъ свиньи [68].

Послѣ него, въ томъ же году, въ годъ обезьяны, возсѣлъ на ханскій престолъ, въ Дайду, Гэгэнъ-ханъ, на 18 году отъ роду; скончался на 21 году въ (урочищѣ) Морину-Эбчигунъ, на югѣ отъ Санду; а родился въ годъ мыши [69].

---

[57] Спустя *тринадцать* лѣтъ (1259—1272)?

[58] 1272.

[59] 1306.

[60] Вмѣсто года змѣя: *могай*, слѣдуетъ читать годъ собаки: *нохай*. Тогда это будетъ 1226 года.

[61] 1306.

[62] 1320.

[63] 1277.

[64] 1311.

[65] 1281.

[66] 1311.

[67] 1320.

[68] 1283.

[69] 1300.

После него, въ годъ свиньи[70], Iисунъ-Тэмуръ-ханъ, 30 летъ, возселъ па престолъ въ (урочище) Худо-арулъ; ханствовалъ 6 летъ и на 36 году скончался въ Санду, въ годъ дракона[71] 6 числа 8 месяца; родился въ годъ змея[72].

Въ томъ-же году, въ году дракона[73], 12 числа 8 месяца, вступилъ на ханскiй престолъ Заягату-хаганъ, на 35 году своей жизни. А между темъ Хутухту-ханъ, находясь на западной стороне, прiобрелъ себе большую славу и по возвращенiи потерялъ яшмовую печать. Въ годъ змея[74] 19 числа месяца хоби, онъ велелъ умертвить Цинъ-Сана и отправилъ Асаръ-Куцуна обозреть Сэцэкту-агуръ, где потомъ и возселъ на ханскiй престолъ, 3 числа 4 месяца; въ томъ же году, 6 числа 8 месяца, онъ скончался

После него, 10 числа того-же месяца, снова возселъ на ханскомъ престоле Заягату-ханъ; ханствовалъ 5 летъ и на 35 году скончался въ Дайду, въ годъ обезьяны[75].

За нимъ, въ томъ же году, вступилъ на престолъ Эрчималъ-ханъ. Онъ померъ въ Дайду 25 числа того-же месяца и того-же года.

После него, въ томъ же году обезьяны, возведенъ въ Дайду на ханскiй престолъ Ухагату-ханъ.

Въ его ханствованiе, у старика Дзурчитъ родился сынъ Дзу, и при рожденiи изъ его юрты показалась радуга. Маханъ и Ибагу[76], заметивъ это явленiе, доложили хану: «родился мальчикъ, отъ котораго можетъ быть польза, а мо-

---

[70] 1323.
[71] 1328.
[72] 1293.
[73] 1328.
[74] 1329.
[75] 1332.
[76] Въ другихъ местахъ вм. *Маханъ* встречается *Лаханъ*.

«жеть быть и вредъ престолу; во всякомъ случаѣ лучше было «бы умертвить его, пока еще онъ ребенокъ.» Ханъ на это не согласился и не велѣлъ умерщвлять его. Маханъ и Ибагу доложили: «когда не убили его, такъ послѣ этого пните «свою голову.» Когда ребенокъ пришелъ въ возрастъ, ему поручили управлять народомъ восточныхъ провинцій, а западными провинціями управляли Тохтага и Харцанъ. Спустя нѣсколько времени Дзуку съ братомъ своимъ Бухою ложно донесли хану на Тохтагу и Харцана, что будто они утаиваютъ казенное имущество и доставляютъ ему худшее и не въ большомъ количествѣ, а лучшее и большее употребляютъ въ свою пользу. По этому доносу ханъ послалъ Дзукэ за Тохтагою и Харцаномъ, но Дзукэ, не доѣхавъ до нихъ, съ половины дороги воротился домой и донесъ хану, что они не хотятъ явиться. Ханъ снова его же послалъ, и Дзукэ снова также донесъ. Ханъ весьма разгнѣвался на нихъ (Тохтагу и Харцана), уволилъ ихъ отъ должностей дарга и поручилъ управленіе народомъ двумъ братьямъ: Дзукэ и Буха, которые отправились для сбора дани и три года не возвращались. Поэтому ханъ сказалъ своимъ привратникамъ: «у Дзукэ стали ноги[77] очень тяжелы; когда онъ воротится, не отворяйте (ему) воротъ.»

Однажды хану (Ухагату) во снѣ приснилось многочисленное непріятельское войско, окружившее его городъ. Ханъ, испугавшись этого, бѣгалъ по городу, но нигдѣ не могъ найти выхода; наконецъ онъ прибѣжалъ на сѣверозападъ города, гдѣ замѣтилъ проходъ, и чрезъ этотъ проходъ вышелъ, оставивъ свой престолъ и весь народъ. Тотчасъ ханъ приказалъ китайскому Гэгэнъ-Сэцэну истолковать видѣнный имъ сонъ, и тотъ такъ объяснилъ: «это признакъ лишенія ханскаго пре-

[77] Т. е. стали важничать.

стола.» Послѣ этого монгольскіе Тохтага и Харцанъ-Чинсанъ дали, говорятъ, этому сну лучшее значеніе; но когда дѣйствительно на сѣверозападѣ города былъ отысканъ проходъ, то ханъ весьма испугался, и подумалъ: «какъ бы видѣнное во снѣ не сбылось на самомъ дѣлѣ.»

Въ скоромъ времени послѣ сего возвратились Дзукэ и Буха съ 20,000 одноколокъ, нагруженныхъ данью и казною, а въ 3,000 одноколокъ (были спрятаны) вооруженныя войска, и еще много одноколокъ были наполнены сокровищами. Сначала привратники не отпирали имъ воротъ; но когда были даны имъ сокровища, то пропустили ихъ въ городъ, гдѣ они обнаружили свои войска и окружили золотой дворецъ. Ханъ, узнавъ объ этомъ, покинулъ 300,000 Монголовъ, и съ женами, дѣтьми и 100,000 Монголовъ убѣжалъ чрезъ проходъ, видѣнный имъ прежде. Томолаху-багатуръ, сынъ Тогобагатура, изъ потомства Хабату-Хасара, проводя черезъ этотъ же проходъ сына своего Харп-Кулука и предводительствуя 60 всадниками изъ поколѣнія Кэгэртэнъ, вышелъ а встрѣчу китайскимъ войскамъ, шедшимъ въ погоню за ними, и вступилъ въ бой, говоря: «лучше пусть переломится кость, нежели честь (т. е. честь дороже смерти).» Въ этой стычкѣ онъ палъ. Говорятъ: «одинъ изъ потомковъ Хасара принесъ пользу потомку хана (Чингиса)». — Ханъ съ народомъ, вышедши изъ города черезъ проходъ Молтокчинъ, построилъ городъ Барсъ, и въ немъ поселился, а китайскія войска тоже построили городъ Кирса и поселились тутъ. Послѣ того Биликту, сынъ Ухагату-хана, (волшебствомъ) произвелъ бурю и погубилъ китайскія войска и лошадей; а когда остальное (спасшееся отъ смерти китайское войско) вышло оттуда, то монгольское войско преслѣдовало (Китайцевъ) и, говорятъ, рубило ихъ до самой Великой стѣны. Но остатки бѣжавшихъ въ безпорядкѣ (китайскихъ войскъ) жгли

(въ дорогѣ) свои стрѣлы сотнями и наконецъ погибли, говорятъ, разрушивъ свой строевой порядокъ. Это обстоятельство послужило основаніемъ пословицѣ: «Китайцы удалились въ горы, а хвостъ Кирсы сдѣлался кистью шапки (?)».[78]—«О, великолѣпно устроенный изъ разныхъ драгоцѣнностей мой прекрасный Дайду! о, мой прекрасный городъ Шанту-Шара-Тала, въ которомъ проводилъ я лѣтнее время! о, мой прекрасный и прохладный Кибунъ-Шанту! о, мой прекрасный Дайду, котораго я лишился въ годъ красно-лысаго зайца, и прекрасный туманъ твой, который утреннею порою былъ видимъ съ высоты! Были у меня, Ухагату-хана, Лаха и Ибагу, они знали мое положеніе, но упустили мой прекрасный Дайду. Неразумный владыка, не простившись съ народомъ, разстался; остается только оплакивать его. Теперь я подобенъ двухгодовалову быку, оставшемуся въ кочевьѣ. О, построенная изъ разныхъ драгоцѣнныхъ вещей, бѣлая осми-угольная (субурганъ мой) моя пирамида! О построенный изъ девяти драгоцѣнностей прекрасный хотонъ мой, въ которомъ управлялъ я великимъ народомъ! О, четырехсторонній, четверо воротъ имѣющій, прекрасный Дайду-хотонъ мой, въ коемъ управлялъ я 400,000 Монголовъ. Въ то время, когда процвѣтала вѣра и ученіе (буддизмъ), я жилъ безпечно — и потерялъ все. О, несчастный Дайду-хотонъ мой, удивлявшій своимъ великолѣпіемъ всѣхъ Монголовъ моихъ, повсюду распространившихся! О, зимняя резиденція моя, Ункуй-балгасунъ! О, лѣтняя резиденція моя, Кибунъ-Шанту! О, мой Шара-Тала! Горько вспомнить, что я не послушался словъ

---

[78] Въ этомъ мѣстѣ смыслъ не ясенъ, и я перевелъ, сообразуясь съ теченіемъ всей рѣчи: нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь ошибка или описка переписчика; но не имѣя другой рукописи, съ которой можно бы было сличить текстъ, я перевелъ, не придерживаясь буквально текста.

Лаха и Ибагу. Построенный хутуктами тростниковый дворецъ мой, въ коемъ проводилъ знойное время Хубилганъ-Сэцэнъ-ханъ, и Кибунъ-Шанту—все взяли Китайцы, и оставили мнѣ, Ухагату-хану, позорное и безчестное имя. Построенный всѣми силами народа, яшмовый мой Дайду, строенія коего связаны между собою, мой несчастный Дайду похищенъ Китайцами, и мнѣ, Ухагату-хану, осталась только позорная, дурная слава! Построенный изъ разныхъ раковинъ мой драгоцѣнный Дайду, въ которомъ я преводилъ, бывало, лѣто, и Кибунъ-Шанту похищены по моей оплошности Китайцами, и мнѣ Ухагату-хану осталось только позорное имя. Славное правленіе (государство), основанное ханомъ Эдзэномъ, милый Дайду, построенный мудрымъ Сэцэнъ-ханомъ, и этотъ драгоцѣнный хотонъ, который для всего народа былъ святынею — все это похищено Китайцами. Дорогой, прекрасный Дайду, построенный Сэцэнъ-ханомъ, Хубилганомъ (т. е. воплощеніе) всѣхъ буддъ и золотымъ потомкомъ Чингисъ-хана, сына царя Тенгрія, я, Ухагату-ханъ, Хубилганъ всѣхъ бодисатвъ, потерялъ по волѣ царя Тенгрія (Хормусты).»

(Когда былъ потерянъ городъ) Буха-Тэмуръ-Чинсангъ вынесъ въ рукавѣ яшмовую печать Ханъ-Эдзэна, безпрестанно отбиваясь отъ враговъ, и произнесъ: «хотя и надолго потерянъ этотъ прекрасный Дайду, но опять да утвердится тронъ хана на прежнемъ мѣстѣ, среди враговъ; драгоцѣнная вѣра (буддизмъ) хотя съ выходомъ изъ дворца оставлена, но мудрые бодисатвы да будутъ судьями и востановятъ ее снова.»

Спустя четыре года (послѣ этого происшествія, лишенія престола) Ухагату-хаганъ скончался на 29 году отъ рожденія, въ городѣ Пигъ-Чинбу, въ годъ собаки, окруженный золотымъ потомствомъ Чингисъ-хана. И такъ потерянъ городъ, въ которомъ жили 105 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, начиная отъ Хубилай-Сэцэнъ-хана до Ухагату-хана.

Когда Ухагату-ханъ лишился своего государства, супруга его, царица изъ хонгиратскаго племени, была на 3-мъ мѣсяцѣ беременности. Спрятавшись въ бочкѣ, она осталась въ городѣ (эта бочка по-китайски называется Гангъ, по-монгольски болонгъ), потомъ она была взята (китайскимъ) царемъ Джосу-хонгуа, который и возсѣлъ на престолъ. «Если я рожу по прошествіи семи мѣсяцевъ, думала царица, то онъ (Джосу-хонгуа) приметъ его за ребенка врага (своего) и убьетъ; если же рожу по прошествіи десяти мѣсяцевъ, то подумаетъ, что ребенокъ отъ него и не убьетъ его.» Потому она умоляла Тенгрія, чтобъ онъ прибавилъ три мѣсяца и соблаговолилъ продлить (роды) на 10 мѣсяцевъ. По милости Тенгрія мальчикъ родился по прошествіи 13 мѣсяцевъ; въ то же время родился мальчикъ и отъ Китаянки, другой супруги Хунгуа-хана. При этомъ Хонгуа-ханъ видѣлъ во снѣ двухъ борющихся драконовъ, изъ которыхъ лѣвый побѣждалъ праваго Призвавъ волхва, онъ спросилъ его о значеніи этого сна, и волхвъ такъ объяснилъ: «эти два дракона не настоящіе драконы, но твои два сына: правый драконъ — твой сынъ отъ царицы-Китаянки, а лѣвый — твой сынъ отъ царицы-Монголки. Послѣднему суждено овладѣть твоимъ престоломъ. На эти слова волхва Хонгуа-ханъ сказалъ: «хотя мать его была женою врага моего, но между моими сыновьями нѣтъ различія пусть онъ владѣетъ престоломъ.» Потомъ внѣ бѣлой стѣны выстроилъ городъ Кубэ-хото, въ которомъ поселился и утвердилъ свой тронъ. Черезъ три года онъ скончался.

Послѣ него на престолъ вступилъ сынъ его, Джакхоя-ханъ. По прошествіи четырехъ лѣтъ, Джунлу-ханъ, сынъ царицы хонгиратской, прибылъ съ войскомъ, состоявшимъ изъ 6,000 собственныхъ Монголовъ, 30,000 Дзурчитовъ, изъ поколѣнія Усуновъ, и Китайцевъ-Харакэрмэтовъ, поймалъ

Джакхоя-хана, привязалъ ему на шею серебряную печать и выгналъ (изъ государства).

Джунлу-ханъ, сынъ Ухагату-хана, вступилъ на престолъ; послѣ, говорятъ, было роздано въ награду 6000-мъ улкитскихъ учитовъ 360 дайду[79], по случаю вступленія на престолъ сына законнаго царя, а Джурчитамъ 600 дайду. Джунлу-ханъ скончался, процарствовавъ 22 года; Хонши-ханъ ханствовалъ одинъ годъ; Шанда-ханъ—10 лѣтъ; Джиндунъ-ханъ—14 лѣтъ, Джингтэйханъ—15 лѣтъ, Чинхуа-ханъ—3 года, Хунчей-ханъ—18 лѣтъ; Джиндэ-ханъ—16 лѣтъ; Джидунъ-ханъ — 46 лѣтъ; Лунчинъ-хаганъ — 6 лѣтъ; Вали-ханъ—48 лѣтъ; Тэшунъ-ханъ—1 мѣсяцъ; а потомъ царствовали Тэймэнъ-Чу и Дэнзи. Отъ Хотсаду[80]-хана до Дэнзи-хана прошло 257 лѣтъ.

Билигту-ханъ, сынъ Тогонъ-Тэмуръ-хана, въ городѣ Ингъчинъ возсѣлъ на ханскій престолъ, въ годъ собаки. По прошествіи 9 лѣтъ, въ годъ лошади, былъ возведенъ на престолъ Усхалъ-ханъ; отъ ханствовалъ 11 лѣтъ и скончался въ годъ дракона. Въ томъ же году возсѣлъ на престолъ Дзоригту-ханъ; ханствовалъ 4 года и скончался въ годъ овцы. Послѣ него возсѣлъ на престолъ Элбэкъ-ханъ, въ годъ собаки. Этотъ Элбэкъ-ханъ однажды на облавѣ, увидавъ на снѣгу кровь убитаго зайца, спросилъ: «есть-ли такая женщина, бѣлизна которой была бы какъ снѣгъ, а ланиты какъ эта кровь?» Ойратскій Тафу-Хутхай отвѣчалъ на это: «какъ-же, есть такая!» — «Кто такая, нельзя ли видѣть ее?» — «Если вы дѣйствительно желаете видѣть ее, такъ я скажу: это твоя невѣстка, Ульдзэту-Гуа, жена твоего сына Хагурцакъ-Дугурэнгъ-хунтайцзы.» Прельстясь красотою своей не-

---

[79] Столица; здѣсь-же значитъ поколѣніе народа.

[80] Это вѣроятно Хубилай-ханъ.

вѣстки, Элбэкъ-ханъ сказалъ Хутхай-Тафу: «о, показывающій то, чего не видалъ, соединяющій то, что далеко, удовлетворяющій жаждѣ желаній, ты, мой Тафу, ступай!» Онъ передалъ Бэгэдзи слова хана въ слѣдующемъ видѣ: «онъ послалъ меня, желая взглянуть на вашу красоту.» Бэгэдзи разгнѣвалась и отвѣчала: «можно ли землѣ соединиться съ небомъ, можно ли хану взять свою невѣстку? Пусть увидитъ его сынъ, Дугурэнъ-Тэмуръ, что ханъ, отецъ его, уподобился черной собакѣ.» Не внимая словамъ невѣстки, ханъ убилъ своего сына и взялъ ее себѣ.

Послѣ этого Тафу пришелъ просить хана о награжденіи его титуломъ даруги; но какъ хана не было (дома), то и сидѣлъ онъ передъ домомъ. Въ это время Хунгъ-Бэгэдзи послала къ нему посла и просила его зайти къ ней, и вмѣстѣ съ дарами подождать у ней хана. Тафу явился. Бэгэдзи поднесла ему чашу (съ виномъ) съ слѣдующими словами: «ты мою неважную особу сдѣлалъ важною, малое мое тѣло сдѣлалъ великимъ, имя Бэгэдзи сдѣлалъ тайху (императрицею).» Потомъ взяла объемистую кожаную посуду, раздѣленную на двѣ половины: въ одну налила воды, а въ другую крѣпкаго ардзану (вина); сама пила воду, а крѣпкимъ ардзаномъ напоила Тафу до-упаду. Потомъ въ спальной юртѣ постлала ковры, положила подушки, завѣсила занавѣсами и на этой кровати уложила Тафу. Растрепавъ волосы свои и расцарапавъ лице свое, послала за ханомъ. Прежде чѣмъ пріѣхалъ ханъ, Тафу успѣлъ убѣжать. Ханъ погнался за нимъ въ погоню и въ этой схваткѣ былъ у хана отстрѣленъ мизинецъ. Убивши Тафу, ханъ приказалъ сунитскому Джамингъ-Тайфу вырѣзать ремень изъ спины убитаго, и послалъ къ своей женѣ. Смѣшавши кровь хана съ жиромъ Тафу, она облизывала, приговаривая: «кровь хана, убившаго своего сына, жиръ Тафу, бывшаго причиною смерти моего господина (су-

пруга, владыки), доставшіяся мнѣ въ подарокъ—вотъ успѣхъ мщенія женщины! Умирать мнѣ все равно.» Хотя ханъ узналъ негодованіе Бэгэдзи, но, сознавая свою вину, ничего не говорилъ ей объ этомъ.

Сыновьямъ Тафу, Батулу-Дзинсангу и Угучи-Хашигу, было поручено ханомъ начальство надъ 40 тысячами (Ойратовъ). Они, въ годъ змѣи, на 6 году ханствованія Элбэкъ-хана, убили его, взяли 40,000 Ойратовъ и, отдѣлившись, сдѣлались непримиримыми врагами. Такимъ образомъ власть Монголовъ перешла къ Ойратамъ.

Послѣ того, въ томъ же году змѣи возсѣлъ на престолъ Тогонъ-ханъ, ханствовалъ 4 года и умеръ въ годъ лошади. Послѣ него возсѣлъ на престолъ Оломъ-Тэмуръ-ханъ, ханствовалъ 13 лѣтъ и скончался въ годъ барса. Черезъ годъ, въ годъ зайца, вступилъ на престолъ Дэлбэкъ-ханъ; ханствовалъ 5 лѣтъ и скончался въ годъ овцы. Въ томъ же году Ойратай-ханъ возведенъ на престолъ; ханствовалъ 11 лѣтъ и скончался въ годъ змѣи. Послѣ него, въ томъ же году, возведенъ на престолъ Адай-ханъ.

Съ давнишнею ненавистью къ Ойратамъ, Адай-ханъ собралъ своихъ Монголовъ и предпринялъ походъ противъ Ойратовъ. Въ то время, когда войска приближались, хотѣли было назначить (для поединка) угулэтскаго Цаганъ-Тумунъ-Эскуя, но Адай-ханъ выбралъ Шигустэй-багатуръ-нояна, сказавъ: «хотя быстра двухъ-годовалая лошадь, но старый конь не утомимъ.» Отъ Ойратовъ былъ выбранъ Куйланча-багатуръ. Оба были пріятели. Когда-то они говорили между собою: «въ случаѣ войны между Ойратами и Монголами мы выйдемъ на поединокъ». Куйланчи говорилъ: «при моемъ стрѣляніи (то есть умѣньи стрѣлять), пожалуй хоть и панцыря не надѣвай (т. е. когда я стрѣляю, панцырь не поможетъ);» а Шигустэй сказалъ: «при моемъ рубленьи (т. е. умѣньи рубить), пожа-

вѣстки, Элбэкъ-ханъ сказалъ Хутхэй-Тафу: «о, показывающій то, чего не видалъ, соединяющій то, что далеко, удовлетворяющій жаждѣ желаній, ты, мой Тафу, ступай!» Онъ передалъ Бэгэдзи слова хана въ слѣдующемъ видѣ: «онъ послалъ меня, желая взглянуть на вашу красоту.» Бэгэдзи разгнѣвалась и отвѣчала: «можно ли землѣ соединиться съ небомъ, можно ли хану взять свою невѣстку? Пусть увидитъ его сынъ, Дугурэнъ-Тэмуръ, что ханъ, отецъ его, уподобился черной собакѣ.» Не внимая словамъ невѣстки, ханъ убилъ своего сына и взялъ ее себѣ.

Послѣ этого Тафу пришелъ просить хана о награжденіи его титуломъ даруги; но какъ хана не было (дома), то и сидѣлъ онъ передъ домомъ. Въ это время Хунгъ-Бэгэдзи послала къ нему посла и просила его зайти къ ней, и вмѣстѣ съ дарами подождать у ней хана. Тафу явился. Бэгэдзи поднесла ему чашу (съ виномъ) съ слѣдующими словами: «ты мою неважную особу сдѣлалъ важною, малое мое тѣло сдѣлалъ великимъ, имя Бэгэдзи сдѣлалъ тайху (императрицею).» Потомъ взяла объемистую кожаную посуду, раздѣленную на двѣ половины: въ одну налила воды, а въ другую крѣпкаго ардзану (вина); сама пила воду, а крѣпкимъ ардзаномъ напоила Тафу до-упаду. Потомъ въ спальной юртѣ постлала ковры, положила подушки, завѣсила занавѣсами и на этой кровати уложила Тафу. Растрепавъ волосы свои и расцарапавъ лице свое, послала за ханомъ. Прежде чѣмъ пріѣхалъ ханъ, Тафу успѣлъ убѣжать. Ханъ погнался за нимъ въ погоню и въ этой схваткѣ былъ у хана отстрѣленъ мизинецъ. Убивши Тафу, ханъ приказалъ сунитскому Джаминъ-Тайфу вырѣзать ремень изъ спины убитаго, и послалъ къ своей женѣ. Смѣшавши кровь хана съ жиромъ Тафу, она облизывала, приговаривая: «кровь хана, убившаго своего сына, жиръ Тафу, бывшаго причиною смерти моего господина (су-

пруга, владыки), доставшіяся мнѣ въ подарокъ—вотъ успѣхъ мщенія женщины! Умирать мнѣ все равно.» Хотя ханъ узналъ негодованіе Бэгэдзи, но, сознавая свою вину, ничего не говорилъ ей объ этомъ.

Сыновьямъ Тафу, Батулу-Дзинсангу и Угучи-Хашигу, было поручено ханомъ начальство надъ 40 тысячами (Ойратовъ). Они, въ годъ змѣи, на 6 году ханствованія Элбэкъ-хана, убили его, взяли 40,000 Ойратовъ и, отдѣлившись, сдѣлались непримиримыми врагами. Такимъ образомъ власть Монголовъ перешла къ Ойратамъ.

Послѣ того, въ томъ же году змѣи возсѣлъ на престолъ Тогонъ-ханъ, ханствовалъ 4 года и умеръ въ годъ лошади. Послѣ него возсѣлъ на престолъ Оломъ-Тэмуръ-ханъ, ханствовалъ 13 лѣтъ и скончался въ годъ барса. Черезъ годъ, въ годъ зайца, вступилъ на престолъ Дэлбэкъ-ханъ; ханствовалъ 5 лѣтъ и скончался въ годъ овцы. Въ томъ же году Ойратай-ханъ возведенъ на престолъ; ханствовалъ 11 лѣтъ и скончался въ годъ змѣи. Послѣ него, въ томъ же году, возведенъ на престолъ Адай-ханъ.

Съ давнишнею ненавистью къ Ойратамъ, Адай-ханъ собралъ своихъ Монголовъ и предпринялъ походъ противъ Ойратовъ. Въ то время, когда войска приближались, хотѣли было назначить (для поединка) угулэтскаго Цаганъ-Тумунъ-Эскуя, но Адай-ханъ выбралъ Шигустэй-багатуръ-нояна, сказавъ: «хотя быстра двухъ-годовалая лошадь, но старый конь неутомимъ.» Отъ Ойратовъ былъ выбранъ Куйланча-багатуръ. Оба были пріятели. Когда-то они говорили между собою: «въ случаѣ войны между Ойратами и Монголами мы выйдемъ на поединокъ». Куйланчи говорилъ: «при моемъ стрѣляніи (то есть умѣньи стрѣлять), пожалуй хоть и панцыря не надѣвай (т. е. когда я стрѣляю, панцырь не поможетъ);» а Шигустэй сказалъ: «при моемъ рубленьи (т. е. умѣньи рубить), пожа-

луй хоть и шлема не надѣвай (не поможетъ).»—Когда поединокъ былъ назначенъ, Шигустэй надѣлъ три панцыря одинъ на другой, навѣсилъ на грудь курдэе (деревянная доска), сѣлъ на свѣтлосоловую лошадь съ лысиной на лбу и, въ сопровожденіи хорлатскаго Олхой-Мэргэна, ѣхавшаго на буро-лысой лошади, выѣхалъ на поединокъ (изъ строя). Со стороны Ойратовъ выѣхалъ Куйланчи-Мэргэнъ въ двойномъ шлемѣ, на сиво-лысой лошади. Они сразились на мѣстѣ, называемомъ Боро-Нохойнъ-зонъ (задница у сѣрой собаки). Куйланчи-багатуръ выстрѣлилъ въ Шигустэя такъ, что стрѣла его разбила переднюю луку сѣдла, пронзила двойной панцырь съ курдэ и отъ силы этого удара (Шигустэй) очутился на задней лукѣ; а Олхэй-Мэргэнъ выстрѣломъ отшибъ ногу у лошади Куйланчи-Мэргэновой. Потомъ Шигустэй, произнеся: «надѣюсь на счастіе свѣтло-соловой моей лошади и на счастіе острія моей кривой сабли; рожденному для престола нѣтъ друзей», разрубилъ ему (Куйланчи) голову, на которую былъ надѣтъ двойной осьми-сторонній шлемъ. Въ этомъ сраженіи Батула-Чинсанъ, сынъ Тафу, былъ убитъ; жена его взята ханомъ, а сыну его Тогону велѣно пасти овецъ у Аруктай-тайши. Вотъ какимъ образомъ владычество отъ Ойратовъ перешло къ Монголамъ.

Послѣ этого у Адай-хана было собраніе. Пасшій стадо Тогонъ-тайши (сынъ Батула-Чинсана) встрѣтилъ двухъ человѣкъ, возвращавшихся изъ собранія, и спросилъ у нихъ, что̀ было предметомъ ихъ собранія? Они отвѣчали, что отложено (собраніе), потому что его не было тамъ. Тогонъ снялъ свою шапку и помолился тэгріямъ, говоря: «это не ваши слова, а слова тэнгріевъ».

Однажды Аруктай-тайши сказалъ своей женѣ: «этотъ Тогонъ сынъ благороднаго человѣка; въ его присутствіи не убирайте своихъ волосъ и скрывайте отъ него, когда будете че-

саться». Тогонъ-тайши при этихъ словахъ вышелъ на дворъ и молился тэнгріямъ, говоря: «эти слова не ваши, а изреченіе тэнгріевъ».—Когда Оной-Аха (жена Аруктая) чесáла голову Тогонъ-тайши, младшій братъ Аруктай-тайши, сказалъ ей: «про этого Тогонъ-тайши говорятъ, что онъ благороднаго происхожденія; кажется, лучше было-бы вычесать внутренность его (т. е. убить), чѣмъ голову, или прогнать». Оной-Аха разгнѣвалась и не согласилась (на его предложеніе). Братъ Аруктай-тайши прибавилъ: «если не согласишься на эти слова, не вини свою голову». Послѣ этого, замѣтивъ, что собаки лаютъ съ воемъ, что монгольскіе мальчики плачутъ съ хрипомъ, что табуны свои собираютъ съ крикомъ и, вспомнивъ вышеупомянутый разговоръ, Тогонъ-тайши во всемъ этомъ видѣлъ дурныя для Монголовъ предзнаменованія, и помолился тэнгріямъ. Послѣ этого мать Тогона сказала Адай-хану: «ты меня призрѣлъ, сдѣлалъ женою своею; за чѣмъ же сына своего Тогона допускаешь быть слугою другихъ! Убей его или прогони». Ханъ согласился на слова жены своей, и двумъ посламъ, Шильмичію и Сайламучину, приказалъ проводить Тогона-тайши въ его отечество. Лишь только Тогонъ-тайши прибылъ, какъ собрались Ойраты, Угулеты, Багатуты, Хойхаты (навѣрно это Хойта), Дурбенъ-Туменъ, и спрашивали у него объ обычаяхъ и нравахъ монгольскаго хана, тайшей и великаго народа. На ихъ вопросы Тогонъ-тайша отвѣчалъ: «Монгольскій Аруктай-тайши отъ старости медленъ во «всѣхъ дѣлахъ; лукъ его измѣнился, а понятія не измѣни«лись (желаніе есть, а силы нѣтъ); чиновниковъ знающихъ «правленіе сажаетъ внѣ (пренебрегаетъ); на лошади своей, «употребляемой для войны, ѣздитъ дома; людей малосвѣду«щихъ опредѣляетъ на службу; ѣздитъ на войну на молодой «лошади; бѣглыхъ людей допускаетъ къ управленію и ду«маетъ только о горячихъ напиткахъ въ кожаныхъ сосудахъ.

луй хоть и шлема не надѣвай (не поможетъ).»—Когда поединокъ былъ назначенъ, Шигустэй надѣлъ три панцыря одинъ на другой, навѣсилъ на грудь курдзе (деревянная доска), сѣлъ на свѣтлосоловую лошадь съ лысиной на лбу и, въ сопровожденіи хорлатскаго Олхой-Мэргэна, ѣхавшаго на буро-лысой лошади, выѣхалъ на поединокъ (изъ строя). Со стороны Ойратовъ выѣхалъ Куйланчи-Мэргэнъ въ двойномъ шлемѣ, на сиво-лысой лошади. Они сразились на мѣстѣ, называемомъ Боро-Нохойнъ-зопъ (задница у сѣрой собаки). Куйланчи-багатуръ выстрѣлилъ въ Шигустэя такъ, что стрѣла его разбила переднюю луку сѣдла, пронзила двойной панцырь съ курдзэ и отъ силы этого удара (Шигустэй) очутился на задней лукѣ; а Олхэй-Мэргэнъ выстрѣломъ отшибъ ногу у лошади Куйланчи-Мэргэновой. Потомъ Шигустэй, произнеся: «надѣюсь на счастіе свѣтло-соловой моей лошади и на счастіе острія моей кривой сабли; рожденному для престола нѣтъ друзей», разрубилъ ему (Куйланчи) голову, на которую былъ надѣтъ двойной осьми-сторонній шлемъ. Въ этомъ сраженіи Батула-Чинсанъ, сынъ Тафу, былъ убитъ; жена его взята ханомъ, а сыну его Тогону велѣно пасти овецъ у Аруктай-тайши. Вотъ какимъ образомъ владычество отъ Ойратовъ перешло къ Монголамъ.

Послѣ этого у Адай-хана было собраніе. Пасшій стадо Тогонъ-тайши (сынъ Батула-Чинсана) встрѣтилъ двухъ человѣкъ, возвращавшихся изъ собранія, и спросилъ у нихъ, что̀ было предметомъ ихъ собранія? Они отвѣчали, что отложено (собраніе), потому что его не было тамъ. Тогонъ снялъ свою шапку и помолился тэгріямъ, говоря: «это не ваши слова, а слова тэнгріевъ».

Однажды Аруктай-тайши сказалъ своей женѣ: «этотъ Тогонъ сынъ благороднаго человѣка; въ его присутствіи не убирайте своихъ волосъ и скрывайте отъ него, когда будете че-

саться». Тогонъ-тайши при этихъ словахъ вышелъ на дворъ и молился тэнгріямъ, говоря: «эти слова не ваши, а изреченіе тэнгріевъ».—Когда Оной-Аха (жена Аруктая) чесáла голову Тогонъ-тайши, младшій братъ Аруктай-тайши, сказалъ ей: «про этого Тогонъ-тайши говорятъ, что онъ благороднаго происхожденія; кажется, лучше было-бы вычесать внутренность его (т. е. убить), чѣмъ голову, или прогнать». Оной-Аха разгнѣвалась и не согласилась (на его предложеніе). Братъ Аруктай-тайши прибавилъ: «если не согласишься на эти слова, не вини свою голову». Послѣ этого, замѣтивъ, что собаки лаютъ съ воемъ, что монгольскіе мальчики плачутъ съ хрипомъ, что табуны свои собираютъ съ крикомъ и, вспомнивъ вышеупомянутый разговоръ, Тогонъ-тайши во всемъ этомъ видѣлъ дурныя для Монголовъ предзнаменованія, и помолился тэнгріямъ. Послѣ этого мать Тогона сказала Адай-хану: «ты меня призрѣлъ, сдѣлалъ женою своею; за чѣмъ же сына своего Тогона допускаешь быть слугою другихъ! Убей его или прогони». Ханъ согласился на слова жены своей, и двумъ посламъ, Шильмичію и Сайламучину, приказалъ проводить Тогона-тайши въ его отечество. Лишь только Тогонъ-тайши прибылъ, какъ собрались Ойраты, Угулеты, Багатуты, Хойхаты (навѣрно это Хойта), Дурбенъ-Тументъ, и спрашивали у него объ обычаяхъ и правахъ монгольскаго хана, тайшей и великаго народа. На ихъ вопросы Тогонъ-тайша отвѣчалъ: «Монгольскій Аруктай-тайши отъ старости медленъ во «всѣхъ дѣлахъ; лукъ его измѣнился, а понятія не измѣни«лись (желаніе есть, а силы нѣтъ); чиновниковъ знающихъ «правленіе сажаетъ внѣ (пренебрегаетъ); на лошади своей, «употребляемой для войны, ѣздитъ дома; людей малосвѣду«щихъ опредѣляетъ на службу; ѣздитъ на войну на молодой «лошади; бѣглыхъ людей допускаетъ къ управленію и ду«маетъ только о горячихъ напиткахъ въ кожаныхъ сосудахъ.

«Они (Монголы)—как верблюдицы без верблюда, как ко-
«ровы без быка, как табуны без жеребца и как овцы без
«барана. Если не верите моим словам, пусть справится
«Угэчи-Хашига.» Проведя (обманув) монгольских послов
Шильмичина и Саймучина [81], Тогон-тайши сам прибыл
к Адай-хану с хорошими лошадьми, соболями, рысями и
лучшими сокровищами, спрашивая у народа дорогу. Хан,
увидав, сказал: «вот награда за возвращеніе Тогона-тай-
ши в отечество». Шильмичин и Саймучин отвѣчали: «Ой-
ратов подозрѣвать не в чем; Тогон-тайши, доставивши
твою дань, от дальняго пути утомился; позволь ему прове-
сти у нас нѣсколько дней?» Хан согласился, говоря: «ува-
жим чужаго человѣка.» Между тѣм вслѣд за Тогоном-
тайшей прибыло ойратское войско из 40,000 человѣк,
напало на Монголов, и Тогон-тайши тотчас плѣнил Адай-
хана. Адай-хан сказал ему: «припомни, что я твою мать
сдѣлал своею женою, а тебя самого не убил.» На это То-
гон-тайши отвѣчал: «развѣ мать моя не имѣла мужа, и
развѣ я не имѣл отца?» И когда с этими словами хотѣл
убить хана (убійцу своего отца), послѣдній сказал: «я по-
ложился на слова Шильмичина и Саймучина; хоть бы раз
пустить мнѣ свою стрѣлу, и умереть» Адай-хан, послѣ 14
лѣтняго ханствованія, умер от руки ойратскаго Тогон-
тайши, в год лошади. Вот каким образом власть над
Монголами была захвачена Ойратами.

Послѣ сего, в тот же самый год, возсѣл на великій
трон Тайсун-хан. Тайсун-хан и Накбардза-Джинан
условились с Ойратами сойтись на мѣстѣ, называемом
Мингану хара, куда Ойраты пришли раньше под началь-
ством хана, Эсэн-тайшія ойратскаго. Абдуй-Сэцэн, Са-

[81] В другом мѣстѣ посол называется Саймучин.

тула-Ипитэй, Байтула-Алакъ-Тэмуръ, Хатунъ-Тэмуръ, Аба-Бурки-Тайдуй, Тогонъ-Кумучи-Убуши, и другіе, предводительствуя каждый 1000 человѣкъ, напали на Монголовъ и произвели бурю и холодной вѣтеръ, отчего Монголы и лошади ихъ должны были терпѣть ужасный холодъ. Поэтому ханъ и Джинангъ назначили собраніе, въ которомъ изъявили желаніе заключить миръ съ Ойратами. Гуханъ-Сандачинъ-Сэцэнъ прибылъ послѣ засѣданія и спросилъ: «какъ зовутъ прибывшихъ ойратскихъ тайшей (прибывшіе въ походъ)?» Ему всѣхъ переименовали. На это сказалъ онъ: «это слово Тэнгріевъ; мы отправимся противъ нихъ съ войскомъ и нападемъ.» Ханъ и Джинангъ съ гнѣвомъ сказали: «можно ли было ожидать отъ человѣка, на котораго была вся надежда, такихъ вредныхъ (разорительныхъ) словъ?» Сандакчинъ-Сэцэнъ[82] разсердился, ударилъ по головѣ своего бѣлаго коня, и уходя сказалъ: «поймать, такъ поймаемъ; собрать, такъ соберемъ (т. е. чему быть, тому не миновать)» Кагурцакъ-тайджи одобрилъ слова Сандакчинъ-Сэцэна. Тайсунгъ-ханъ съ гнѣвомъ сказалъ при этомъ: «если умирать, такъ всѣмъ умирать, если оставаться живымъ, такъ всѣмъ жить (если идти на войну, такъ всѣмъ идти, но неотдѣльно, не поодиночкѣ).» Между-тѣмъ ойратскія войска возвратились.

Послѣ возвращенія ихъ, Тайсунгъ-ханъ отъ Джинанга требовалъ Цагана алакчугутскаго, который убѣжалъ къ нему отъ хана на черно-гнѣдой лошади, съ полнымъ вооруженіемъ. Но Джинангъ не выдалъ. Тогда Инакъ-Цаганъ, изъ ненависти (къ Джинангу), доложилъ хану: «когда войдетъ въ васъ умъ и когда выпадутъ у дикаго козла рога?» Ханъ съ гнѣвомъ сказалъ: «бѣглецъ слишкомъ смѣлъ, но смѣлѣе его укрывал-

---

[82] Въ другомъ мѣстѣ: Сандачинъ.

щикъ, Накбардза.» Накбардза, услышавъ эти слова, съ сердцемъ сказалъ: «напрасно (онъ ханъ) думаетъ, что я ничего не знаю». Когда ханъ отнялъ у него Инакъ-Цагана, Накбардза-Джинангъ сказалъ: «съ этого времени я не считаю тебя своимъ братомъ и присоединюсь къ Ойратамъ.» Кагурцакъ-тайши замѣтилъ ему: «говорятъ, что тотъ, кто помогаетъ роднымъ съ жениной стороны, не возвысится. кто помогаетъ одно-утробнымъ возвысится; кто защищаетъ чужихъ, тотъ не возвысится, кто помогаетъ ближнимъ, тотъ возвысится. Великій ханъ созданъ для правленія, и главѣ трудно сдѣлаться послѣднимъ.» — Накбардза не послушался его словъ и послалъ къ Ойратамъ пословъ: ортушійскаго Хатунъ-Тэмура и джуншіебутскаго Нэкэй-Тэмура, съ извѣстіемъ объ отложеніи своемъ отъ Тайсунгъ-хана и соединеніи съ 40,000 Ойратовъ, и также извѣстилъ о желаніи умертвить Сандакчинъ-Сэцэна и Кагурцакъ-тайджія, которые были шпіонами. Абдаръ-Сэцэнъ (ойратскій), сложивъ ладони, сказалъ: «этотъ ребенокъ (Кагурцакъ) что̀ знаетъ?» Между-тѣмъ ойратскіе тайши и нояны дали такой отвѣтъ: «ты, Джинангъ, сдѣлайся ханомъ, а свой титулъ Джинанга отдай намъ. Если ты согласенъ на наше предложеніе, мы готовы присоединиться.» Послы, по возвращеніи, донесли подробно (Джинангу) слова ойратскихъ тайшей и нойоновъ. Онъ тотчасъ-же согласился, отложился отъ своего брата Тайсунгъ-хана и откочевалъ. Затѣмъ Джинангъ въ соединеніи съ Ойратами пошелъ противъ своего брата. Когда войска стали разводить огни, то онъ сказалъ имъ: «братъ мой малодушенъ, разведите каждый по десяти костровъ.» Караульные, узнавъ о близости ойратскаго войска, донесли Тайсунгъ-хану, который самъ пожелалъ обозрѣть его, но увидавъ огни, сказалъ: «если столько огней, число которыхъ подобно числу небесныхъ звѣздъ, сошедшихъ на землю, то какъ можно побѣдить ихъ?» Тайсунгъ-

ханъ обратился въ бѣгство на Кэрулунь, взявши небольшое число своихъ (приближенныхъ).

Ханъ прежде былъ женатъ на Алтайѣ, дочери Цебдэна; но заподозривъ ее въ любовной связи съ тарикчинскимъ Халцагаемъ, отправилъ ее съ отмороженными ушами и носомъ [83] обратно къ отцу ея Цэбдэну хурлатскому, а Халцагая убилъ. Теперь же и самъ онъ отправился къ прежнему своему тестю Цэбдэну. На дорогѣ, по которой ѣхалъ, былъ нарочно оставленъ сартагульскимъ Купукомъ серебряный котелъ. Ханъ ,узнавъ о потерѣ котла, спросилъ у приближенныхъ своихъ: «кто изъ нихъ вѣрнѣе (доставитъ котелъ)?» Вызвался этотъ самый Купукъ, и былъ отправленъ на ворономъ ханскомъ конѣ; но, взявъ серебряный котелъ, онъ ушелъ къ Джинангу. Между-тѣмъ Тайсунгъ-ханъ прибылъ къ Цэбдэну и зашелъ къ прежней своей супругѣ. Цэбдэнъ сказалъ ему: «тѣнистая сторона Харуги прежде была тепла, но отчего потомъ сдѣлалась холодною? пазуха (грудь) жены прежде была холодна, отчего же теперь сдѣлалась теплою? задняя сторона горы Алта-ханы была прежде тепла, отчего потомъ сдѣлалась холодна? пазуха дочери моей Алта-ханы прежде была холодна, отчего теперь сдѣлалась теплою? Возвращаются ли на кочевье, оставленное по недостатку травы? Берутъ развѣ обратно жену, покинутую за дурную наружность?»

Тайсунгъ-ханъ имѣлъ трехъ сыновей: старшій сынъ, Мунгали, говорятъ, скончался своею смертью еще прежде (при ханѣ), а другіе два его сына: Или и Тили, хурлатскіе Айбулатъ и Бакбулатъ, и самъ Тайсунгъ-ханъ—всѣ пятеро были убиты хурлатскимъ Цэбдэномъ на мѣстѣ Орчину-Чикиръ,

---

[83] Это выраженіе надобно понимать слѣдующимъ образомъ, что за дурное поведеніе съ ней обращались жестоко, и что занимаясь работою на морозѣ, она отмораживала себѣ уши и носъ.

въ годъ обезьяны. Тайсунгъ-ханъ царствовалъ 15 лѣтъ. Старшій братъ Айбулата и Бабулата, Мэнду-Урлукъ ночевалъ въ это время у другаго сосѣда. Его двѣ лошади, хулаханъ и харханъ, предчувствуя несчастіе, били копытами землю и тяжело вздыхали. Мэнду-Урлукъ, замѣтивъ эти признаки, поспѣшилъ на другой день къ царю; но прежде нежели онъ прибылъ, ханъ и его братья были уже убиты. Мэнду-Урлукъ похоронилъ хана, положивъ голову его на одного брата своего, а ноги на другаго, потомъ съ нѣсколькими товарищами Мэнду напалъ на Цэбдэна и отмстилъ ему.

Спустя нѣсколько времени, въ общемъ собраніи, Ойраты, изъискивая средства къ убіенію Джинанга, такъ разсуждали между собою: «человѣкъ, не думающій о пользѣ своихъ родныхъ, будетъ ли думать о нашей пользѣ? кто не думалъ о своемъ правленіи, будетъ ли думать о нашемъ? будетъ ли думать о нашей славѣ тотъ, кто не думалъ о своей? Въ свой огонь онъ налилъ воду, а въ нашъ—масло; кому, послѣ этого, онъ сдѣлаетъ добро?» Вслѣдствіе сего ойратскіе нояны доложили Джинангу: «вѣдь мы условились прежде съ тобою, Джинангъ, чтобы ты принялъ достоинство хана, а свой титулъ Джинанга отдалъ нашему Эсэнъ-тайджи, а потому мы предлагаемъ тебѣ достоинство хана, а Эсэнъ-тайджію соблаговоли (дать) титулъ Джинанга.» Ойраты по этому случаю приготовили пиръ, на который пригласили Джинанга. Вырывъ большую (глубокую) яму въ юртѣ, и закрывъ ее войлокомъ, они принимали Джинанга съ 33 урбалгатанами, съ 44 отоготанами и 61 кэгэртенами въ одну дверь, а выводя чрезъ другую, убивали ихъ, и трупами ихъ наполнили яму до верху. Отсюда произошла поговорка: «смерть вельможъ въ собраніи» (т. е. смерть вельможъ влечетъ за собою смерть многихъ), «смерть собаки у рѣшетки юрты» (т. е. смерть простаго человѣка не оставляетъ никакихъ послѣдствій).

Кагурцакъ-тайджи сказалъ своему товарищу Нагацу: «ступай и посмотри, что тамъ дѣлаютъ Джинангъ и великіе и малые сановники, которые вошли въ юрту?» Тотъ сходилъ и сказалъ ему: «я не видалъ ни Джинанга, ни прочихъ, видѣлъ только кровь, текущую у южной стороны юрты.» Тогда Кагурцакъ произнесъ: «если намъ суждено лечь, такъ ляжемъ; умереть, такъ умремъ,» и съ этими словами, взявъ своего товарища Нагацу, скрылся съ нимъ въ горахъ. Въ слѣдъ за ними погнались погонщики, одѣтые въ двойной панцырь, и пробирались на скалу по тропинкѣ. Нагацу прострѣлилъ насквозь панцырь передняго человѣка, который упалъ и увлекъ со скалы слѣдовавшихъ за нимъ. Но когда за тѣмъ пришли другіе, одѣтые въ тройной панцырь и съ копьями въ рукахъ, Нагацу сказалъ: «я не могу, ты самъ стрѣляй!» Кагурцакъ-тайджи съ крикомъ прострѣлилъ тройной панцырь Ухаганъ-Дзурагія, который свалился со скалы, увлекая за собою слѣдовавшихъ за нимъ. Послѣ того Нагацу сказалъ: «хотя мы и спаслись, но куда пойдемъ пѣшкомъ?» и отправился воровать лошадей. Эсэнъ-тайджи въ это время сидѣлъ у огня, заслонивъ его отъ вѣтра своею буркою; лошади его: кобылица эрмэкъ-шаргукчинъ и жеребецъ хурдунъ-хула были привязаны и окружены людьми, которые въ это время спали. Нагацу подкрался съ той стороны, которая была заслонена буркою, и когда отвязывалъ лошадей, то послышался топотъ, почему спавшіе люди начали оглядываться, но никого не видѣли; когда наконецъ Нагацу, отвязавъ лошадей, на одну изъ нихъ сѣлъ, а другую повелъ подъ уздцы, топотъ послышался еще сильнѣе. Тѣ же люди опять начали озираться, но никого не видя, приняли это за біеніе сердца отъ испуга. Послѣ этого спросили у Нагацу: «стражъ, какъ твое имя?» Онъ отвѣчалъ: «какой ты бдительный человѣкъ! мы Монголы: Кагурцакъ-тайджи и Нагацу; держите насъ.» Съ этими сло-

вами онъ поскакалъ черезъ плетень. Прибывъ къ Кагурцакъ-тайджи, Нагацу окликалъ его, но тотъ не откликался; думая, что Кагурцакъ убѣжалъ, онъ наконецъ окликнулъ въ послѣдній разъ и Кагурцакъ явился. — «Зачѣмъ-же ты убѣжалъ отсюда?» — «Я думалъ, что тебя поймаютъ Ойраты и приведутъ сюда, чтобъ ты указалъ, гдѣ я; потому я и удалился.» — Они потомъ сѣли на лошадей и отправились въ Хутукту-Хулусунъ, гдѣ пустили лошадей своихъ на кормъ, привязавъ ихъ на лыко; но когда замѣтили человѣка, слѣдящаго за корсакомъ, они убѣжали. Скитаясь безъ пищи, они увидали оленя (хара-хоцокъ му), и застрѣлили его; изъ реберъ сдѣлали для себя сѣдла, а мясо употребили въ пищу. Наконецъ они прибыли къ одному тукмакскому (кипчакскому) богатому человѣку, младшій братъ котораго сказалъ: «нельзя заводить дружбы съ людьми, имѣющими въ глазахъ огонь; лучше убей ихъ.» Братъ на то отвѣчалъ: «развѣ не бываетъ дружбы съ незнакомцами?» и не убилъ ихъ. Спустя нѣсколько времени послѣ сего, Нагацу сказалъ Кагурцаку: «къ чему намъ вести себя въ одиночествѣ; я отправлюсь къ Ойратамъ и привезу твою жену. До пріѣзда моего старайся скрывать, что ты поятъ; не полагайся на людей, и не убивай всѣхъ звѣрей (при облавѣ). Я скажу Эсэнъ-тайджію, что тебя убилъ.» Съ этими словами Нагацу отправился въ путь, а въ знакъ (того, что убилъ его) взялъ кобылу (его)[24].

Послѣ отправленія (Нагацу), Каргуцакъ женился на дочери этого богатаго человѣка. Однажды, во время облавы, Каргуцакъ застрѣлилъ всѣхъ звѣрей, вошедшихъ въ кругъ облавы, кромѣ двухъ, которымъ удалось ускользнуть; за такую наглость онъ былъ убитъ братомъ богача. Между-тѣмъ Нагацу при

[24] Въ текстѣ явная ошибка: вмѣсто гэй (что̀ значитъ «коса») слѣдуетъ читать гэу («кобыла»).

былъ (къ Ойратамъ). — «Если придетъ Нагацу, то убьешь ли ты его, или нѣтъ?» спросила Эсэнъ-тайджія мать его Аха. На это онъ отвѣчалъ: «если онъ придетъ, то съѣмъ его мясо и выпью кровь его.» — «Ну, а если онъ убилъ Каргуцакъ-тайджія, неужели и тогда убьешь его?» спросила мать. — «Нѣтъ, въ такомъ случаѣ не убью его.» — Тогда мать представила Нагацу своему сыну, который сказалъ: «ну, счастливецъ, ты спасся.»

Послѣ этого Эсэнъ предпринялъ походъ противъ Тумоковъ (Тукмаковъ). Въ этотъ походъ Нагацу не взяли, а потому онъ, взявши двухъ лошадей, отправился внѣ войска (т. е. другимъ путемъ). Ойраты напали на Тумоковъ. Нагацу, слѣдуя за передовымъ войскомъ Ойратовъ, отнялъ (у Тумоковъ) табунъ лошадей и пригналъ его къ Эсэнъ-тайджію, съ матерью котораго онъ заключилъ условіе, тайно передавъ ей серебряную чашу и желѣзный котелъ. Эсэнъ разсердился на него за то, что не отдалъ ему чашку и котелъ. Мать сказала сыну: «развѣ можно завидовать матери? развѣ мало, что Нагацу убилъ Кагурцака и пригналъ тебѣ кобылу его, эрэмэкъ-шаргучину?» Эсэнъ-тайджи, увидѣвъ добычу, сказалъ: «онъ не человѣкъ, а коршунъ (*эліе*).» Отсюда произошло прозвище Нагацу-Эліэ. Эліэ-Нагацу потомъ убѣжалъ отъ Эсэна.

Бэгэдзи, жена Харгуцакъ-тайджія [85], дочь Эсэнъ-тайджія, будучи беременна, была взята замужъ ойратскимъ Эбуй-Ходжигиромъ

Эсэнъ-тайджи однажды пригласилъ къ себѣ Шигустэй-нояна, прежде взятаго у Монголовъ Ойратами. Шигустэй-ноянъ прибылъ съ 30 своими товарищами, и съ 10 изъ нихъ вошелъ въ юрту, для него поставленную. Эсэнъ чрезъ посланнаго потребовалъ отъ него тотъ мечъ, которымъ онъ раз-

---

[85] Въ другихъ мѣстахъ: Кагурцакъ.

вами онъ поскакалъ черезъ плетень. Прибывъ къ Кагурцакъ-тайджи, Нагацу окликалъ его, но тотъ не откликался; думая, что Кагурцакъ убѣжалъ, онъ наконецъ окликнулъ въ послѣдній разъ и Кагурцакъ явился. — «Зачѣмъ-же ты убѣжалъ отсюда?» — «Я думалъ, что тебя поймаютъ Ойраты и приведутъ сюда, чтобъ ты указалъ, гдѣ я; потому я и удалился.» — Они потомъ сѣли на лошадей и отправились къ Хутукту-Хулусунъ, гдѣ пустили лошадей своихъ на кормъ, привязавъ ихъ на лыко: но когда замѣтили человѣка, слѣдящаго за корсакомъ, они убѣжали. Скитаясь безъ пищи, они увидали оленя (хара-хоцокъ му), и застрѣлили его; изъ реберъ сдѣлали для себя сѣдла, а мясо употребили въ пищу. Наконецъ они прибыли къ одному тукмакскому (кипчакскому) богатому человѣку, младшій братъ котораго сказалъ: «нельзя заводить дружбы съ людьми, имѣющими въ глазахъ огонь; лучше убей ихъ.» Братъ на то отвѣчалъ: «развѣ не бываетъ дружбы съ незнакомцами?» и не убилъ ихъ. Спустя нѣсколько времени послѣ сего, Нагацу сказалъ Кагурцаку: «къ чему намъ вести себя въ одиночествѣ; я отправлюсь къ Ойратамъ и привезу твою жену. До пріѣзда моего старайся скрывать, что ты ноянъ; не полагайся на людей, и не убивай всѣхъ звѣрей (при облавѣ). Я скажу Эсэнъ-тайджію, что тебя убилъ.» Съ этими словами Нагацу отправился въ путь, а въ знакъ (того, что убилъ его) взялъ кобылу (его)[14].

Послѣ отправленія (Нагацу), Каргуцакъ женился на дочери этого богатаго человѣка. Однажды, во время облавы, Каргуцакъ застрѣлилъ всѣхъ звѣрей, вошедшихъ въ кругъ облавы, кромѣ двухъ, которымъ удалось ускользнуть; за такую наглость онъ былъ убитъ братомъ богача. Между-тѣмъ Нагацу при

---

[14] Въ текстѣ явная ошибка: вмѣсто гэй (что̀ значитъ «коса») слѣдуетъ читать гоу («кобыла»).

былъ (къ Ойратамъ). — «Если придетъ Нагацу, то убьешь ли ты его, или нѣтъ?» спросила Эсэнъ-тайджія мать его Аха. На это онъ отвѣчалъ: «если онъ придетъ, то съѣмъ его мясо и выпью кровь его.» — «Ну, а если онъ убилъ Каргуцакъ-тайджія, неужели и тогда убьешь его?» спросила мать. — «Нѣтъ, въ такомъ случаѣ не убью его.» — Тогда мать представила Нагацу своему сыну, который сказалъ: «ну, счастливецъ, ты спасся.»

Послѣ этого Эсэнъ предпринялъ походъ противъ Тумоковъ (Тукмаковъ). Въ этотъ походъ Нагацу не взяли, а потому онъ, взявши двухъ лошадей, отправился внѣ войска (т. е. другимъ путемъ). Ойраты напали на Тумоковъ. Нагацу, слѣдуя за передовымъ войскомъ Ойратовъ, отнялъ (у Тумоковъ) табунъ лошадей и пригналъ его къ Эсэнъ-тайджію, съ матерью котораго онъ заключилъ условіе, тайно передавъ ей серебряную чашу и желѣзный котелъ. Эсэнъ разсердился на него за то, что не отдалъ ему чашку и котелъ. Мать сказала сыну: «развѣ можно завидовать матери? развѣ мало, что Нагацу убилъ Кагурцака и пригналъ тебѣ кобылу его, эрэмэкъ-шаргучину?» Эсэнъ-тайджи, увидѣвъ добычу, сказалъ: «онъ не человѣкъ, а коршунъ (*эліе*).» Отсюда произошло прозвище Нагацу-Эліэ. Эліэ-Нагацу потомъ убѣжалъ отъ Эсэна.

Бэгэдзи, жена Харгуцакъ-тайджія [85], дочь Эсэнъ-тайджія, будучи беременна, была взята замужъ ойратскимъ Эбуй-Ходжигиромъ

Эсэнъ-тайджи однажды пригласилъ къ себѣ Шигустэй-нояна, прежде взятаго у Монголовъ Ойратами. Шигустэй-ноянъ прибылъ съ 30 своими товарищами, и съ 10 изъ нихъ вошелъ въ юрту, для него поставленную. Эсэнъ чрезъ посланнаго потребовалъ отъ него тотъ мечъ, которымъ онъ раз-

---

[85] Въ другихъ мѣстахъ: Кагурцакъ.

рубилъ Куйланчія. Шигустэй, зная его злое намѣреніе, этимъ мечемъ хотѣлъ отрубить голову посланному, но Олхой-Мэргэнъ остановилъ его. Шигустэй отдалъ свой мечъ. Посланный спросилъ его: «правда ли, что это тотъ самый мечъ, которымъ ты убилъ Куйланчія, или нѣтъ?» — «Вещь та самая, но хозяинъ не тотъ», отвѣчалъ Шигустэй. Шигустэй-Унгъ и Олхой-Мэргэнъ съ десятью товарищами были убиты.

Одинъ Ойратъ, поймавъ птицу, спрашивалъ у всѣхъ: «какой она породы?» Въ это время прибѣжалъ къ нему голый мальчикъ и сказалъ: «эта птица есть хаджиръ-тарбатъ, птенецъ коршуна, потому что ротъ у него большой, лапы широкія и плеча угловатыя, хвостъ тонкій; такихъ птицъ принимали бывало въ оградѣ *уткэ* [86] (гдѣ обучаютъ ихъ для охоты).» Этотъ Ойратъ пришелъ къ Эсэнъ-тайджію и разсказалъ ему: «мы не могли узнать, что это за птица, а узналъ ее одинъ монгольскій мальчикъ.» Эсэнъ-тайджи сказалъ: «я ненавижу этого ребенка; приведи его ко мнѣ. Мы искали сына Шигустэй-багатура, но не могли найти. Навѣрно это плодъ врага. Если ребенокъ женскаго пола, причеши ему голову (не убивай); если мужескаго пола, то вычеши внутренность (убей).» Жена солонготскаго Сангулдари, Харакчинъ-Тайбуцинъ, увидавъ посланныхъ, спрятала Болгонояна подъ опрокинутый котелъ, сверху котораго набросала пометъ, приказавъ ему не шевелиться. Такимъ образомъ, обманувъ посланныхъ, отдала она имъ своего сына вмѣсто его. Одинъ изъ нихъ обнажилъ этого ребенка, на шею надѣлъ петлю, чтобъ удавить; но другой остановилъ его, говоря: «это не давишній мальчикъ, у того задница похожа на заячью задницу, и

---

[86] Этого слова значеніе мнѣ неизвѣстно; по смыслу оно должно означать мѣсто, гдѣ обучаютъ ястребовъ для охоты.

былъ огонь въ глазахъ.» Когда они ушли, Харакчинъ-Тайбуцинъ сказала мальчику: «мы тебя скроемъ; много ли, мало ли, будутъ бить меня, но будутъ Ойраты бить меня; я взята ребенкомъ и не знаю ни родителей, ни сосѣдей своихъ.» Потомъ она оставила его у Ойрата Шаджу-Баяна, который и призрѣлъ его, говоря: «хотя онъ и не знаетъ своихъ родителей, но все таки наша-же ойратская кровь.» Между тѣмъ Харакчинъ-Тайбуцинъ сказала мужу своему: «отправимся въ Монголію, и возмемъ съ собою ребенка нашего нояна». Сангулдари не соглашался по дальности. «Ну если не хочешь ты, я сама отправлюсь», сказала она, и послала своего старшаго сына Махашири за ребенкомъ, котораго онъ укралъ и отвезъ къ нояну Болотъ-Унгу, брату его. Ноянъ Болотъ-Унгъ сказалъ: «въ отсутствіе моего старшаго брата я незаконно управлялъ народомъ, но ты, какъ старшій законный братъ, владѣй», и отдалъ ему во владѣніе черное знамя

Тогонъ-тайши, принявъ управленіе надъ Монголами, возгордился и поѣхалъ въ Найманъ-Цаганъ-гэръ, чтобы, поклонившись имъ, возсѣсть на ханскомъ престолѣ. Будучи пьянъ, Тогонъ-тайши произнесъ кичливыя слова противъ Эдзэна (Чингисъ-хана): «если ты—Содо-богдо, то я—сынъ царицы Судай», и съ крикомъ бросился онъ на обелискъ и ударилъ по немъ. Но когда хотѣлъ онъ поворотить свою лошадь, то вдругъ полилась кровь у него изо рта и носа, и онъ пошатнулся, ухватившись за гриву лошади. Народъ, увидавъ свѣжую кровь, струящуюся по оперенной орлиными перьями стрѣлѣ, находящейся въ одной перегородкѣ Эдзэнова колчана, спросилъ: «что это значитъ?» Тогонъ-тайши отвѣчалъ: «святой мужъ (Чингисъ) показалъ мнѣ свое мужество (величіе); я, Тогонъ, сынъ женщины Судай, погибъ; да очистится моя заноза!» (т. е. искуплю преступленіе смертію своею). Потомъ, обратясь къ своему сыну, прибавилъ: «твой мон-

гольскій Мункэ живъ, убей его,» и съ этими словами умеръ. Тотъ убилъ Мункэ монгольскаго. Вотъ какъ владычество Монголовъ перешло къ Ойратамъ.

Послѣ этого Эсэнъ-тайджи возсѣлъ на престолѣ. Взявъ Монголовъ и Ойратовъ, онъ отправился противъ 30,000 усунскихъ Дзурчитовъ, которыхъ и побѣдилъ. Эсэнъ, видя, что одинъ городъ дзурчитскій построенъ на горѣ, подобной груди лошади, не приказалъ брать его; но жителей другаго города умертвилъ всѣхъ до одного, не разбирая возраста, и побросалъ трупы ихъ въ озеро, вода котораго превратилась въ кровь, отъ чего это озеро и получило названіе Улаганъ-нагуръ (красное озеро). — Во время этого похода къ Дзурчитамъ дзунціебутскій Эсэнъ-Сами видѣлъ во снѣ, будто бы онъ поймалъ царя Таймига, о чемъ и доложилъ Эсэнъ-тайджію, который сказалъ: «желаю тебѣ поймать его, и если поймаешь, то его отдамъ тебѣ.» Когда Эсэнъ-тайджи, по покореніи, возвращался домой, китайскій Джиптэй-ханъ, отправлявшійся съ войсками въ Монголію, встрѣтился съ нимъ. Китайцы окопались рвами и не допускали (Эсэна). Эсэнъ-тайджи прикинулся отступающимъ, разставивъ караульныхъ, и Китайцы вышли изъ окоповъ. Эсэнъ-тайджи напалъ на нихъ и разбилъ; триста Китайцевъ остались на мѣстѣ неподвижными; ихъ всѣхъ перерубили, но одного схватили живымъ и спросили его: «отъ чего они не шевелились?» Онъ отвѣчалъ: «мы чиновники Таймингъ-хана; какъ-же можно шевелиться, оставивъ хана?» — «А гдѣ твой ханъ?» — Онъ указалъ на хана, зарытаго въ землю. Освободивъ хана, начали его рубить (мечами) но никакъ не могли ранить, и только мечи ихъ въ дребезги изломались; потомъ бросили его въ воду, но онъ держался на поверхности ея. Не могши убить, отдали его Эсэнъ-Сами, по признаку его сна. Эсэнъ-тайджи, на обратномъ пути, объявилъ всѣмъ войскамъ, чтобы никто не смѣлъ

открывать, что поймань Тэймэнгъ-Джинтэй-ханъ, подъ опасеніемъ лишенія жизни. Возвратясь домой, Эсэнъ-тайджи сказалъ своей матери: «мы безъ добычи возвратились здоровыми».— «Зачѣмъ ты скрываешь отъ меня? я слышала, что поймань Тэймэнгъ-ханъ и взято много добычи», говорила мать. «Отъ кого ты слышала?» спросилъ Эсэнъ-тайджи. Мать отвѣчала: «слышала отъ Сурсы монгольскаго, сына Джуншіебуя». Обвинили Сурсана за то, что онъ открылъ тайну, и убили его, а трупъ его повѣсили на кривомъ деревѣ, перегнувъ такъ, чтобы руки и ноги висѣли внизъ.

Послѣ этого Алакъ-Тэмуръ-Джансангъ изъ западной Джунгаріи и Хатунъ-Тэмуръ изъ восточной (Джунгаріи) сказали Эсэну-тайджи, чтобы онъ принялъ титулъ хана, а званіе тайджи отдалъ имъ. Эсэнъ на это отвѣчалъ: «титулъ тайджи я отдалъ своему сыну», и не согласился. Они сказали ему: «храбростью Алакъ-Тэмура, рѣшительностью (силою воли) Хатунъ-Тэмура и хитростью Абдаръ-Сэцэна ты завладѣлъ правленіемъ Ойратовъ и Монголовъ и возсѣлъ на ханскій престолъ; развѣ собственною своею силою ты все это сдѣлалъ?» Потомъ, собравъ войско, напали они на Эсэна, который успѣлъ спастись бѣгствомъ; жены же его, дѣти, скотъ и сокровища достались имъ въ добычу. —Эсэнъ-тайджи, скитаясь пѣшкомъ, зашелъ однажды въ юрту жены Сурсана (котораго онъ убилъ) и пилъ кислое молоко. Когда онъ вошелъ, жена Сурсана замѣтила, что походка у этого человѣка, какъ у злаго Эсэна, который ходитъ, переваливаясь съ боку на бокъ. На это сынъ ея сказалъ: «какъ можно такому человѣку дойти до этого состоянія!» —«Впрочемъ, говорятъ, что Эсэнъ-тайджи въ разрывѣ со своими, потому очень немудрено, что это онъ; нужно хорошенько слѣдить за нимъ, какъ бы это (былъ) Эсэнъ», сказала мать. Когда къ ней снова пришелъ Эсэнъ, его узнали и схватили, и Богонъ, сынъ Сур-

сана, убилъ его. Богонъ былъ старшій изъ девяти братьевъ (сыновей Сурсана).

Во время пребыванія въ услуженіи у дзуншіебутскаго Эсэнъ-Сами, Джинтэй-хана переименовали въ Мохоръ Суса и женили его на женщинѣ Моло-Джахату. Въ это время въ народѣ не было ни падежа скота, ни голода; но съ появленіемъ Джинтэй-хана явились моръ и голодъ, а хозяинъ его не приписывалъ этой перемѣны его прибытію. Изъ тѣла Джинтэй-хана, когда онъ спалъ, выходили лучи. Онъ написалъ письмо, которымъ увѣдомлялъ, что онъ здѣсь, и спрятавши его въ овчинную шерсть, отправилъ Китайцамъ, которые, прочитавъ его, отправили къ Ойратамъ письмо такого содержанія: «нашего хана вы держите для домашней прислуги; это не годится; возвратите его намъ». Шесть тысячъ улгэтскихъ учіэтовъ препроводили Джинтэй-хана, за что получили дайду; за услуги Джонло-хану, они получили 300 дайду, а за услугу, оказанную Джинтэй-хану, получили 300 дайду; такимъ образомъ составилось 600 дайду улгэтскихъ учіэтовъ. Нѣкоторые говорятъ, когда Монголы провожали Джинтэй-хана, то 300 дайду отложились; а какъ Монголы въ это время жили въ несогласіи, то и не могли возвратить ихъ.

Пользуясь этимъ случаемъ, 6000 улгэтскихъ учіэтовъ погнались за ними и завладѣли 300 дайду. Говорятъ, что Монголы оставили у себя сына Джинтэй-хана, рожденнаго отъ жены Моло-Джахату, на которой онъ женился въ Монголіи; отъ его потомства (т. е. сына ея) произошелъ асутскій Тальби-Табунангъ [87].

Послѣ этого вступилъ на престолъ Махагурки-ханъ, который умеръ въ годъ курицы, не оставивъ дѣтей.

---

[87] Монголы табунанами называютъ императорскихъ и княжескихъ зятьевъ; Маньчжуры называютъ ихъ Эфу. Еще въ Карцинѣ и Тумотѣ табунанами называютъ Тайджіевъ. См. Записки о Монголіи, О. Іакинѳа. Томъ II, стр. 204.

Цэбдэнъ убилъ Тайсунгъ-хана, а сына его, Молона-тайджи, оставилъ, потому что онъ былъ ему внукъ (джигэ). Потомъ Цэбдэнъ отправилъ Молона-хана на границу великаго народа съ кэнжигутскимъ Тагатуръ-Тайбуемъ и хорлотскимъ Хобчиръ-Мулатаемъ, которые и представили его Мулихай-Унгу: Когда унигутскіе вельможи доложили Мулихай-Унгу, что правленіе великаго народа замедлилось [88] и чтобы онъ возсѣлъ на престолъ, то Мулихай-Унгъ отвѣчалъ: «развѣ нѣтъ никого изъ потомковъ хана (т. е. Чингиса)? мое тѣло не годится для потомства» (т. е. неприлично мнѣ вступить на престолъ), и не согласился. Посадивъ хана на свою лошадь куйсуту-гуа и укрѣпивъ на шапкѣ его золотой шарикъ [89], Мулихай-Унгъ возвелъ на престолъ семилѣтняго Молона, въ годъ курицы. Прежде бывшіе въ милости, Мункэ Хата и Буха, желая поссорить (Мулихая съ ханомъ), ложно донесли, что будто Мулихай-Унгъ, подозрѣвая хана въ связи съ своею женою Самади, злоумышляетъ противъ него, а потому-де мы заранѣе отправимся съ войскомъ противъ него (Мулихая), и они отправились съ войскомъ. Одинъ воинъ хана извѣстилъ объ этомъ Мулихай-Унга ойратскаго. Мулихай не повѣрилъ ему; но когда замѣтилъ пыль отъ войска, то собралъ свое войско и, сдѣлавъ возліяніе тэнгріямъ [90], произнесъ: «горніе отцы-тэнгріи! будьте свидѣтелями. Чингисъ-хаганъ! да будетъ тебѣ извѣстенъ поступокъ его (Молонъ-хана). Я твоимъ потомкамъ сдѣлалъ добро, но они замышляютъ зло противъ меня.» Съ 300 воиновъ самъ Мулихай-Унгъ спрятался, а младшаго брата своего Монголъ-Дзар-

---

[88] Т. е. престолъ никѣмъ не занятъ.

[89] Шарикъ означаетъ степень званія.

[90] ᠰᠠᠴᠤᠯᠢ ᠰᠠᠴᠤᠬᠤ *Сацули сацуху*, родъ жертвоприношенія.

гучіа съ прочими тремя братьями отправилъ противъ Молонъ-хана, котораго они и поймали въ бою. Молонъ-ханъ умеръ отъ руки Мулихай-Унга, въ годъ собаки. Въ этомъ сраженіи былъ захваченъ живымъ Баянъ-Урмэгэри, сынъ Бурбака, котораго вельможи хотѣли убить; но Мулихай-Унгъ не согласился и сказалъ: «онъ былъ хорошимъ предводителемъ передовыхъ войскъ Молонъ-хана, развѣ не можетъ быть предводителемъ такого-же войска у насъ?» Когда выпустили его, онъ очертилъ ножемъ, имѣющимъ рукоятку изъ желтаго рога, круги около трупа хана, и похоронилъ его [91]. Жена Молонъ-хана, Мунгултэй плакала о мужѣ своемъ, причитывая: «о, Мункэ-Хата и Буха! вы меня разлучили съ моимъ ханомъ, повелителемъ своего народа; вы разрушили дорогое великое правленіе мое; вы меня разъединили съ моимъ ханомъ, владыкою всего народа; вы уничтожили мое правленіе, уже основанное (на прочной основѣ).» У Молонъ-хана не осталось дѣтей. Когда у Молонъ-хана и Абкарчинъ-Джинона, было отнято правленіе Ойратами и Цэбдэномъ, младшій братъ Мандухули, отъ второй его матери, кочевалъ въ это время на мѣстѣ, называемомъ Исудунъ-Зогонъ и тѣмъ спасся (онъ отъ Цэбдэна). Послѣ Молонъ-хана возведенъ былъ на ханскій престолъ этотъ Мандухули-ханъ на мѣстѣ, называемомъ Хасарантай-Зонъ, въ годъ овцы. У него было двѣ жены, Мантухаи и Екэ-Хабарту-Дзунгэнъ. Отцомъ первой былъ тумутскій Тэмуръ-Джинсонъ изъ рода Ингигутъ, отцомъ второй ойратскій тайша-Бэгэрсунъ. Го-

---

[91] Монголы имѣли обыкновеніе очерчивать кругъ около трупа, когда его оставляли на поверхности земли, въ увѣренности, что они предохраняютъ этимъ покойника отъ вліянія того духа, который владѣетъ этимъ мѣстомъ. Нынѣшніе же Монголы обкладываютъ трупъ четырьмя фигурами, сдѣланными изъ разныхъ матеріяловъ, и называемыми дурбэнъ-куцутэнъ, т. е. дракона, барса, черепахи и птицы. Хотя это совершается по обряду буддизма, но вѣроятно заимствовано отъ Монголовъ-шамановъ.

ворятъ, что ханъ не раздѣлялъ супружескаго ложа съ Екэ-Хабарту-Дзунгэнъ по причинѣ болѣзни своей. Мандухули скончался въ годъ свиньи; онъ похороненъ на мѣстѣ, называемомъ Магу-Ундуръ.

Въ то время, когда Ойратами была похищена власть надъ Монголами, сынъ хорчинскаго Шигустэй-Багатура, ноянъ Болотъ-Унгъ откочевалъ на Ононъ. Узнавъ о смерти Молонъ-хана, онъ сѣлъ на свою прекрасную соловую лошадь и отправился съ войскомъ отмстить Мулихай-Унгу за смерть его. Мулихай-Унгъ, извѣстясь объ этомъ, обратился въ бѣгство. «Нашимъ предкомъ былъ Исукэй-багатуръ», говорилъ ноянъ Болотъ, «и нашей прабабкой Угулэнъ-Экэ; отъ нихъ произошли Тэмучинъ, Хасаръ, Хадзуху, Учукэнъ—всѣ мы изъ одной утробы. Отъ другой прабабки Сучукэнъ произошли Бэктэръ и Бэлгэтэй; Богдо-Эдзэнъ съ предкомъ нашимъ Хасаромъ вмѣстѣ убили Бэктэра; въ отмщеніе за это теперь убили Молонъ-хана. Хотя у нашего хана не осталось наслѣдниковъ, но развѣ я не потомокъ Хасара? Я отправлюсь за нимъ (Мулихай-Унгомъ).» Сказавъ это, ноянъ Болотъ отправился съ мѣста Олхойнъ-Кири, и нагналъ Мулихай-Унга, убилъ братьевъ его и дѣтей, всѣхъ семерыхъ, и возвратилъ стальной шлемъ съ прорѣзными золотыми украшеніями, потерянный со смертію Молонъ-хана. Такъ какъ на этомъ мѣстѣ были отрублены головы семерымъ, начиная съ Дзаргучія, то это мѣсто получило названіе Дологодунъ-Тологой (головы семерыхъ). — Мулихай-Унгъ, сѣвши на свѣтлокоурую лошадь и, привязавъ на торокахъ свой яргакъ изъ шкуры хубилай-тарбагана, убѣжалъ въ Хункуй-Дзабуганъ, гдѣ поставилъ шалашъ изъ золотарника (кустарника) и питался овчиной. Въ такомъ жалкомъ положеніи здѣсь онъ умеръ. Вотъ какимъ образомъ потомокъ Хасара принесъ пользу потомкамъ хана (Чингиса)!

Послѣ этого жена Кагурцакъ-тайджія, отнятая Ойратами, родила. Эсэнъ-тайджи сказалъ Абу-Бурки-тайдуну: «если родилась дочь, вычеши голову (не убивай); если родился мальчикъ, вычеши ему внутренность (убей).» Бэгэдзи, узнавъ о прибытіи посла, прижала къ заду дѣтородный удъ этого мальчика и заставила его мочиться, какъ дѣвочку. Посланный видѣлъ это, и доложилъ Эсэну-тайджи, что новорожденный — дѣвочка. Послѣ ухода посла Бэгэдзи спрятала своего ребенка, а вмѣсто него положила въ люльку дѣвочку кормилицы изъ цахарскаго поколѣнія, Холботова рода, бывшей въ это время у нея служанкой, и такимъ образомъ обманула пословъ. Прежній посланный еще разъ приходилъ, снималъ люльку, разсматривалъ ребенка и, убѣдившись, что ребенокъ дѣвочка, доложилъ объ этомъ Эсэну. — Угэтэй-багатуръ ойратскій, будучи недоволенъ своимъ нояномъ (Эсэномъ), однажды сказалъ: «я тринадцать разъ былъ главнокомандующимъ войсками, но не видалъ никакой милости, хотя и оказалъ столько заслугъ.» Другъ его Эліэ-Нагуца на это сказалъ ему: «если ты желаешь быть въ уваженіи, препроводи въ Монголію новорожденнаго сына Бэгэдзи, жены Кагурцакъ-тайджія; ты будешь кистью [91] 60,000 Монголовъ. Татарскій Токи-багатуръ, за которымъ была сестра Угэтэй-багатура, укралъ ребенка и представилъ Угэтэю. Угэтэй-Тайбу, сынъ ойратскаго Ой-модона, хонгирутскій Цслай-Тайбу, хорчинскій Болой-тайши и сартагульскій Баянтай-Халгаху — всѣ четверо отправились съ этимъ ребенкомъ въ Монголію, о чемъ ойратскіе погонщики доложили Эсэнъ-тайджію. Эсэнъ-тайджи сошелъ съ своей прекрасной гнѣдой лошади — аба-бурки, и отдалъ ее Эліэ-Нагуцу, которому ойратскіе нояны, бывшіе при этомъ, сказали: «если

---

[91] Т. е. будешь въ уваженіи.

приведешь этого ребенка, получишь начальство надъ табуномъ и нѣсколькими юртами сосѣдей.» Когда Эліэ-Нагуца догналъ ихъ, они разбѣжались и оставили ребенка. Эліэ-Нагуца концомъ своего лука зацѣпилъ за ремень люльки и, догнавъ разбѣжавшихся, отдалъ имъ ребенка и сказалъ: «зачѣмъ вы разбѣжались и оставили ребенка?» Началась перестрѣлка, но Нагуца не собиралъ своихъ стрѣлъ; наконецъ прибыли и отставшіе его товарищи, которымъ Нагуца сказалъ: «я, увидавъ, что всѣ мои стрѣлы были выпущены, и убѣдившись въ невозможности биться съ ними, отсталъ.» Когда это онъ говорилъ, то четверо провожатыхъ взяли ребенка и понесли къ урянхайскому Хутухту-Шигустэю, который и воспиталъ его. Когда Болхо-Джинангъ пришелъ въ возрастъ, Хутухту-Шигустэй отдалъ за него дочь свою — Шигуши-Шихэръ. Послѣ того Баянъ Мунху-Болхо-Джинангъ возведенъ на ханскій престолъ въ годъ свиньи.

Вотъ еще добавочная статья. Мандухули-ханъ и Болхо-Джинангъ-ханъ имѣли въ виду овладѣть Джургуа-туменемъ. Хонголи между тѣмъ пострекалъ Мандухули-хана, говоря ему: «твой братъ, Болхо-Джинангъ, имѣетъ намѣреніе похитить у тебя царицу Екэ-Хабарту-Дзунгэнъ.» Мандухули-ханъ не повѣрилъ его словамъ, и чтобы удостовѣриться въ сказанномъ Хонголіемъ, отправилъ къ брату своему Болхо-Джинангу пословъ.» Этотъ-же самый Хонголи опять повторилъ то же хану, а Болхо-Джинанга между тѣмъ извѣстилъ о слѣдующемъ: «противъ тебя злоумышляетъ братъ твой; боясь, чтобы ты не сравнился съ нимъ во власти; если теперь не повѣришь мнѣ, то повѣришь тогда, когда твой братъ пришлетъ къ тебѣ пословъ». Мандухули-ханъ послалъ къ своему брату двухъ пословъ, чтобъ объясниться съ нимъ. Джинангъ, увидавъ ихъ, увѣрился въ словахъ Хонголи и сказалъ про себя: «да, онъ дѣйствительно замышляетъ зло», а потому и не

далъ отвѣта посламъ. Послы возвратились и доложили хану, что братъ его Джинангъ не сказалъ имъ ни одного хорошаго слова. Ханъ подумалъ: видно, онъ замышляетъ противъ меня зло, и сказалъ: «я человѣкъ нездоровый и не имѣю дѣтей; по смерти моей всѣ царицы, жены мои, своихъ и весь народъ достанутся ему». Разсердившись на Джинанга, что онъ рано помышляетъ (о царствѣ), онъ собралъ войско и хотѣлъ напасть на него въ расплохъ. Но Джинангъ узналъ объ этомъ и убѣжалъ къ сестрѣ своей—Богурулъ-Гунджи, которая, желая узнать о намѣреніяхъ Бэгэрсунъ-тайшія, нарочно послала двухъ сыновей своихъ, Нэмэгуцэка и Бакбая, спросить его: «если явится одинъ изъ нихъ (Мандухули или Джинангъ), то приметъ ли онъ?» —«Если явится кто-нибудь изъ нихъ, то я съѣмъ ихъ мясо и выпью кровь», отвѣчалъ Бэгэрсунъ, и взъерошивъ свои волосы и растопыривъ ноздри, сѣлъ на корточки. Бэхэрсунъ-тайши ушелъ на охоту, Нэмэгуцэкъ и Бакбай, неотправившіеся съ нимъ, выпустили Джинанга. Бэгэрэсунъ-тайджи узналъ объ этомъ на охотѣ и прислалъ человѣка спросить у Гунджи, гдѣ его соловая лошадь въ путахъ. Гунджи отвѣчала: «конечно, она убѣжала въ свою землю; развѣ есть враги между твоими близкими родственниками, развѣ есть непріятели между твоими друзьями?» [92]

Когда Бэгэрсунъ прибылъ съ охоты, Гунджи призвала своихъ двухъ сыновей и сказала имъ: «я умру ранѣе, а потому и не увижу, но люди увидятъ, что потомки ваши будутъ въ оковахъ» (т. е. отецъ вашъ безчеловѣченъ).

Когда Болхо-Джинангъ жилъ въ землѣ Судай, то Даянъ-ханъ отданъ былъ для воспитанія Хутагану отъ Шихэръ-Тайху, потомъ балакчинскому Бахайю. Въ послѣдствіи напалъ ойратскій Исмаилъ-тайджи на Джинанга и отнялъ у него

[92] Т. е., я не хочу быть злодѣйкою для своихъ родственниковъ или друзей.

Шухэръ-Тайху и женился на ней. Болго-Джинангъ убѣжалъ въ землю Борбоганскую вмѣстѣ съ Болотаемъ. Прибывъ къ народу, живущему на границѣ дзуншіебутской, онъ отправилъ Болотая освѣдомиться, а самъ остался въ степи. Къ Джинангу пришла сестра его Болотай и не допускала его (къ народу); но онъ, будучи мучимъ жаждою, не могъ вытерпѣть и пошелъ въ кочевье, гдѣ утолилъ жажду кислымъ молокомъ. Одна взрослая дѣвица изъ-дали замѣтила его бѣлую лошадь, подбитый бѣличьимъ мѣхомъ кафтанъ изъ матеріи макнука (шелковая матерія съ фигурами драконовъ), золотой поясъ — и все. Когда Джинангъ уже отправился, эта дѣвица пошла къ толпѣ народа, собравшагося у одной рѣчки, и сказала имъ: «вотъ ѣдетъ какой богатый завидный человѣкъ!» Пять человѣкъ изъ поколѣнія Дзуншіебутовъ: Кэрэйэ, Цаганъ, Тэмуръ, Мункэ и Хара-Банди, нагнали Джинанга и спросили, что онъ за человѣкъ? Тотъ отвѣчалъ, что путешественникъ. Они потребовали у него золотой поясъ, но онъ не отдалъ. Эти жестокосердые Дзуншіебуты схватили лошадь его за поводъ и убили Джинанга. Баянъ-Мунху-Джинангъ скончался въ годъ барса. Вотъ одно изъ преступленій Дзуншіебутовъ.

Когда Магухай воспитывалъ Даянъ-хагана, пришелъ къ нему Тэмуръ-Хатакъ, сынъ Тулэгэри, изъ рода Тангутовъ, съ слѣдующими словами: «отдай этого ребенка хорошему человѣку или мнѣ»; но онъ не послушался. За тѣмъ Тэмуръ-Хатакъ сѣлъ на свою прекрасную рыжую лошадь, и отправился въ-семеромъ съ своими братьями, и отняли они ребенка. Даянъ-хаганъ былъ одержимъ битиги (завалъ), отъ котораго жена Хатакъ-Тэмура вылечила его молокомъ бѣлаго верблюда [94] и

---

[94] Молоко бѣлаго верблюда, по понятію Монголовъ, есть цѣлительное средство.

составомъ изъ девяти *домъ*[95], которыя втирались тремя серебряными чашками такъ, что онѣ протерлись до дыръ. Отъ этого леченія выпало у него семь кусковъ болѣзней въ видѣ водянаго растенія; тѣмъ онъ и вылечился. Это была одна изъ его мучительныхъ (болѣзней).

Послѣ этого тангутскій Тэмуръ-Хатакъ представилъ Даянъ-хагана царицѣ Сапнъ-хатунъ. Мантухай-Сапнъ-хатунъ, въ отмщеніе за прежнихъ царей, отправила войска, состоящія изъ конницы и воиновъ на быкахъ, противъ (Ойратовъ). Сама-же, по прошествіи трехъ дней послѣ этого отправленія, надѣвъ на волосы *шибэргэлъ*[96], собрала свой народъ, уже разбросанный, и взявъ Сапнъ-Даянгъ-хагана, положеннаго въ ящикъ, предводительствуя конницею, выступила при путеводительствѣ кэшиктэнскаго Олайдуна и напала на Ойра-

---

[95] *Домъ*, — волшебное лекарство, колдовская хитрость, симпатическое средство. Въ народѣ употребляется оно въ слѣдующемъ видѣ: съ появленіемъ первой звѣзды собираются разныя съѣдомыя вещи съ девяти разныхъ мѣстъ однимъ человѣкомъ, который не долженъ слѣзать съ лошади и заходить въ кибитку. Эти собранныя вещи даются больному преимущественно отъ завала и ушиба, и повторяются девять разъ, не больше ни меньше этого, потому что самый составъ состоитъ изъ девяти веществъ. Отъ укушенія же собакой лечатъ такъ: какая-нибудь старуха надѣваетъ наперстокъ на указательный палецъ и обводитъ имъ около раны, приговаривая слова, извѣстныя только ей одной. Это тоже *домъ*.

[96] *Шабаръ* «глина, земля»; *шибэръ* «чаща, лѣсокъ, потъ на ногахъ и рукахъ»; ни то, ни другое значеніе не подходитъ здѣсь къ смыслу. Я читаю *шибергалъ*, что̀ значитъ «чахолъ, надѣваемый женщинами на косы». Послѣдній слогъ, *галъ*, вѣроятно пропущенъ переписчикомъ. За *шибэръ* непосредственно стоитъ *сагадаклаху* «опоясаться колчаномъ, вооружиться» (Монголы носятъ колчанъ не за спиной, но при правомъ бедрѣ, а лукъ при лѣвомъ). Поэтому я и перевелъ здѣсь не «царица вооружилась», а «надѣла чахлы на свои косы», потому что въ то время, какъ и нынѣ, хотя не вездѣ, вдовы расплетаютъ свои волосы и не убираютъ ихъ до замужества: это своего рода трауръ. Такъ какъ царица намѣревалась въ это время, какъ видно изъ послѣдующаго, выйдти за мужъ за Даянгъ-хагана, то она сочла приличнымъ надѣть на косы чахлы, или снять трауръ, и тѣмъ болѣе для того чтобы осчастливить предстоящее свое предпріятіе. См. 180 стр. Сананъ-Сэцэна.

товъ. Во время этой стычки съ нея спала шапка и ремешкомъ зацѣпилась къ шеѣ. Одинъ изъ Ойратовъ замѣтивъ, что на ней нѣтъ шапки, спросилъ: «гдѣ она?», и съ этими словами отдалъ ей свою. Царица съ досадой приняла ее отъ него и, (пришпоривъ лошадь) напала на Тумэнь-Ойратовъ (40,000) на мѣстечкѣ, называемомъ Тасбурту, и на голову разбивъ ихъ на мѣстѣ Тэгэдунэ, получила много добычи. Такимъ образомъ покорила 6 тысячъ Ойратовъ.

Послѣ этого ноянъ Булатъ харчинскій предложилъ царицѣ, что онъ сбережетъ *унхали*[97] и покажетъ кочевье. На это Саинъ-хатунъ отвѣчала: «мы (всякій) можемъ ли наслѣдовать имѣніе хана и Хасара, потомокъ котораго ты? Я не выйду за тебя замужъ, когда есть потомокъ отъ хана, у котораго дверь нельзя поднять, порогъ перешагнуть[98]». Она спросила объ этомъ у Садай-Догуланга, и онъ одобрилъ ее. Объ этомъ же она спрашивала Джя-хана-Аха-Менду урлутскаго, который отвѣчалъ, что еслибъ она вышла за потомка Хасара, то проторила бы себѣ черную дорогу (несчастіе) и лишилась бы всего народа, потеряла бы имя царицы; но если выйдетъ за царскаго потомка, то будетъ охраняема Ханъ-Тэнгріэмъ, будетъ управлять народомъ и прославитъ имя царицы; если же выйдетъ за человѣка, имѣющаго творогъ[99], то проложитъ бѣлую дорогу (счастіе), сдѣлается повелитель-

---

[97] *Унхали* вѣроятно онгонъ, что̀ значитъ геній-хранитель, курганъ, царское кладбище, вещи приносимыя въ жертвоприношеніе усопшимъ. Предложеніе ноякъ-Булата значитъ, что онъ будетъ хозяиномъ дома и какъ глава семейства первый долженъ начать жертвоприношеніе. Выраженіе: «онъ сбережетъ унхали и покажетъ кочевье» означаетъ, что онъ предлагаетъ ей свою руку.

[98] Дверь и порогъ у царя считались священными; переступить черезъ порогъ и поднять дверь значило удостоиться благосклоннаго царскаго пріема. Этимъ сравниваютъ происхожденіе царское съ происхожденіемъ не-царскимъ.

[99] Богатство, слава, вообще человѣкъ хорошаго происхожденія.

ницею Цахаровъ и Тумэневъ и пріобрѣтетъ неизмѣримую славу. Санкъ-хатунъ сказала: «слова Аха справедливы, а Садай-Догуланга несправедливы», и вылила на голову его горячій чай. Затѣмъ она произнесла: «потомки хана малолѣтны; у народа нѣтъ главы; я вдова, потомокъ-же Хасара взрослый», и съ этими словами обула Даянгъ-хагана въ трех-подошвенные сапоги и, наливъ вина въ пеструю фляжку, принадлежащую алакчигутскому Мунку, при возліяніи его (Тэнгріямъ) придворнымъ вельможею Мангинъ-Ирагу, такъ произносила: «я приношу тебѣ (Тэнгрію) жертву на разстояніи [100], на которомъ нельзя различить масти гнѣдаго коня; хотѣли выдать меня замужъ за потомка Хасара, говоря, что потомокъ хана малолѣтенъ, но я пришла къ твоей яшмовой ордѣ (дворцу); приношу тебѣ жертву на разстояніи, на которомъ нельзя различить масти пѣгой лошади; хотѣли выдать меня замужъ за дальняго родственника, говоря, что потомокъ твой малолѣтенъ, но я пришла къ твоему золотому дворцу, не взирая на свою жизнь (безбоязненно, безъ страха), говоря, что твоя широкая дверь легка, твой высокой порогъ узокъ; если выйду за Ноянъ-Булата-Уна, удержи меня своими длинными арканами, имѣющими широкія петли; если Ноянъ-Булатъ-Унъ возьметъ меня за себя, говоря съ пренебреженіемъ о малолѣтствѣ твоего потомка, и его удержи своими арканами. Являлись (бывали) могущественные ханы мальчиками; послѣ смерти (наслѣдника) твоего если я выйду замужъ безъ твоего позволенія, да разлучусь съ моимъ ханомъ, отцомъ. Прежніе святые владыки были и мальчиками; послѣ смерти

---

[100] Слова: «приношу жертву на разстояніи, на которомъ нельзя различить масти гнѣдой лошади отъ пѣгой» означаютъ величество Тэнгріевъ относительно ея ничтожества въ сравненіи съ ними. Вообще Монголы любятъ употреблять это метафорическое выраженіе при жертвоприношеніяхъ духамъ своихъ предковъ и Тэнгріевъ. По понятію ихъ, они обитаютъ въ необозримыхъ областяхъ надъ міромъ.

сына твоего если выйду замужъ по своей волѣ, да буду наказываема царицею Иши» [101]. Потомъ она обращается къ царицѣ Иши: «ты, мать-царица Иши-хатунъ, если одобришь мои слова, то соблаговоли мнѣ родить семь сыновей, которыхъ бы я воспитывала въ нижнихъ полахъ (любимыхъ, близкихъ), соблаговоли мнѣ родить одну дѣвочку, которую бы воспитывала въ наружныхъ полахъ [102]; если соблаговолишь мнѣ родить семерыхъ, то я дамъ всѣмъ имъ имя Булатъ». Ноанъ-Булатъ-Унъ, услышавъ эти слова царицы, отказался отъ прежняго своего намѣренія.

Даянгъ-хаганъ, будучи семи лѣтъ, упалъ въ рѣку Хулугоръ, и былъ спасенъ Тэмуромъ аинскимъ, изъ поколѣнія тонгутскаго.

Послѣ этого Бату-Мункэ-Даянгъ-хаганъ, семи лѣтъ, соединенъ узами брака съ Мантухай-Сапнъ-хатунъ, въ годъ свиньи, и въ томъ же году возсѣлъ на престолъ. Мантухай-хатунъ, по изъявленному ею прежде желанію, родила семь мальчиковъ и одну дѣвочку. Туру-Болотъ и Олосъ-Болотъ были близнецы, Арсу-Болотъ и Барсу-Болотъ тоже близнецы; затѣмъ Сапнъ-хатунъ, на девятомъ мѣсяцѣ своей беременности Очиръ-Болотомъ и Алджу-Болотомъ, напала на Ойратовъ. Въ этой стычкѣ Сапнъ-хатунъ упала съ лошади, которую Саянъ-Сайханъ барагутскій заслонилъ (отъ непріятеля) своимъ прекрасно-сильно-тучнымъ, свѣтло-соловымъ конемъ, а балакчинскій Баянъ-Бухэ и насутскій Бату-Булатъ-Бухэ посадили ее на лошадь и обратились въ бѣгство. По прошествіи мѣсяца она родила Очиръ-Болота и Алджу-Болота вмѣстѣ. Послѣ нихъ, въ слѣдующемъ году, родился Алъ-Бугура. Каждому изъ этихъ семерыхъ дано было имя Булатъ. Говорятъ, отъ царицы Са-

---

101 Старшая жена хана; но здѣсь означаетъ прабабушку хановъ.

102 Это означаетъ, что дочь, по выходѣ замужъ, несчитается уже такою родною, какъ сынъ.

ницею Цахаровъ и Тумэневъ и пріобрѣтетъ неизмѣримую славу. Сайнъ-хатунъ сказала: «слова Аха справедливы, а Садай-Догуланга несправедливы», и вылила на голову его горячій чай. Затѣмъ она произнесла: «потомки хана малолѣтны; у народа нѣтъ главы; я вдова, потомокъ-же Хасара взрослый», и съ этими словами обула Даянгъ-хагана въ трех-подошвенные сапоги и, наливъ вина въ пеструю фляжку, принадлежащую алакчигутскому Мунку, при возліяніи его (Тэнгріямъ) придворнымъ вельможею Мангинъ-Прагу, такъ произносила: «я приношу тебѣ (Тэнгрію) жертву на разстояніи[100], на которомъ нельзя различить масти гнѣдаго коня; хотѣли выдать меня замужъ за потомка Хасара, говоря, что потомокъ хана малолѣтенъ, но я пришла къ твоей яшмовой ордѣ (дворцу); приношу тебѣ жертву на разстояніи, на которомъ нельзя различить масти пѣгой лошади; хотѣли выдать меня замужъ за дальняго родственника, говоря, что потомокъ твой малолѣтенъ, но я пришла къ твоему золотому дворцу, не взирая на свою жизнь (безбоязненно, безъ страха), говоря, что твоя широкая дверь легка, твой высокой порогъ узокъ; если выйду за Ноянъ-Булата-Уна, удержи меня своими длинными арканами, имѣющими широкія петли; если Ноянъ-Булатъ-Унъ возьметъ меня за себя, говоря съ пренебреженіемъ о малолѣтствѣ твоего потомка, и его удержи своими арканами. Являлись (бывали) могущественные ханы мальчиками; послѣ смерти (наслѣдника) твоего если я выйду замужъ безъ твоего позволенія, да разлучусь съ моимъ ханомъ, отцомъ. Прежніе святые владыки были и мальчиками; послѣ смерти

---

[100] Слова: «приношу жертву на разстояніи, на которомъ нельзя различить масти гнѣдой лошади отъ пѣгой» означаютъ величество Тэнгріевъ относительно ея ничтожества въ сравненіи съ ними. Вообще Монголы любятъ употреблять это метафорическое выраженіе при жертвоприношеніяхъ духамъ своихъ предковъ и Тэнгріевъ. По понятію ихъ, они обитаютъ въ необозримыхъ областяхъ надъ міромъ.

сына твоего если выйду замужъ по своей волѣ, да буду называема царицею Иши» [101]. Потомъ она обращается къ царицѣ Иши: «ты, мать-царица Иши-хатунъ, если одобришь мои слова, то соблаговоли мнѣ родить семь сыновей, которыхъ бы я воспитывала въ нижнихъ полахъ (любимыхъ, близкихъ), соблаговоли мнѣ родить одну дѣвочку, которую бы воспитывала въ наружныхъ полахъ [102]; если соблаговолишь мнѣ родить семерыхъ, то я дамъ всѣмъ имъ имя Булатъ». Ноянъ-Булатъ-Унъ, услышавъ эти слова царицы, отказался отъ прежняго своего намѣренія.

Даянгъ-хаганъ, будучи семи лѣтъ, упалъ въ рѣку Хулугоръ, и былъ спасенъ Тэмуромъ аинскимъ, изъ поколѣнія тонгутскаго.

Послѣ этого Бату-Мункэ-Даянгъ-хаганъ, семи лѣтъ, соединенъ узами брака съ Мантухай-Саинъ-хатунъ, въ годъ свиньи, и въ томъ же году возсѣлъ на престолъ. Мантухай-хатунъ, по изъявленному ею прежде желанію, родила семь мальчиковъ и одну дѣвочку. Туру-Болотъ и Олосъ-Болотъ были близнецы, Арсу-Болотъ и Барсу-Болотъ тоже близнецы; затѣмъ Саинъ-хатунъ, на девятомъ мѣсяцѣ своей беременности Очиръ-Болотомъ и Алджу-Болотомъ, напала на Ойратовъ. Въ этой стычкѣ Саинъ-хатунъ упала съ лошади, которую Саянъ-Сайханъ барагутскій заслонилъ (отъ непріятеля) своимъ прекрасно-сильно-тучнымъ, свѣтло-соловымъ конемъ, а балабчинскій Баянъ-Бухэ и насутскій Бату-Булатъ-Бухэ посадили ее на лошадь и обратились въ бѣгство. По прошествіи мѣсяца она родила Очиръ-Болота и Алджу-Болота вмѣстѣ. Послѣ нихъ, въ слѣдующемъ году, родился Алъ-Бугура. Каждому изъ этихъ семерыхъ дано было имя Булатъ. Говорятъ, отъ царицы Са-

---

[101] Старшая жена хана; но здѣсь означаетъ прабабушку хановъ.

[102] Это означаетъ, что дочь, по выходѣ замужъ, несчитается уже такою родною, какъ сынъ.

муръ, внучки Хотохто-Шигушія уріанхайскаго родились Кэрэсэндзэ и Хара-Болотъ, и еще отъ другой царицы, Гуши, родились Гэрэту и Чингъ: вотъ одиннадцать сыновей Даянгъ-хагана.

Послѣ этого онъ (Даянгъ-хаганъ) откочевалъ на югъ въ бѣлый домъ (гдѣ вѣроятно могила Чингиса). Караульный изъ поколѣнія Эрэгута, который былъ тутъ поставленъ, замѣтилъ приближеніе китайскаго войска, о чемъ доложили хагану. Въ слѣдствіе этого еще двое, Бодосъ и Кудунгъ эрэгутскіе, отправлены были для караула. Они замѣтили направленіе войска изъ Хухэ-хотона и съ поспѣшностью пришли къ хагану: одинъ изъ нихъ зашелъ съ сѣверной стороны ставки хана и разбудилъ, а другой привелъ хану свою лошадь, которая была подъ нимъ и на которую посадилъ хагана съ женой его, и обратились въ бѣгство въ степь, называемую Майна. Въ это же время невѣстка его (хана) успѣла удалиться въ верхнемъ платьѣ, подбитомъ бѣличьимъ мѣхомъ; она, говорятъ, дожила до ста лѣтъ. Въ послѣдствіи онъ (Даянгъ-хаганъ) кочевалъ по Хэрлуну. Однажды Даянгъ-хаганъ погнался съ своимъ войскомъ за Монголчинами и ночевалъ на рѣкѣ Тургэнэ у самаго ея брода. Монголчины, узнавъ объ этомъ, отправились съ войсками къ этой-же рѣкѣ, гдѣ встрѣтились съ нимъ, и монголчинскій Багатуръ Инкэрэкуй талэтскій изъ рода Монголчина напалъ на нихъ съ трубнымъ звукомъ съ запада и востока, отъ чего ханское войско обратилось въ бѣгство. Въ этомъ бѣгствѣ каурая лошадь Хунсуту, изъ табуна Бахарина, бывшая подъ ханомъ, завязла въ рѣкѣ Тургэнэ, и хаганъ не могъ подняться на ноги, потому что кончикъ его шлема воткнулся въ землю. Басутскій Цаганъ вскрикнулъ басутскому Цаганъ-Магуцарайю, что каурая лысая лошадь отстала и упала, и съ этими словами вмѣстѣ слѣзли съ лошадей своихъ, вытащили хагана за кон-

чикъ шлема и посадили его на лошадь. Басутскій Тогонъ[103] и Магуцарай, посадивши хагана на лошадь, уже оказали ему услугу въ черномъ (критическомъ) Хурлатскомъ дѣлѣ. Даянъ-хаганъ побѣдилъ Монголчиновъ. На обратномъ пути онъ сдѣлалъ привалъ на истокѣ рѣки Тургэнэ, гдѣ ждалъ послѣднее свое войско и варилъ мясо въ котлѣ отца Унынтэя хэшитэнскаго, который отнялъ отъ него свой котелъ и выбросилъ мясо, въ то самое время, когда оно начинало свариваться, и хаганъ взялъ котелъ у войска уже прибывшаго.

Послѣ этого онъ отправился противъ Исмаила; но впередъ отправлены были съ войсками слѣдующіе вельможи: Тогуджи-Шигуши хурлатскій, Эсэнъ Тугэлъ Цаганъ Ашанъ хучитскій, Багатуръ Цубонъ арлатскій, Муланъ мингунскій, Барчи Агалаху хэшиктэнскій, Лабукъ Сэгэцинъ, татарскій Торхонъ Хара, Шара Бадулатъ, кэмджигутскій Хори Баянго, хурлатскій Бабагай Урлукъ, тарацинскій Бакасукай, Ой-Хабтагай, барбукскій Мункэ Балбу Туцигинъ, Биби Укидэ эсэнтэмурскій, Шигусунъ, Мингату и саркакскій Асадай. Когда эти войска прибыли, женщина, по имени Алакъ, занимающаяся трубой дома[104], услышавъ конскій топотъ, сказала Исмаилу: «отъ чего земля колышется (конскій топотъ)?» Эта самая женщина отвязала прекрасную гнѣдую бѣлогрудую лошадь и привела ее къ Исмаилу, который и отправился на ней для разузнанія причины этого топота; но онъ встрѣтился съ хурлатскимъ Тогучи-Шигушіемъ, который, узнавъ, что это Исмаилъ, застрѣлилъ его. Тогучи-Шигуши взялъ

---

[103] Въ другомъ мѣстѣ этотъ же Тогонъ называется Цаганомъ.

[104] Отверстіе у юрты или кибитки, находящееся наверху для прохода дыма и свѣта. закрывается на ночь войлокомъ, а днемъ его откидываютъ. Это отверстіе съ войлокомъ вмѣстѣ называется *урхэ* (труба). Закрытіемъ, открытіемъ и чисткою его отъ копоти занимается преимущественно женщина, которую называютъ *Урхэ-сасакчэ*, что̀ значитъ въ буквальномъ переводѣ «поправляющая трубу».

къ себѣ Хуларaю, жену Исмаила, а панцырь его взялъ Багатуръ Мингату хучитскій. Они сказали Шихэръ-Тайху, чтобъ сѣла на лошадь, но та не слушала и плакала. Тогучи-Шигуши разсердился на это и упрекалъ ее такъ: «мужъ твой Джиповъ, сынъ твой Даянъ-хаганъ и народъ твой Цахаръ развѣ нехороши были; зачѣмъ плачешь ты о чужомъ человѣкѣ?» И, взявъ на крестообразные мечи, посадили ее на лошадь и увезли, и вмѣстѣ съ ней привезли еще ея сыновей Бобóдая и Бурхая.

При встрѣчѣ Даянъ-хагана съ его матерью Шихеръ-Тайху, Тогучи-Шигуши сказалъ ему: «я убилъ твоего ненавистнаго врага и закололъ твоего непримиримаго недруга». Шихэръ-Тайху скончалась на урочищѣ, называемомъ Шара-Морину-Сэрмэгэръ.

Бэгэрсэнъ-тайши онигутскій приготовлялъ кушанье для пира и налилъ себѣ бульону, покрытаго пузырями жира и, простуживая его, пилъ. Въ это время Сайнъ-Тулэгэнъ, сынъ Тупшина, изъ рода Монголчиновъ, будучи одержимъ жаждою, просилъ его налить ему этого буліона; но Бэгэрсэнъ налилъ ему не простуженнаго, а горячаго: тотъ, не зная, что буліонъ горячій, вдругъ хватилъ и ожегся. Тулэгэнъ подумалъ, если проглотить, то сердце загорится, если же выбросить—стыдно; такимъ образомъ, держа его во рту, понемногу вдыхая воздухъ, простудилъ, но все таки кожица нёба слезла. Тулэгэнъ сказалъ: «не забуду этого и буду мстить до конца жизни; когда-нибудь придетъ время (мщенія)».

Между-тѣмъ Даянъ-хаганъ, собравъ Цахаровъ и Тумэтовъ, отправился съ войскомъ противъ Бэгэрсэна. Между прочимъ посланъ былъ шпіономъ Занги-Тэмуръ-Агалаху монголчинскій, который пріѣхалъ къ Бэгэрсэну съ нарочно-прищуреннымъ глазомъ, и былъ спрошенъ Бэгэрсэномъ: «что съ тобой?» Тотъ отвѣчалъ: «несчастіе моему бѣдному тѣлу: жилъ въ

спокойствіи, нашелся таки врагъ, былъ здоровъ, сдѣлался таки нездоровъ». Бэгэрсэнъ-тайши поднесъ ему въ огромной серебряной чашкѣ вина; Занги-Тэмуръ выпилъ и сказалъ: «чуть ли не въ послѣдній разъ пью у васъ», и говоря это, положилъ чашку за пазуху себѣ и вышелъ. Послѣ его ухода Бэгэрсэнъ-тайши занялся гаданьемъ, потому что онъ не понялъ смысла словъ, сказанныхъ Занги-Тэмуромъ, которое выпало на кончикѣ рога чернаго быка. Въ слѣдствіе этого дурнаго предсказанія онъ собиралъ войска, и между тѣмъ, замѣтивъ пыль отъ конницы, спросилъ своего сына Нэмэгуцука: «что такое это?» Тотъ отвѣчалъ: «навѣрно это пыль отъ твоего табуна многочисленныхъ мериновъ.»

Даянъ-хаганъ напалъ на Бэгэрсэна, но Бэгэрсэнъ пустился въ бѣгство; замѣтивъ это, Даянъ погнался за нимъ, Бэгэрсэнъ же, будучи настигнутъ, снялъ свой шлемъ, надѣлъ его на своего слугу и этимъ ввелъ въ ошибку. Унугу-Чиджакуй, сынъ Китайца, и Хура-Кацц приняли Саинъ-Тулэгэна, сына Тупшина, изъ поколѣнія Тумэтовъ, имѣющаго шлемъ, за Бэгэрсэна, и выстрѣлили въ него. Узнавъ, что это не Бэгэрсэнъ, а его слуга, спросили его о его господинѣ, тотъ отвѣчалъ: «вотъ ѣдетъ». Нагнали Бэгэрсэна и убили на мѣстѣ Кильгиронъ-Тухумъ, на которомъ, говорятъ, появилась соль. Нэмэгэцукъ, сынъ Бэгэрсэна, съ горечью сказалъ: «ты бывало укалывалъ близкихъ родныхъ своихъ, бывало вырывалъ растущее (родныхъ), бывало кусалъ того, кого видѣлъ, а теперь пала твоя черная голова!»

Братъ Ибарая не отдавалъ еще штрафа Баянъ-Тохтую уріанхайскому за украденнаго имъ у него не объѣзженнаго саврасаго жеребца, за что̀ послѣдній угналъ его лошадей и убилъ его брата, погнавшагося за этими меринами, отъ чего произошло много непріятностей (штрафовъ). Къ Даянъ-хагану отъ Барагунъ-Урбанъ-Тэмуна были посланы: Онгорхой, сынъ

Уйдзія, изъ рода Монголчиновъ, и Укдагачи-Саби, сынъ Хоигучина, изъ рода Ордоши, съ порученіемъ, чтобъ онъ исправилъ эти непріятности и занимался управленіемъ и умоляль бы жизнь свою при жертвоприношеніяхъ бѣлой кибиткѣ (могила Чингиса); но Даянъ-хаганъ не поѣхалъ самъ, а послалъ сына, своего наслѣдника въ сопровожденіи Бабахая Урлука хурлатскаго. Одинъ изъ пословъ, Онгарохой, остался тамъ, а другой, Удагачи-Саби, воротился къ собранію.

Наслѣдникъ прибылъ къ мѣсту и сдѣлалъ жертвоприношеніе бѣлой кибиткѣ. Одинъ изъ его свиты былъ долженъ одну лошадь одному ойгутскому человѣку, который пришелъ за нею, поссорился и подрался. Наслѣдникъ, разсердясь, ударилъ его, говоря: «зачѣмъ бьешь моего человѣка?» Ибарай-тайши Ойхутовъ и Лихуши Агалаху Ордошіевъ разсердившись, сказали: «пришелъ ли онъ поправлять правленія наши или головы наши? Онъ слишкомъ рано началъ наказывать; отъ такого человѣка въ послѣдствіи нечего ожидать правосудія»; съ этими словами напали на него. Во время стычки, Багатуръ-Хурисунъ предложилъ ему свою прекрасную чалую лошадь, на которой бы убѣгъ, но домашніе вельможи остановили, говоря, что они готовы умереть за него, и спрятали его въ бѣлой кибиткѣ, а сами вступили въ бой. Послѣ покоренія этихъ господъ, Обгай былъ взятъ и умерщвленъ. Сестра его (Обгая) Доголангъ-Гунджи, жена Хошой-Табунанга монгольчинскаго, услыхала объ этомъ (о положеніи брата); но еще до ея прибытія онъ былъ убитъ. Гунджи и всѣ Монголчины осиротѣли отъ того, что онъ убитъ. Слухъ о убіеніи наслѣдника дошелъ до царя, который явился съ войсками. Всѣ сановники его доложили ему убить Онгорхая, оставленнаго заложникомъ; но ханъ, поставивъ его позади себя, сказалъ: «наслѣдника, моего сына, убили, и убили Урлука-Бабахая, а у васъ кого убили?» Потомъ онъ обратился

къ Тэнгріямъ: «ты, небесный отецъ мой, знай! что кровь проливается и кости разметываются; ты особенно вѣдай ихъ поступки.» Въ это время Барсу-Болотъ-Джинонъ, сынъ Даянъ-хагана жилъ у своей сестры Доголангъ-Гунджи, которая боялась послѣдствій отъ этого дурнаго дѣла. Барагунъ-Тумэтъ, услышавъ о походѣ Даянъ-хагана, составилъ совѣтъ, на которомъ Ибарай-тайши Ойхутовъ, Лэгуши-Агалаху ордоскій, Сайнъ-Хоши тумэтскій и Бамбагай-Шибуши говорили: «хотя кречетъ пускается съ рукъ на добычу, но нападаетъ на самого хозяина; также и этотъ Монголчинъ, кому сдѣлаетъ добро? Лучше убьемъ его (Барасу-Болота)». Доголангъ-Гунджи, говорятъ, въ это время отправила его (къ отцу) съ семерыми: Тэмуръ-тайшіемъ хубутскимъ, изъ поколѣнія Ордаміевъ (Ордосовъ), Элд-Джигэнъ-Урлукомъ, борбокскимъ, Алакчіемъ тэлэтскимъ, Токту-Байкуйкуемъ шонхорскимъ, Тобокъ-Тучіеномъ, Эсэнъ-Урлукомъ балакчинскимъ, и хурлатскимъ Тобокуемъ. Во время этого путешествія у нихъ вышелъ дорожный запасъ, и кормили ребенка въ люлькѣ собраннымъ укропомъ, почему онъ получилъ имя Кумэли (что̀ значитъ «укропъ»). Этотъ самый ребенокъ, говорятъ, есть Мэргэнъ Хараджинонъ.

По причинѣ убіенія сына своего Абагая, Даянъ-хаганъ отправился противъ Барагунъ-Тумэта, который, узнавъ объ этомъ, вышелъ съ войскомъ ему на встрѣчу. Они сошлись на мѣстѣ Долангъ-Турутунъ; при чемъ Цаганъ-Загаринъ алакчигутскій и Эльденгэ-бакши удзэмчинскій предсказали царю, что жизнь Ибарая есть огонь: налить воды въ огонь хорошо (отъ воды огонь гаснетъ); поэтому развели огонь и залили его водой изъ серебряной чашки. Гадатель Тулэгэтэ (также) предсказалъ: «когда явится коренастый черный человѣкъ, имѣющій годъ барса, его побѣдитъ коренастый же красный человѣкъ, изъ рода Буджигэна, если выйдетъ на

встрѣчу ему.» Ортоха-Ноянъ харчинскій явился съ своимъ сыномъ Бурохаемъ на саврасой лошади (къ хану). Табунскій Цахица-астрологъ, могумэнганскій Улусъ, завѣдывающій народомъ, кирэтскій Улату, имѣющій тигровый языкъ (злой языкъ), и алтачинскій Саймага, имѣющій хорошій языкъ (краснорѣчивый), сказали: «да будетъ полдень безъ времени (да будутъ для насъ счастливыя минуты)!»

Барбугутскій Баянъ-Урмугэръ нарочно водрузилъ уріянхайское знамя вмѣсто Даянъ-хаганскаго, а его спряталъ.

Бурхай, сынъ Ортугухай-Нояна, Цахица, сынъ Табуна, и Бардунгъ, сынъ Саймага, [105] эти трое были назначены къ отправленію въ походъ: на этихъ-то именно троихъ воиновъ и пало предсказаніе.

Барагунъ-Тумуты прибыли къ битвѣ.

При видѣ ихъ Даянъ-хаганъ спросилъ у Сэгусэ, военачальника (чернаго войска) Ойратовъ: «навѣрно знаешь, гдѣ лучше дать предстоящее сраженіе?» Тотъ отвѣчалъ: «съ успѣхомъ давали прежде сраженіе на мѣстѣ Буха-Шиджигуръ». Такимъ образомъ, по совѣту его, на Нигэнъ-Буха-Шиджигуръ-джиранѣ дано сраженіе. Барагунъ-Тумуты рубились противъ уріянхайскаго знамени, принявъ его за хаганское. Въ этомъ сраженіи предводительствовали: Уртогухай-Унъ съ своимъ сыномъ Бурхаемъ, Баяхай-багатуръ уріянхайскій, Сапинъ-Сахица, сынъ Табуна, Хорчинъ тумутскій, вельможи изъ пяти поколѣній Халхасцевъ и Багасунгъ-Табунунгъ орокскій. Уріянхайцы обратились въ бѣгство, Тумуты погнались за ними; между тѣмъ аганское черное знамя было

---

[106] Здѣсь сказано, что Бурхай, Цахица и Бардунгъ «умерли», между тѣмъ изъ смысла слѣдующихъ строкъ видно, что не умерли, потому что они въ то же время были въ дѣйствіи: это явно описка, а потому я перевелъ здѣсь «отправились въ походъ».

выставлено и сраженіе окончилось потерею для Тумутовъ. Большое число барагунъ-тумутскаго войска истреблено по ихъ ошибкѣ, потому что они приняли хаганское черное знамя за свое, и Даянъ-хаганъ такимъ образомъ покорилъ ихъ и правленіе, а Ибарай-тайши успѣлъ скрыться. Цахица-багатуръ, снявъ свой шлемъ, снова напалъ, говоря: «не каждый день будетъ такой счастливый случай», и въ этой стычкѣ голова его была разрублена, онъ упалъ съ лошади, но приподнявшись, отсѣкъ у ноги, бывшей въ стремени, ноготь (палецъ по ноготь) человѣку, находящемуся подлѣ него, и пришедши къ своему человѣку, спросилъ: «на чьей сторонѣ осталось счастье правленія (кто выигралъ сраженіе)?» Тотъ отвѣчалъ: «мы». Цахица сказалъ, что онъ побѣжденъ временемъ, и померъ.

Даянъ-хаганъ наградилъ всѣхъ тѣхъ, которые были при барагунъ-тумутскомъ дѣйствіи такъ: «да не будетъ господства (власти) надъ потомками Цахица, да не будетъ сбора съ потомковъ Сэгусэ-Ахалаху ойратскаго». Багусанъ-Табанангу же отдалъ свою дочь отъ царицы Мантухай.

Барагунъ-Урбанъ-Тумуты имѣли междоусобіе, въ которомъ Лихуши-Ахалаху убилъ Ибарая, а Лихуши убитъ ирэгутскимъ Хэлэгэемъ, который доложилъ о томъ Даянъ-хагану, намекнувъ ему этимъ, что онъ убилъ его ненавистнаго и заклятаго врага, за что Даянъ-хаганъ и наградилъ его тархановъ. Монголчинскій Хошой-Табунунгъ и Тэмуркэнъ покорились Даянъ-хагану.

Хорчинскій Ортогухай-Унъ предложилъ Даянъ-хагану раздѣлить Барагунъ-Тумутовъ; причемъ сказалъ: «коли попали въ зубы, такъ каждый будемъ держать этихъ враговъ въ раболѣпствѣ; если же ихъ оставить въ кучѣ, то будутъ безпокоить нашихъ потомковъ. Семь родовъ харачинскихъ и Тунчикэ-Джуншiебутовъ соедини съ нашими семью хорчинскими

встрѣчу ему.» Ортоха-Ноянъ харчинскій явился съ своимъ сыномъ Бурохаемъ на саврасой лошади (къ хану). Табунскій Цахица-астрологъ, могузэнганскій Улусъ, завѣдывающій народомъ, кирэтскій Улату, имѣющій тигровый языкъ (злой языкъ), и алтачинскій Саймага, имѣющій хорошій языкъ (краснорѣчивый), сказали: «да будетъ полдень безъ времени (да будутъ для насъ счастливыя минуты)!»

Барбутутскій Баянъ-Урмугэръ нарочно водрузилъ урiянхайское знамя вмѣсто Даянъ-хаганскаго, а его спряталъ.

Бурхай, сынъ Ортугухай-Нояна, Цахица, сынъ Табуна, и Бардунгъ, сынъ Саймага, [105] эти трое были назначены къ отправленію въ походъ: на этихъ-то именно троихъ воиновъ и пало предсказаніе.

Барагунъ-Тумуты прибыли къ битвѣ.

При видѣ ихъ Даянъ-хаганъ спросилъ у Сэгусэ, военачальника (чернаго войска) Ойратовъ: «навѣрно знаешь, гдѣ лучше дать предстоящее сраженіе?» Тотъ отвѣчалъ: «съ успѣхомъ давали прежде сраженіе на мѣстѣ Буха-Шинджигуръ». Такимъ образомъ, по совѣту его, на Нигэнъ-Буха-Шинджигуръ-джиранѣ дано сраженіе. Барагунъ-Тумуты рубились противъ урiянхайскаго знамени, принявъ его за хаганское. Въ этомъ сраженіи предводительствовали: Уртогухай-Унъ съ своимъ сыномъ Бурхаемъ, Баяхай-багатуръ урiянхайскій, Санъ-Сахица, сынъ Табуна, Хорчинъ тумутскій, вельможи изъ пяти поколѣній Халхасцевъ и Багасунгъ-Табунунгъ оробскій Урiянхайцы обратились въ бѣгство, Тумуты погнались за ними; между тѣмъ аганское черное знамя было

---

[106] Здѣсь сказано, что Бурхай, Цахица и Бардунгъ «умерли», между тѣмъ изъ смысла слѣдующихъ строкъ видно, что не умерли, потому что они въ то же время были въ дѣйствіи: это явно описка, и потому я перевелъ здѣсь «отправилась въ походъ».

выставлено и сраженіе окончилось потерею для Тумутовъ. Большое число барагунъ-тумутскаго войска истреблено по ихъ ошибкѣ, потому что они приняли хаганское черное знамя за свое, и Даянъ-хаганъ такимъ образомъ покорилъ ихъ и правленіе, а Ибарай-тайши успѣлъ скрыться. Цахица-багатуръ, снявъ свой шлемъ, снова напалъ, говоря: «не каждый день будетъ такой счастливый случай», и въ этой стычкѣ голова его была разрублена, онъ упалъ съ лошади, но приподнявшись, отсѣкъ у ноги, бывшей въ стремени, ноготь (палецъ по ноготь) человѣку, находящемуся подлѣ него, и пришедши къ своему человѣку, спросилъ: «на чьей сторонѣ осталось счастье правленія (кто выигралъ сраженіе)?» Тотъ отвѣчалъ: «мы». Цахица сказалъ, что онъ побѣжденъ временемъ, и померъ.

Даянъ-хаганъ наградилъ всѣхъ тѣхъ, которые были при барагунъ-тумутскомъ дѣйствіи такъ: «да не будетъ господства (власти) надъ потомками Цахица, да не будетъ сбора съ потомковъ Сэгусэ-Ахалаху ойратскаго». Багусанъ-Табанангу же отдалъ свою дочь отъ царицы Мантухай.

Барагунъ-Урбанъ-Тумуты имѣли междоусобіе, въ которомъ Лихуши-Ахалаху убилъ Ибарая, а Лихуши убитъ ирэгутскимъ Хэлэгэемъ, который доложилъ о томъ Даянъ-хагану, намекнувъ ему этимъ, что онъ убилъ его ненавистнаго и заклятаго врага, за что Даянъ-хаганъ и наградилъ его тархапомъ. Монголчинскій Хошой-Табунунгъ и Тэнуркэнъ покорились Даянъ-хагану.

Хорчинскій Ортогухай-Унъ предложилъ Даянъ-хагану раздѣлить Барагунъ-Тумутовъ; причемъ сказалъ: «коли попали въ зубы, такъ каждый будемъ держать этихъ враговъ въ раболѣпствѣ; если же ихъ оставить въ кучѣ, то будутъ безпокоить нашихъ потомковъ. Семь родовъ харачинскихъ и Тунчикэ-Джуншіебутовъ соедини съ нашими семью хорчинскими

поколѣніями; восемь родовъ Ордосцевъ есть средоточіе, такъ соедини ихъ съ восемью цахарскими поколѣніями и двѣнадцать Тумутовъ съ двѣнадцатью Халхасцевъ». Даянъ-хаганъ не согласился на его слова и назначилъ (намѣстникомъ) сына своего Барасъ-Болота-Джинона къ Барагунскимъ Тумутамъ, на что Ортогухай-Унъ сказалъ: «наши потомки должны страдать (отъ нихъ)», и разсердясь, билъ по головѣ свою лошадь. Въ дорогѣ Ортогухай-Унъ хорчинскій билъ, говорятъ, Даітайія ордоскаго за то, что тотъ не далъ ему ночлега, и отрѣзалъ языкъ Хонхолэю за то, что шпіоничалъ: объ этомъ навѣрно всѣ знаютъ. Даянъ-хаганъ померъ на 44 году.

Туру-Болотъ, старшій сынъ Даянъ-хагана, скончался еще не царствовавши и не имѣя дѣтей; братъ его, Улусъ-Болотъ убитъ Ибараемъ-тайшіемъ, также еще не царствовавъ.

За малолѣтствомъ Бодэ-Алакъ-хана вступилъ на престолъ дядя его. Бодэ-Алакъ-хаганъ въ сопровожденіи Дзэгунъ-Урбанъ-Тумутовъ отправился на поклоненіе къ осьми бѣлымъ кибиткамъ для вступленія на престолъ, и по прибытіи, кичливо сказалъ: «ты возсѣлъ на престолъ за моимъ малолѣтствомъ, это неправильно; теперь же поклонись мнѣ; если не хочешь, то я буду съ тобой воевать (свергну тебя)». Барасъ-Болотъ сказалъ: «вашего ханства правда, я покланяюсь». «Ладно», сказалъ Бодэ-Аланъ, и поклонившись осьми кибиткамъ, возсѣлъ на престолъ.

Въ то время, когда Бодэ-Алакъ-хаганъ собирался домой, къ нему прибылъ Багатуръ-Мулудзэй тумутскій на сужеребой саврасой кобылицѣ съ такимъ предложеніемъ: «прежде, чѣмъ поѣдемъ домой, нападемъ на часть Барагунъ-Тумутовъ». Бодэ-Алакъ не согласился, за что Мулудзэй-багатуръ разсердился и, говорятъ, сказалъ: «какъ могу я воротиться съ пустыми руками домой, я, который ѣзжу на сужеребой кобылицѣ?»

Болохай-Унъ, сынъ Шигустэя, пришелъ отмстить за Тайсунъ-хагана Мулудэю, Алчугудаю и Алураю, сыновьямъ Цэбдэна-Богуралтуя; но воротился назадъ, потому что тѣ, находясь за валомъ, не допустили его до этого. Потомъ онъ еще пришелъ къ нимъ и тоже не могъ взять, потому что и въ этотъ разъ они были въ укрѣпленіи. Послѣ этого (онъ), рубивши дрова и не имѣя съ собой пищи, пошелъ отыскивать ургэнэ [106] и встрѣтился (съ ними) на островѣ рѣки Ононъ, называемомъ Шагадзэнъ-Туинъ-Ихэ-Аролту (что значитъ «великій островъ Шагадзэна»), и бился (съ ними) на мѣстѣ, называемомъ Батаринъ-Хошигунъ [107]. Эбудзэй-багатуръ, сынъ Эсбури, слѣзая съ лошади, сказалъ: «я, Эбудзэй, не тронусь съ мѣста, а скорѣе тронется земля»; въ это время попала стрѣла ему въ глазъ, отъ чего онъ упалъ. Между-тѣмъ одинъ человѣкъ хотѣлъ распороть ему брюхо; но въ это время лошадь, привязанная поводомъ къ кушаку его, дернула его, и Эбудзэй, вставъ, застрѣлилъ вмѣстѣ и всадника и коня. У Мандуй-Дархана, сына Тулугэсэна, нога прекрасной буланой лошади была прострѣлена, но она перескочила тремя ногами чрезъ большое бревно. Бикунъ-Оюнго-багатуръ ортугухайскій привелъ ему бородатую соловую лошадь, и посадивъ на нее, вывелъ его. Своякн: Байту хорчинскій,

---

[106] *Ургэнэ*, названіе растенія. Запасъ, собранный мышами на зиму, который преимущественно изъ корней этого растенія, тоже называется *ургэнэ* и навѣрно получилъ это названіе отъ этого растенія. Монголы, за недостаткомъ съѣстнаго запаса, древле питались и нынѣ питаются корнями этого растенія и этими запасами. Въ текстѣ цѣлое предложеніе буквально слѣдовало бы перевести такъ: «послѣ того рубилъ деревья для топки; не могши найти вѣшалки, отправился срубить ургэнэ и пр.» Слова *илгу* «вѣшалка», и *ургэнэ* «растеніе или мышиный запасъ», не имѣютъ никакой связи и даже смысла; поэтому *илгу* принимаю я за *улу* «пища и голоданіе», а *ургэнэ*, опредѣляемое словомъ: *октолхо* «рубить», не за дерево, а траву.

[107] Въ простонародіи *батари* «чудовище», по-тибетски *чусрандъ* «водяное чудовище или какое-то баснословное животное», пишется правильнѣе *мангэръ*.

сынъ Талакчина, и Булхай кэрэитскій, и двоюродные братья Тэгулэ и Хоголай багаринскіе, всѣ четверо убиты, командуя передовымъ войскомъ, причемъ они не могли взять ихъ (Мулудзэя, Алцухудая и Алурая).

Послѣ того Дарханъ, командуя войсками и укрѣпляясь на мѣстѣ, называемомъ Харэйинъ-Хураганъ-Чида-Чилагунъ, далъ сраженіе Сапнъ-Тамагату. Сынъ Согодая, потомокъ Харакчинъ-Тайбучина солонготскаго, и Сапнъ-хоходай алтачинскій командовали надъ войсками; въ это время Угутэ-багатуръ сказалъ своему брату, Хухултэ-багатуру: «мы выйдемъ оба»; послѣдній отвѣчалъ: «ты оставайся, потому что не пересилятъ тебя и двадцать человѣкъ, а я выйду».

Тамагату былъ раненъ, а Сапнъ-Хоходай боролся еще; между тѣмъ Тамагату, вставъ, отсѣкъ икру у Хухултэя и убилъ его; однако не покорили ихъ, а угнали только 900 мериновъ.

Мандуй-Дарханъ отправился къ рѣкѣ Урэнэ, гдѣ покорилъ Алурая, Алчудэя и Мулудзэя, которые въ это время бѣдствовали отъ голода. При этомъ Арсухy-Буйинъ, сынъ Бурхая, отмстилъ Алураю-багатуру, а Алцухая привязали къ лошади и везли, причемъ въ дорогѣ онъ говорилъ: «э, досадно, что Алцухай состарѣлся, а Алакчугуты разсѣялись». (За эту дерзость онъ убитъ былъ топоромъ). Мэндуй-Унгъ привезъ Мулудзая, привязаннаго къ его лошади, на мѣсто Саркигатъ-Тукумъ и представилъ Боди-Алакъ-хану, который приказалъ умертвить его, а Мэндуй-Унъ получилъ за это Дархана; говорятъ, что потомокъ Хасара сдѣлалъ этимъ пользу потомку хагана.

Послѣ этого, Боди-Алакъ-хаганъ скончался на Зудалангъ-Ундурѣ, 10-го числа 7-го мѣсяца въ годъ овцы.

Терэйсунгъ-Кудэнгъ-хаганъ вступилъ на престолъ въ годъ свиньи. Въ царствованіе Тэнгэри-хагана, правленіе было спо-

койно; всѣ люди жили въ согласіи, а шесть великихъ народовъ благоденствовали.

На 28-мъ году скончался [108] въ годъ змѣи.

Потерянные города, укрѣпленія и дворецъ, основанные Хобилганъ-Сэцэнъ-ханомъ, потерянныя: драгоцѣнная вѣра, которая распространена была въ царствованіи Угутэй-хагана, Хулукъ-хагана и Мункэ-хагана, и счастливое государство, учрежденное Хобилганомъ же, и потерянный наконецъ пятицвѣтный и четыре-чужестранный народъ, который святой нашъ отецъ собралъ съ великимъ трудомъ и страданіемъ, и еще бывшія войны, которыя Ильбакъ-хаганъ за кровь Абкарчинъ-Джинонга и за изгнаніе Тайсунгъ-хагана Адай-хаганомъ и за разныя старыя дѣла велъ съ Китаемъ—все это Сапнъ-Алтанъ-хаганъ, сынъ Барсу-Болота-Джинонга, вспомнилъ, и, вооружась мужествомъ, покорилъ Шарэгольцевъ Амдусцевъ, обитавшихъ между Тибетомъ и Тангутомъ, и взималъ дань съ трехъ богатырей: Арвасъ-Энхэрцэкъ-Гэбэ, Гэрэбумъ-Царуца и Астакринрикъ-Сарантэй. Послѣ покоренія Ойратовъ, онъ овладѣлъ правленіемъ Джэлэмэна и покорилъ Джихэхэнъ-Ахая съ малочисленнымъ, отдѣльно кочующимъ народомъ. Когда онъ началъ разрушать города и укрѣпленія китайскіе и ихъ правленія, китайскій Таймингъ-хаганъ, опасаясь его, послалъ ему разныя дани и величалъ его Сукваномъ.

Послѣ него Засакъ-Тумэнъ-хаганъ возсѣлъ на престолъ. Онъ возстановилъ драгоцѣнную вѣру и воевалъ съ Китайцами, своими старинными непримиримыми врагами, далъ

---

[108] Неясно, кто скончался: Тэрэйсунгъ, или Тэнгэри-хаганъ? Впрочемъ вѣроятнѣе, что Тэрэйсунгъ, какъ то видно изъ хронологіи Сананъ-Цэцэна. Что касается до Тэнгэри-хагана, то кажется, что онъ иной кто какъ тотъ-же Тэрэйсунгъ, потому что слѣдующее событіе приписывается ему же, изъ чего и можно заключить, что это Тэрэйсунгъ.

сынъ Талакчина, а Булхай кэрэитскій, и двоюродные братья Тэгулэ и Хоголай багаринскіе, всѣ четверо убиты, командуя передовымъ войскомъ, причемъ они не могли взять ихъ (Мулудзэя, Алцухудая и Алурая).

Послѣ того Дарханъ, командуя войсками и укрѣпляясь на мѣстѣ, называемомъ Харэйнъ-Хураганъ-Чида-Чилагунъ, далъ сраженіе Санъ-Тамагату. Сынъ Согодая, потомокъ Харакчинъ-Тайбучина солонготскаго, и Санъ-хоходай алтачинскій командовали надъ войсками; въ это время Угутэ-багатуръ сказалъ своему брату, Хухултэ-багатуру: «мы выйдемъ оба»; послѣдній отвѣчалъ: «ты оставайся, потому что не пересилятъ тебя и двадцать человѣкъ, а я выйду».

Тамагату былъ раненъ, а Санъ-Хоходай боролся еще; между тѣмъ Тамагату, вставъ, отсѣкъ икру у Хухултэя и убилъ его; однако не покорили ихъ, а угнали только 900 мериновъ.

Мандуй-Дарханъ отправился къ рѣкѣ Урэнэ, гдѣ покорилъ Алурая, Алчудэя и Мулудзэя, которые въ это время бѣдствовали отъ голода. При этомъ Арсуху-Буйнъ, сынъ Бурхая, отмстилъ Алураю-багатуру, а Алцухая привязали къ лошади и везли, причемъ въ дорогѣ онъ говорилъ: «э, досадно, что Алцухай состарѣлся, а Алакчугуты разсѣялись». (За эту дерзость онъ убитъ былъ топоромъ). Мэндуй-Унгъ привезъ Мулудзая, привязаннаго къ его лошади, на мѣсто Саркигатъ-Тукумъ и представилъ Боди-Алакъ-хану, который приказалъ умертвить его, а Мэндуй-Унъ получилъ за это Дархана; говорятъ, что потомокъ Хасара сдѣлалъ этимъ пользу потомку хагана.

Послѣ этого, Боди-Алакъ-хаганъ скончался на Зудалангъ-Ундурѣ, 10-го числа 7-го мѣсяца въ годъ овцы.

Терэйсунгъ-Кудэнгъ-хаганъ вступилъ на престолъ въ годъ свиньи. Въ царствованіе Тэнгэри-хагана, правленіе было спо-

койно; всѣ люди жили въ согласіи, а шесть великихъ народовъ благоденствовали.

На 28-мъ году скончался [108] въ годъ змѣи.

Потерянные города, укрѣпленія и дворецъ, основанные Хобилганъ-Сэцэнъ-ханомъ, потерянныя: драгоцѣнная вѣра, которая распространена была въ царствованія Угутэй-хагана, Хулукъ-хагана и Мункэ-хагана, и счастливое государство, учрежденное Хобилганомъ же, и потерянный наконецъ пяти-цвѣтный и четыре-чужестранный народъ, который святой нашъ отецъ собралъ съ великимъ трудомъ и страданіемъ, и еще бывшія войны, которыя Ильбакъ-хаганъ за кровь Абкарчинъ-Джинонга и за изгнаніе Тайсунгъ-хагана Адай-хаганомъ и за разныя старыя дѣла велъ съ Китаемъ—все это Саинъ-Алтанъ-хаганъ, сынъ Барсу-Болота-Джинонга, вспомнилъ, и, вооружась мужествомъ, покорилъ Шарэгольцевъ Амдусцевъ, обитавшихъ между Тибетомъ и Тангутомъ, и взималъ дань съ трехъ богатырей: Арвасъ-Энхэрцэкъ-Гэбэ, Гэрэбумъ-Царуца и Астакриприкъ-Сарантэй. Послѣ покоренія Ойратовъ, онъ овладѣлъ правленіемъ Джэлэмэна и покорилъ Джихэхэнъ-Ахая съ малочисленнымъ, отдѣльно кочующимъ народомъ. Когда онъ началъ разрушать города и укрѣпленія китайскіе и ихъ правленія, китайскій Таймингъ-хаганъ, опасаясь его, послалъ ему разныя дани и величалъ его Сукваномъ.

Послѣ него Засакъ-Тумэнъ-хаганъ возсѣлъ на престолъ. Онъ возстановилъ драгоцѣнную вѣру и воевалъ съ Китайцами, своими старинными непримиримыми врагами, далъ

---

[108] Неясно, кто скончался: Тэрэйсунгъ, или Тэнгэри-хаганъ? Впрочемъ вѣроятнѣе, что Тэрэйсунгъ, какъ то видно изъ хронологіи Сананъ-Цэцэна. Что касается до Тэнгэри-хагана, то кажется, что онъ иной кто какъ тотъ-же Тэрэйсунгъ, потому что слѣдующее событіе приписывается ему же, изъ чего и можно заключить, что это Тэрэйсунгъ.

Эпкэру-дархана за то, что тотъ показалъ свое геройство въ китайскомъ дѣлѣ; соорудилъ статую Шакьямуніи изъ золота и серебра для того, чтобы соединить вѣру, уже разсѣченную, и правленіе, потерянное при Тогуганъ-Тэмуръ-хаганѣ. Этотъ старинный царь, Сэцэнъ-хаганъ, родился въ годъ свиньи и привелъ въ порядокъ разрушенное правленіе, возстановилъ разсѣченную вѣру; всѣ пяти-цвѣтные и четыре-чужестранные народы (благоденствовали). Послѣ восшествія на престолъ, Сэцэнъ-хаганъ воротилъ печать, потерянную древнимъ Тайсунгъ-хаганомъ, и на долгое время укрѣпилъ счастливое свое правленіе и успокоилъ свой великій народъ.

При Буянъ-Сэцэнѣ, Сэнгэ-Тэмуръ-Дугурэнгъ-хаганъ, сынъ Гэгэнъ-Алтанъ-хагана, царствовалъ.

Буянту-Сэцэнъ-хаганъ скончался на 49-мъ году отъ роду, въ годъ зайца. Его сынъ, Мангусъ-Мэргэнъ-тайджи, померъ не царствовавъ. Его сынъ, Мэцэнгъ-Хутухту-хаганъ вступилъ на престолъ на 13-мъ году своего рожденія, въ годъ дракона.

КРАТКАЯ ИСТОРІЯ О ПРОИСХОЖДЕНІЯХЪ ЦАРЕЙ,
НАЗЫВАЕМАЯ АЛТАНЪ-ТОБЧИ,
КОНЧИЛАСЬ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

—

Исторія Убаши-хунтайджія и его войны съ Ойратами.

Въ дополненіе къ *Алтанъ-Тобчи* сообщаемъ любопытный эпизодъ изъ монгольской исторіи исхода XVI вѣка, сохранившійся въ довольно подробномъ разсказѣ лишь на калмыцкомъ языкѣ.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

(16)

[illegible]

поколѣніями; восемь родовъ Ордосцевъ есть средоточіе, такъ соедини ихъ съ восемью цахарскими поколѣніями и двѣнадцать Тумутовъ съ двѣнадцатью Халхасцевъ». Даянъ-хаганъ не согласился на его слова и назначилъ (намѣстникомъ) сына своего Барасъ-Болота-Джинона къ Барагунскимъ Тумутамъ, на что̀ Ортогухай-Унъ сказалъ: «наши потомки должны страдать (отъ нихъ)», и разсердясь, билъ по головѣ свою лошадь. Въ дорогѣ Ортогухай-Унъ хорчинскій билъ, говорятъ, Дайтайя ордоскаго за то, что тотъ не далъ ему ночлега, и отрѣзалъ языкъ Хонхолэю за то, что шпіоничалъ: объ этомъ навѣрно всѣ знаютъ. Даянъ-хаганъ померъ на 44 году.

Туру-Болотъ, старшій сынъ Даянъ-хагана, скончался еще не царствовавши и не имѣя дѣтей; братъ его, Улусъ-Болотъ убитъ Ибараемъ-тайшіемъ, также еще не царствовавъ.

За малолѣтствомъ Бодэ-Алакъ-хана вступилъ на престолъ дядя его. Бодэ-Алакъ-хаганъ въ сопровожденіи Дзэгунъ-Урбанъ-Тумутовъ отправился на поклоненіе къ осьми бѣлымъ кибиткамъ для вступленія на престолъ, и по прибытіи, кичливо сказалъ: «ты возсѣлъ на престолъ за моимъ малолѣтствомъ, это неправильно; теперь же поклонись мнѣ; если не хочешь, то я буду съ тобой воевать (свергну тебя)». Барасъ-Болотъ сказалъ: «вашего ханства правда, я покланяюсь». «Ладно», сказалъ Бодэ-Аланъ, и поклонившись осьми кибиткамъ, возсѣлъ на престолъ.

Въ то время, когда Бодэ-Алакъ-хаганъ собирался домой, къ нему прибылъ Багатуръ-Мулудзэй тумутскій на сужеребой саврасой кобылицѣ съ такимъ предложеніемъ: «прежде, чѣмъ поѣдемъ домой, нападемъ на часть Барагунъ-Тумутовъ». Бодэ-Алакъ не согласился, за что̀ Мулудзэй-багатуръ разсердился и, говорятъ, сказалъ: «какъ могу я воротиться съ пустыми руками домой, я, который ѣзжу на сужеребой кобылицѣ?»

Болохай-Унъ, сынъ Шигустэя, пришелъ отмстить за Тайсунъ-хагана Мулудэю, Алчугудаю и Алураю, сыновьямъ Цэбдэна-Богуралтуя; но воротился назадъ, потому что тѣ, находясь за валомъ, не допустили его до этого. Потомъ онъ еще пришелъ къ нимъ и тоже не могъ взять, потому что и въ этотъ разъ они были въ укрѣпленіи. Послѣ этого (онъ), рубивши дрова и не имѣя съ собой пищи, пошелъ отыскивать ургэнэ [106] и встрѣтился (съ ними) на островѣ рѣкиОнонъ, называемомъ Шагадзэнъ-Тунинъ-Пхэ-Аролту (чтò значитъ «великій островъ Шагадзэна»), и бился (съ ними) на мѣстѣ, называемомъ Батаринъ-Хошигунъ [107]. Эбудзэй-багатуръ, сынъ Эсбури, слѣзая съ лошади, сказалъ: «я, Эбудзэй, не тронусь съ мѣста, а скорѣе тронется земля»; въ это время попала стрѣла ему въ глазъ, отъ чего онъ упалъ. Между-тѣмъ одинъ человѣкъ хотѣлъ распороть ему брюхо; но въ это время лошадь, привязанная поводомъ къ кушаку его, дернула его, и Эбудзэй, вставъ, застрѣлилъ вмѣстѣ и всадника и коня. У Мандуй-Дархана, сына Тулугэсэна, нога прекрасной буланой лошади была прострѣлена, но она перескочила тремя ногами чрезъ большое бревно. Бикунъ-Оюнго-багатуръ ортугухайскій привелъ ему бородатую соловую лошадь, и посадивъ на нее, вывелъ его. Своякн: Байту хорчинскій,

---

[106] *Ургэнэ*, названіе растенія. Запасъ, собранный мышами на зиму, который преимущественно изъ корней этого растенія, тоже называется *ургэнэ* и навѣрно получилъ это названіе отъ этого растенія. Монголы, за недостаткомъ съѣстнаго запаса, древле питались и нынѣ питаются корнями этого растенія и этими запасами. Въ текстѣ цѣлое предложеніе буквально слѣдовало бы перевести такъ: «послѣ того рубилъ деревья для топки; не могши найти вѣшалки, отправился срубить ургэнэ и пр.» Слова *илгу* «вѣшалка», и *ургэнэ* «растеніе или мышиный запасъ», не имѣютъ никакой связи и даже смысла; поэтому *илгу* принимаю я за *улу* «пища и голоданіе», а *ургэнэ*, опредѣляемое словомъ: *октолхо* «рубить», не за дерево, а траву.

[107] Въ простонародіи *батари* «чудовище», по-тибетски *чусрандъ* «водяное чудовище или какое-то баснословное животное», пишется правильнѣе *магнэръ*.

сынъ Талакчина, и Булхай кэрэитскій, и двоюродные братья Тэгулэ и Хоголай багаринскіе, всѣ четверо убиты, командуя передовымъ войскомъ, причемъ они не могли взять ихъ (Мулудзэя, Алцухудая и Алурая).

Послѣ того Дарханъ, командуя войсками и укрѣпляясь на мѣстѣ, называемомъ Харэйнъ-Хураганъ-Чида-Чилагунъ, далъ сраженіе Сапнъ-Тамагату. Сынъ Согодая, потомокъ Харакчинъ-Тайбучина солонготскаго, и Сапнъ-хоходай алтачинскій командовали надъ войсками; въ это время Угутэ-багатуръ сказалъ своему брату, Хухултэ-багатуру: «мы выйдемъ оба»; послѣдній отвѣчалъ: «ты оставайся, потому что не пересилятъ тебя и двадцать человѣкъ, а я выйду».

Тамагату былъ раненъ, а Сапнъ-Хоходай боролся еще; между тѣмъ Тамагату, вставъ, отсѣкъ икру у Хухултэя и убилъ его; однако не покорили ихъ, а угнали только 900 мериновъ.

Мандуй-Дарханъ отправился къ рѣкѣ Урэнэ, гдѣ покорилъ Алурая, Алчудэя и Мулудзэя, которые въ это время бѣдствовали отъ голода. При этомъ Арсуху-Буйнъ, сынъ Бурхая, отмстилъ Алураю-багатуру, а Алцухая привязали къ лошади и везли, причемъ въ дорогѣ онъ говорилъ: «э, досадно, что Алцухай состарѣлся, а Алакчугуты разсѣялись». (За эту дерзость онъ убитъ былъ топоромъ). Мэндуй-Унгъ привезъ Мулудзая, привязаннаго къ его лошади, на мѣсто Саркигатъ-Тукумъ и представилъ Боди-Алакъ-хану, который приказалъ умертвить его, а Мэндуй-Унъ получилъ за это Дархана; говорятъ, что потомокъ Хасара сдѣлалъ этимъ пользу потомку хагана.

Послѣ этого, Боди-Алакъ-хаганъ скончался на Зудалангъ-Ундурѣ, 10-го числа 7-го мѣсяца въ годъ овцы.

Тэрэйсунгъ-Кудэнгъ-хаганъ вступилъ на престолъ въ годъ свиньи. Въ царствованіе Тэнгэри-хагана, правленіе было спо-

койно; всѣ люди жили въ согласіи, а шесть великихъ народовъ благоденствовали.

На 28-мъ году скончался [108] въ годъ змѣи.

Потерянные города, укрѣпленія и дворецъ, основанные Хобилганъ-Сэцэнъ-ханомъ, потерянныя: драгоцѣнная вѣра, которая распространена была въ царствованія Угутэй-хагана, Хулукъ-хагана и Мункэ-хагана, и счастливое государство, учрежденное Хобилганомъ же, и потерянный наконецъ пятицвѣтный и четыре-чужестранный народъ, который святой нашъ отецъ собралъ съ великимъ трудомъ и страданіемъ, и еще бывшія войны, которыя Ильбакъ-хаганъ за кровь Абкарчинъ-Джинонга и за изгнаніе Тайсунгъ-хагана Адай-хаганомъ и за разныя старыя дѣла велъ съ Китаемъ—все это Саинъ-Алтанъ-хаганъ, сынъ Барсу-Болота-Джинонга, вспомнилъ, и, вооружась мужествомъ, покорилъ Шарэгольцевъ Амдусцевъ, обитавшихъ между Тибетомъ и Тангутомъ, и взималъ дань съ трехъ богатырей: Арвасъ-Энхэрцэкъ-Гэбэ, Гэрэбумъ-Царуца и Астакринрикъ-Сарантэй. Послѣ покоренія Ойратовъ, онъ овладѣлъ правленіемъ Джалэмэна и покорилъ Джихэхэнъ-Ахая съ малочисленнымъ, отдѣльно кочующимъ народомъ. Когда онъ началъ разрушать города и укрѣпленія китайскіе и ихъ правленія, китайскій Таймингъ-хаганъ, опасаясь его, послалъ ему разныя дани и величалъ его Сукваномъ.

Послѣ него Засакъ-Тумэнъ-хаганъ возсѣлъ на престолъ. Онъ возстановилъ драгоцѣнную вѣру и воевалъ съ Китайцами, своими старинными непримиримыми врагами, далъ

---

[108] Неясно, кто скончался: Тэрэйсунгъ, или Тэнгэри-хаганъ? Впрочемъ вѣроятнѣе, что Тэрэйсунгъ, какъ то видно изъ хронологіи Сананъ-Цэцэна. Что касается до Тэнгэри-хагана, то кажется, что онъ иной кто какъ тотъ-же Тэрэйсунгъ, потому что слѣдующее событіе приписывается ему же, изъ чего и можно заключить, что это Тэрэйсунгъ.

Эпкэру-дархана за то, что тотъ показалъ свое геройство въ китайскомъ дѣлѣ; соорудилъ статую Шакьямунія изъ золота и серебра для того, чтобы соединить вѣру, уже разсѣченную, и правленіе, потерянное при Тогуганъ-Тэмуръ-хаганѣ. Этотъ старинный царь, Сэцэнъ-хаганъ, родился въ годъ свиньи и привелъ въ порядокъ разрушенное правленіе, возстановилъ разсѣченную вѣру; всѣ пяти-цвѣтные и четыре-чужестранные народы (благоденствовали). Послѣ восшествія на престолъ, Сэцэнъ-хаганъ воротилъ печать, потерянную древнимъ Тайсунгъ-хаганомъ, и на долгое время укрѣпилъ счастливое свое правленіе и успокоилъ свой великій народъ.

При Буянъ-Сэцэнѣ, Сэнгэ-Тэмуръ-Дугурангъ-хаганъ, сынъ Гэгэнъ-Алтанъ-хагана, царствовалъ.

Буянту-Сэцэнъ-хаганъ скончался на 49-мъ году отъ роду, въ годъ зайца. Его сынъ, Мангусъ-Мэргэнъ-тайджи, померъ не царствовавъ. Его сынъ, Мэцангъ-Хутухту-хаганъ вступилъ на престолъ на 13-мъ году своего рожденія, въ годъ дракона.

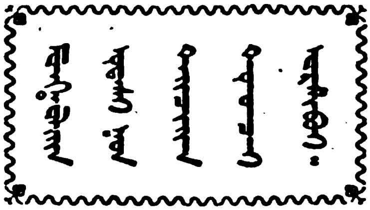
Краткая исторія о происхожденіяхъ царей,
называемая Алтанъ-Тобчи,
кончилась.

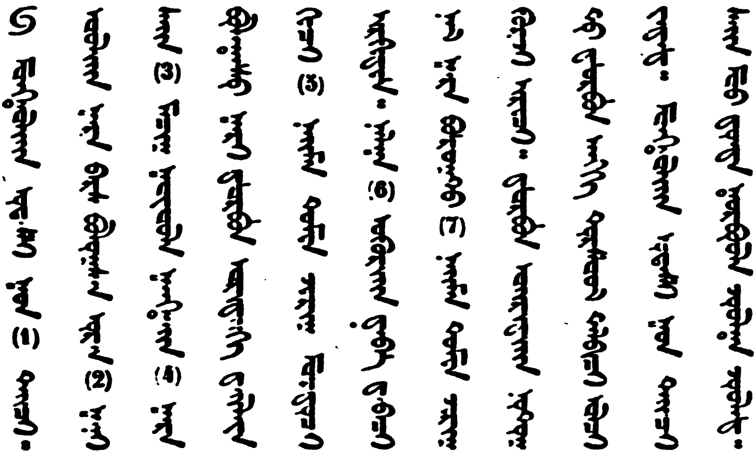
ПРИЛОЖЕНІЕ.

—

Исторія Убаши-хунтайджія и его войны съ Ойратами.

Въ дополненіе къ *Алтанъ-Тобчи* сообщаемъ любопытный эпизодъ изъ монгольской исторіи исхода XVI вѣка, сохранившійся въ довольно подробномъ разсказѣ лишь на калмыцкомъ языкѣ.





[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

(50)

51

Разночтенія.

Для изданія калмыцкаго текста мы имѣли три рукописи: приводимъ здѣсь ихъ разночтенія, означивъ слова напечатаннаго нами текста литерою А, а варіанты двухъ другихъ рукописей буквами В и С.

(1) A. [illegible] B. [illegible]

(2) A. [illegible] B. [illegible]

(3) A. [illegible] B. [illegible]

(4) A. [illegible] B. [illegible]

(5) A. [illegible] B. [illegible]

(6) A. [illegible] B. [illegible]

(7) A. [illegible] B. [illegible]

(8) A. [illegible] B. [illegible]

(9) A. [illegible] B. [illegible]

(10) A. [illegible] B. [illegible]

(11) A. [illegible] B. [illegible]

(12) A. [illegible] B. [illegible]

(13) A. [illegible] B. [illegible]

(14) A. [illegible] B. [illegible]

(15) A. [illegible] B. [illegible]

(16) A. [illegible] B. [illegible]

(17) A. [illegible] B. [illegible]

(18) A. [illegible] B. [illegible]

(19) A. [illegible] B. [illegible]

(20) A. [illegible] B. [illegible]

(21) A. [illegible] B. [illegible]

(22) A. [illegible] B. [illegible] C. [illegible]

(23) A. [illegible] B. [illegible]

(24)A. [illegible] B. [illegible] C. [illegible] (25)A. [illegible] B. [illegible]

[illegible] (26)A. [illegible] B. [illegible] (27)A. [illegible] B. [illegible] (28)A. [illegible] B. [illegible]

(29)A. [illegible] B. [illegible] (30)A. [illegible] B. [illegible] (31)A. [illegible] B. [illegible] (32)A. [illegible]

B. [illegible] (33)A. [illegible] B. [illegible] (34)A. [illegible] B. [illegible] (35)A. [illegible]

[illegible] B. [illegible] (36)A. [illegible] B. [illegible]

(37)A. [illegible] B. [illegible] (38)A. [illegible] B. [illegible] (39)A. [illegible] B. [illegible] (40)A. [illegible]

B. [illegible] (41)A. [illegible] B. [illegible] (42)A. [illegible] B. [illegible] (43)A. [illegible]

B. [illegible] (44)A. [illegible] B. [illegible] (45)A. [illegible] B. [illegible] (46)A. [illegible] B. [illegible]

(47)A. [illegible] B. [illegible] (48)A. [illegible] B. [illegible] (49)A. [illegible] B. [illegible]

(50)A. [illegible] B. [illegible] (51)A. [illegible] B. [illegible]

Переводъ съ калмыцкаго.

Убаши-Хунъ-Тайджи монгольскій, и уріянхайскій *Маджикъ*, подобный черному горному тигру, отправясь оба съ 80,000 войскомъ изъ урочища Хангай-Хара-Булакъ [1] воевать противъ независимыхъ Четырехъ Ойратовъ, и переправившись черезъ гору Налха-Ухэръ [2], прибыли съ войсками на мѣсто Налъ-Хара-Бурокъ [3]. Отсюда отправили они четырехъ лазутчиковъ, каждаго врозь, къ Четыремъ Ойратамъ, развѣдать ихъ кочевья; но тѣ ничего не разузнали. Почему монгольскій *Убаши*-Хунъ-Тайджи составилъ совѣщаніе изъ высшихъ, среднихъ и низшихъ сословій, на которомъ уріянхайскому *Маджику* и многимъ другимъ сановникамъ сказалъ: «Слушайте, мои молодцы! Четыре Ойрата такого нрава: они, подобно неутомимымъ лошадямъ, бѣгающимъ на далекое разстояніе безъ усталости, и бдительнымъ собакамъ, лишь только завидятъ прибывшаго на ихъ дворъ непріятеля, не плошаютъ и не упустятъ его изъ своихъ рукъ. Мое намѣреніе (такое): воротимся лучше назадъ; пускай смѣются надъ нами Четыре Ойрата. Какъ вы, мои молодцы, объ этомъ думаете? Если

[1] Значитъ: «Черный ключъ Хангайскій».
[2] *Налха-ухэринъ-даба*, «гора молодаго быка или теленка».
[3] *Налъ-хара-бурокъ*, «черный вязкій илъ».

вы согласны, то воротимся; если нѣтъ, такъ пойдемъ на Ойратовъ.» Уріанхайскій *Маджикъ*, подобный черному горному тигру, выдвинулся впередъ и доложилъ: «Хотя слова вашего нойнства и справедливы; но всѣ, ближніе, дальніе, родные и не-родные слышали, что мы съ тобой—монгольскій *Убаши*-Хунъ-Тайджи и уріанхайскій *Маджикъ*—съ своими войсками выступали изъ урочища Хангай-Хара Булакъ видѣться съ Четырьмя Ойратами (сразиться); а между тѣмъ, увидавши только лишь ихъ пастбища, обратимся отсюда въ бѣгство: этой дурной славой нашей завсегда будутъ упрекаемы наши потомки.» Монгольскія высшія, среднія и низшія сословія одобрили эти слова. Убаши-Хунъ-Тайджи сказалъ: «Куда вы поѣдете? Гдѣ найдете кочевья ихъ (Ойратовъ)? Можетъ быть, они кочуютъ на сѣверѣ, можетъ быть, на югѣ (ихъ кочевья неопредѣленны)». Уріанхайскій *Маджикъ* отвѣчалъ: «Слова вашего нойнства справедливы. Дѣйствительно, кочевья Четырехъ Ойратовъ велики; но все-таки они кочуютъ постоянно на одной сторонѣ. Мы разошлемъ тщательно разыскивать ихъ; назначимъ для этого восемь сутокъ сроку; я же покажу мѣстность, гдѣ ихъ должно искать. Изъ 80,000 человѣкъ выберемъ 200 молодцевъ, которые бы всѣ знали (мѣстность), и изъ 160,000 лошадей выберемъ (для нихъ) 400 меринновъ; пускай они, по указаннымъ мною мѣстамъ, ищутъ: найдутъ ли, не найдутъ ли ихъ, но, по истеченіи осьми сутокъ, пусть воротятся.»

Съ одобренія всѣхъ, уріанхайскій *Маджикъ*, подобный черному горному тигру, отправился въ сопровожденіи 200 лазутчиковъ, взобрался на гребень горы, находящейся невдалекѣ отъ ихъ войска, и указывая отсюда своимъ 200 лазутчикамъ на кочевья Ойратовъ, сказалъ: «Ступайте въ эту сторону; впереди васъ окажется рѣка Иртышъ; идите по ея теченію; когда дойдете до мѣста между чернымъ лѣсомъ (дре-

мучій лѣсъ), растущимъ по нагорной сторонѣ, и желтымъ камышемъ, растущимъ на низменной, этотъ промежутъ есть бродъ, называемый Мāни[4]; переправтесь черезъ него и ищите тамъ ихъ (Ойратовъ) по теченію и противъ теченія. Если не найдете тамъ ничего, то идите еще повыше, потомъ ударьтесь въ противоположную сторону (отъ рѣки), на другой день вечеромъ пейте воду (напойте лошадей, сами отдохните). Здѣсь начнется черная гора Эмнэлинъ-Адакъ-Шара-Хулсунъ съ быстрыми ключами; ищите здѣсь; если здѣсь ничего не найдете, то ищите по истокамъ двухъ рѣкъ Бачи и Гинджили, которыя исчезаютъ вблизи этой горы. Если и въ этихъ трехъ мѣстахъ ничего не найдете, то воротитесь назадъ. Если въ состояніи захватить языкъ, то привезите его (въ случаѣ, если найдете кого, то привезите его съ собой), а если не можете этого сдѣлать, то осмотрите (мѣстность). Найдете ли, не найдете ли, а въ продолженіе осьми сутокъ должны поспѣшно воротиться и увѣдомить насъ. Ну, такъ вы, молодцы, возвращайтесь здоровыми и съ успѣхомъ; я же отправлюсь къ своимъ войскамъ.» И отправился.

Монгольскіе лазутчики, по словамъ Маджика, переправились черезъ бродъ Мāни и начали тамъ разыскивать по теченію и противъ теченія, и ничего не нашли; потомъ начали разыскивать на Эмнэлинъ-Адакъ-Шара-Хулсунъ, и здѣсь не нашли кочевья Ойратовъ; потомъ обратились къ истокамъ Бачи и Гинджили: встрѣчаютъ тутъ семилѣтняго мальчика съ шелковымъ поясомъ, въ плисовыхъ чулкахъ, на трехлѣтней

---

[4] *Мāни*, названіе молитвы (въ родѣ: «Господи, помилуй!»). Она состоитъ изъ шести санскритскихъ буквъ. Калмыки-буддисты пишутъ ее на разныхъ лоскуткахъ, привязываютъ ихъ къ деревьямъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть переправа чрезъ рѣку, или на большой дорогѣ, съ цѣлью отвратить несчастіе отъ проѣзжающихъ. Мѣстность, гдѣ эти лоскутки находятся, получаетъ иногда названіе этой молитвы. Вѣроятно потому же такъ назывался и бродъ, о которомъ здѣсь говорится.

гнѣдой лошади. Они погнались за нимъ утромъ, и вечеромъ поймали его 200 лазутчиковъ посадили этого мальчика среди себя и начали спрашивать: «Чей ты мальчикъ? скажи, что здѣсь дѣлалъ?» Мальчикъ отвѣчалъ: «Я подданный байбагутскаго хана, искалъ девять бѣлыхъ верблюдовъ.»—«У Четырехъ Ойратовъ есть ли войска?» спросили потомъ лазутчики, «и гдѣ они сами кочуютъ?»—«Васъ навѣрно послали поймать, а не допрашивать; знайте, что старшему дается отвѣтъ, платье же надѣвается чрезъ воротникъ [5]: представте меня живаго кому слѣдуетъ, я своими устами доложу.» Вотъ слова мальчика, и онъ больше не сталъ говорить. Ни мягкими словами, ни криками, ни ласками, ни угрозами не могли ничего отъ него вывѣдать, и наконецъ, сказавши сами себѣ: «Дѣйствительно, насъ послали поймать, а не допрашивать, такъ этого мальчика живаго представимъ,» они отправились назадъ. Дорогой отправили они двухъ передовыхъ, которые, прибывъ съ извѣстіемъ о Четырехъ Ойратахъ, начали было разсказывать монгольскому Убаши и всѣмъ тремъ высшимъ, среднимъ и низшимъ сословіямъ, что они поймали семилѣтняго мальчика; между тѣмъ и остальные съ мальчикомъ явились.

Узнавъ, что этотъ мальчикъ упрямый, обнажили мечъ, положили его на сандальный о восьми ножкахъ столъ; потомъ привели семилѣтняго мальчика къ Убаши-Хунъ-Тайджію въ его юрту съ восемью рѣшетками, обтянутую черно-пестрыми тигровыми шкурами, поставили его съ скрученными назадъ руками на колѣни; на правое колѣно его сѣлъ уріанхайскій Маджикъ, подобный черному горному тигру, на лѣвое же сѣлъ Баканъ-Цэпэнъ. Убаши-Хунъ-Тайджи началъ этого мальчика допрашивать: «Ну, упрямецъ, скажи: у Четырехъ Ойратовъ есть ли войска, или нѣтъ? что они дѣлаютъ?» Мальчикъ

[5] Поговорка; значитъ почти то же что: «знай сверчокъ свой шестокъ»

отвѣчалъ: «Допрашивайте, ваше воянство, безъ угрозъ, я безошибочно доложу; спрашивайте не сердясь, обо всемъ разскажу. Четыре Ойрата, подобно клыкамъ лютыхъ звѣрей и ежевымъ игламъ, живутъ сомкнутыми въ четыреугольникъ (карре). Нельзя докладывать вамъ о томъ, чего не знаешь, и нельзя скрывать того, чтó знаешь.»—Убаши-Хунъ-Тайджи, хотя былъ такимъ отвѣтомъ приведенъ въ тупикъ, но все-таки продолжалъ допрашивать: «Кто изъ Ойратовъ», говорилъ онъ, «на этой сторонѣ живетъ? Скажи мнѣ о войскѣ и кочевьѣихъ?»—На это мальчикъ отвѣчалъ: «На этой сторонѣ, ближе всѣхъ къ вамъ, живетъ Саинъ-Сурдэнгэ, сынъ Мангада, у котораго шлемъ изъ чистаго серебра, красный панцырь съ бляхами, *улбо* [6] изъ краснаго одноцвѣтнаго шелка, лошадь совершенно чубарая; его сопровождаютъ 2,000 молодцевъ съ 2,000 копьями и съ 2,000 выдержанными лошадьми. Онъ, скрежеща зубами и проглатывая свои слюны, постоянно спрашиваетъ: «нѣтъ ли непріятеля, съ которымъ бы подраться (онъ съ жаждою ищетъ непріятеля, чтобъ помѣряться силой)? нѣтъ ли звѣрей, за которыми бы поохотиться?» Какъ вашему воянству это нравится?»—«Ну, упрямецъ, это ничего; а отъ него дальше кто живетъ?»—«На истокѣ рѣки Иртыша живетъ Саинъ-ха, сынъ хойтскаго Эсэлба, собравшій свои кочевья, называемыя Ирчинъ и Харчинъ, среди которыхъ онъ виднѣется подобно печенкѣ пестрой коровы [7] и котораго сопровождаютъ 4,000

---

[6] *Улбо*, особеннаго рода панцырь, шелковый камзолъ, подбитый хлопчатою бумагою вмѣстѣ съ конскимъ волосомъ; чрезвычайно легкій и теплый и между тѣмъ хорошо защищающій отъ стрѣлъ и копій.

[7] Это сравненіе чрезвычайно странное, а между тѣмъ имѣетъ свое значеніе. У Калмыковъ «пестрою коровою» называютъ ту, у которой главная шерсть черная, бѣлая же находится на самой срединѣ по обоимъ бокамъ. Очевидно, что такая корова въ стадѣ замѣтнѣе другихъ. Слово же «печенка» не должно принимать за самую печень, а за пестроту, находящуюся по бокамъ. Сравненіе Саинъ-ха съ «печенкою пестрой коровы» значитъ, что Саинъ-ха среди своихъ молодцевъ виденъ такъ же, какъ пестрая корова въ стадѣ.

молодцевъ съ 4,000 копьями и 4,000 выдержанными лошадьми. Этотъ Сайнъ-ха, скрежеща зубами и проглатывая свои слюны, спрашиваетъ: «нѣтъ ли непріятелей, съ которыми бы подрался на смерть? нѣтъ ли молодцевъ, съ которыми бы попробовалъ силу своего краснорѣчія?» Какъ вашему ноянству это нравится?»—Ну мальчишка, это ничего; а еще дальше, скажи, кто живетъ?—«Дальше живетъ 6,000 Джунгарцевъ, называемыхъ Хутагайту-Хара-Халу, которые подобны купесѣрому волку, нападавшему утромъ на многочисленныя стада овецъ; глаза ихъ подобны глазамъ голоднаго орла. Это какъ нравится вашему ноянству?»—Это ничего, а еще дальше кто живетъ?—«На устьѣ[8] рѣки Уто живетъ доблестный ойратскій богатырь *Тэбэнэ*, имѣющій 8,000 войска съ 8,000 поджарыхъ соловыхъ лошадей, кочующихъ при рѣкѣ Наринъ. Ну какъ вашему ноянству это понравится?»—«Ничего, а еще кто дальше?» — «Хошоутскій Байбагусъ-ханъ, старшій братъ изъ пяти братьевъ Ахайнъ-Табунъ-Бара, любящій умерщвлять и грабить, имѣющій голосъ десяти тигровъ, живетъ въ юртѣ о 15 рѣшёткахъ, обтянутыхъ пестрыми тигровыми шкурами, и среди ея разсуждаетъ о вѣрѣ и правленіи Ойратовъ. Говорятъ, что онъ живетъ разинувъ ротъ и растопыривъ пальцы (безпечно, самонадѣянно), и думаетъ, что ему во всѣхъ странахъ нѣтъ подобныхъ. Самъ я сынъ простаго человѣка (низкаго происхожденія); мнѣ семь лѣтъ; я еще не объѣхалъ всѣхъ Четырехъ Ойратовъ; сыновья Ойратовъ находятся вездѣ: вотъ все мое знаніе!»

Послѣ этого Убаши-Хунъ-Тайджи велѣлъ вывести мальчика и принести его въ жертву Туку (значокъ или знамя)[9]. Двое хотѣли уже его вывести; но мальчикъ объявилъ, что

---

[8] На томъ мѣстѣ, гдѣ соединяется нѣсколько рѣкъ.

[9] Турецкое *тугъ* طوغ «бунчукъ».

намѣренъ еще доложить нояну. Снова посадили его. — «Ну, упрямецъ,» сказалъ ноянъ, «продолжай свои слова.»—Мальчикъ началъ: «Говорятъ, послѣ войны, происходившей на мѣстѣ Эмнэлинъ-Алакъ-Шара-Хулсунъ, монгольскій *Саинъ-Лайхаръ*-ханъ и воины Четырехъ Ойратовъ, при заключеніи мира, поклялись: «если будемъ умерщвлять людей, служившихъ шпіонствомъ (тому или другому), то наши языки отсѣкутся (то всѣ до одного умремъ). Зачѣмъ же вы хотите умертвить меня, забывъ клятву, уже произнесенную и забывъ слова, торжественно сказанныя (вами)? Мнѣ только семь лѣтъ; я сынъ простаго человѣка; ваше ноянство, даруйте мнѣ жизнь!» Но Убаши-Хунъ-Тайджи не удостоилъ его отвѣтомъ, и двое хотѣли было его снова вывести; но мальчикъ сказалъ, что онъ еще доложитъ объ Ойратахъ.—«Ну, скажи,» сказалъ ноянъ. Мальчикъ сталъ говорить: «Сказываютъ, что хошеутскій Байбагасъ-ханъ, старшій братъ изъ пяти братьевъ Ахайнъ-Табунъ-Бара, любящій умерщвлять и грабить, имѣющій голосъ десяти тигровъ,—сказываютъ, что онъ ударилъ своимъ булатнымъ мечемъ, взятымъ когда-то у Бимбада, о свой черный треножникъ, сдѣланный изъ закаленной стали, такъ сильно, что посыпались искры, и сказалъ, что «положитъ на подушку стегно Убаши-Хунъ-Тайджія (убьетъ его), и прольетъ его черную кровь, переломитъ на большой дорогѣ черное знамя его, соединится съ его любимою женою, Дарà, поцѣлуетъ ея ланиты, алыя какъ кровь, обниметъ прекрасное бѣлое тѣло ея, коснется прекрасною и счастливою своей бородою къ ея румянымъ щекамъ, и овладѣетъ всѣми богатствами и счастіемъ его. Понимаете ли значеніе этихъ словъ?»—Затѣмъ мальчика вывели и стали приносить его въ жертву Туку. При этомъ изъ среды Монголовъ не выискалось ни одного, который бы въ состояніи былъ прочитать молитву, почему мальчикъ сказалъ: «Такъ какъ я предметъ жертвы Туку, такъ позвольте мнѣ

прочитать молитву.»—«Ну, читай,» отвѣчали тѣ, «да хорошенько же.»—Мальчикъ началъ: «Я начну читать, а вы слушайте. О, милостивый Тэнгри, богъ войны, кушай и пей! Да прольется черная кровь Убаши-Хунъ-Тайджія! стегно его да положится на подушку! черное знамя его да искрошится на большой дорогѣ на мелкіе куски! да возьметъ его любимую жену Дара, Байбагасъ, владѣтель всѣхъ (Ойратовъ)! длинное черное знамя его да переломится въ ногахъ Ойратовъ (во время сраженія)! лошадь его саврасую изъ саврасыхъ да поддѣнетъ копьемъ за опущенный красный шелковый поводъ какой-нибудь ойратскій молодецъ и остановитъ ее! на мѣстѣ Бачи да будетъ онъ пораженъ смертельно! на мѣстѣ Худуду да будетъ разбитъ на голову! на мѣстѣ Эмэлинъ-Олонъ-Долодой да сокрушатся печень и почки его! на мѣстѣ Хадà да претерпитъ пораженіе, сопровожденное крикомъ! на рѣкѣ Болохто да разсыплется отъ пораженія! да возьмутъ ойратскіе молодцы богатство и счастіе его! какъ дойдетъ до мѣста Улà, да станетъ онъ въ тупикъ!» И съ этими словами мальчикъ испустилъ духъ.

Между монгольскими войсками произошло волненіе. Они говорили между собой: «Сбудутся или не сбудутся слова этого разсказчика-мальчика, все-таки это дурное для насъ предзнаменованіе; однакожъ попробуемъ: хорошо ли или дурно будетъ, все-таки отправимся въ походъ, вмѣстѣ того, чтобъ обратиться въ бѣгство и тѣмъ положить пятно на имя нашего нояна Убэши-Хунъ-Тайджи». И выступили.

Переправившись черезъ Иртышъ, 80-тысячное войско прибыло къ истокамъ Бачи и Гинджели чрезъ Эмэлинъ-Аддкъ-Шара-Холосо, и здѣсь остановилось. Отсюда на двое сутокъ былъ отправленъ къ Ойратамъ на рекогносцировку опытный Баахавъ-Болбасунъ, находившійся отъ 13-ти лѣтняго до 37-лѣтняго возраста постоянно на войнахъ.

Между тѣмъ Убаши-Хунъ-Тайджи зарѣзалъ своего совершенно бѣлаго верблюда, который возилъ его кибитку, пригласилъ своихъ молодцевъ и, при раздачѣ кушанья (приготовленнаго изъ мяса этого верблюда), такъ восхвалялъ ихъ: «Ну, молодцы мои, подобные рогамъ козловъ, входящихъ въ воду! вы, мои молодцы, подобные ушамъ моего мерина, мчащагося съ быстротою къ непріятелю! Слушайте: вы знаете проклятіе насъ мальчикомъ, имѣющимъ черный слѣдъ, знаете упорство Четырехъ чужихъ Ойратовъ; вы не будете беречь своего чорнаго пота (я на васъ надѣюсь).»—«Мы всѣ,» проговорили молодцы, «всегда готовы пролить кровь и всегда готовы лечь костьми; мы не будемъ скрывать передъ нояномъ своего усердія.» Послѣ этихъ словъ они съ шумомъ вышли.

Между тѣмъ Баахапъ-Болбасунъ воротился отъ Четырехъ Ойратовъ съ такимъ извѣстіемъ: «Четыре Ойрата живутъ, подобно клыкамъ лютыхъ звѣрей и ежевымъ игламъ, сомкнутыми въ четыреугольникъ; не знаю, вѣдаютъ ли они о нашемъ приближеніи и предпринимаютъ ли какія предосторожности противъ него; я вообще не знаю, въ какой мѣрѣ бдительности они живутъ.»

Убаши-Хунъ-Тайджи сказалъ: «40,000 отправить впередъ, чтобъ они напали на Ойратовъ, а 40,000 оставить въ запасѣ. Если такъ выдвинуться, какъ объ этомъ ты думаешь?» Баахапъ-Балбасунъ отвѣчалъ: «Сразимся съ четырьмя Ойратами; если убѣжимъ отъ нихъ утромъ (пока еще возможно), такъ останутся наши языки (останемся въ живыхъ), если же вечеромъ отъ нихъ убѣжимъ, такъ отсѣкутся наши языки (всѣ до одного будемъ убиты).» Убаши-Хунъ-Тайджи за это на него разсердился. «Каковы бы», онъ сказалъ, «ни были твои слова,—справедливы ли или несправедливы,—но ихъ рѣзкость и жестокость кольнули сердце моихъ молодцевъ» (привели въ уныніе). И онъ приказалъ его казнить также, какъ и мальчика;

но Баахань-Балбасунъ быстротою своего гнѣдаго мерина спасся.

Убаши-Хунъ-Тайджи и урiянхайскiй *Маджикъ*, чтобъ поддержать свою честь, рѣшились выступить и рѣшили отправить передовое войско. Надъ этимъ войскомъ Убаши-Хунъ-Тайджи назначилъ начальникомъ урiянхайскаго Санинъ-Маджика; но послѣднiй съ негодованiемъ сказалъ: «Съ того времени, какъ только вышли мы изъ дому, ты много сдѣлалъ несправедливаго: первая твоя несправедливость та, что ты убилъ человѣка, который былъ у тебя шпiономъ; вторая та, что разщепалъ ноги у осьминожнаго сандальнаго стола; третья: ты зарѣзалъ своего бѣлаго верблюда, возившаго твою ставку, и мясо его ты далъ ѣсть своимъ слугамъ; четвертая: ты меня отправляешь съ передовымъ войскомъ, чтобы одному тебѣ воспользоваться отнятымъ скотомъ, а вѣдь говорится, что жадность при раздѣлѣ добычи между своими товарищами есть то же, что беречь кровь черной собаки.[10] Вотъ твои несправедливости; я въ нихъ не отвѣтчикъ; я отправлюсь домой» И тотчасъ же съ своими 15,000 молодцами онъ отправился во-свояси; а Хунъ-Тайджи двинулся къ Ойратамъ.

Урiянхайскiй *Маджикъ* отправилъ 2,000 молодцевъ, съ четырьмя лошадьми у каждаго, къ Баахань-Балбосуу съ порученiемъ ему, «чтобъ онъ напалъ на Джунгарцевъ[11] чрезъ мѣсто Боро, а обратился назадъ чрезъ мѣсто Халтэгэ; чтобъ далъ знать Четыремъ Ойратамъ о моемъ кочевьѣ, которое на Хангайскомъ Хара-Булакѣ, что мы пришли было видѣться (сразиться) съ Четырьмя Ойратами, но теперь я съ 40,000 молодцевъ отправился во-свояси, что Убаши-Хунъ-Тайджи отправился къ Ойратамъ съ изнуренными табунами.[12] Пусть они

[10] Это то же, что «собака на сѣнѣ: сама не ѣстъ и другимъ не даетъ.»
[11] Угналъ бы стада ихъ (Джунгарцевъ).
[12] Въ другой рукописи: «съ войсками».

какъ знаютъ, такъ и поступаютъ съ нимъ.»—По приказанію *Маджика,* эти 2,000 молодцевъ напали на длинноногихъ [13] и дали знать Джунгарцамъ (объ Убаши-Хунъ-Тайджи).

Въ это время передовое войско Убаши-Хунъ-Тайджія остановилось съ добычею изъ быковъ и овецъ. Войска Четырехъ Ойратовъ собрались, окружили Убаши-Хунъ-Тайджія со всѣхъ сторонъ, и на третьи сутки сразились. Когда войскамъ монгольскимъ было плохо, любимцы Убаши-Хунъ-Тайджи взяли его черное знамя и его самого, и хотѣли было спастись; но одинъ изъ среды многочисленнаго ойратскаго войска, Саинъ-Сэрдэнгэ выступилъ, и въ то самое время, какъ хотѣлъ Убаши-Хунъ-Тайджія поразить копьемъ, сказалъ: «Ну, ваше княжество, я нашивалъ ваши платья, пропитанныя мускусомъ, питался солеными кушаньями вашими, теперь же для чести Четырехъ чужестранныхъ Ойратовъ я подношу копье вашей правой почкѣ; простите меня.» И съ этими словами онъ поразилъ его. Убаши-Хунъ-Тайджи, истекая отъ этой раны, сказалъ: «Пустите мою саврасую лошадь, пусть она принесетъ моему отечеству извѣстіе. Навѣрно вы, мои молодцы, не воротитесь назадъ; берегите свою честь, которую запятнаете, если обратитесь въ бѣгство, лягте костьми другъ подлѣ друга.» Лишь только произнесъ онъ эти слова, какъ палъ съ своей саврасой лошади черезъ правый ея бокъ, и испустилъ духъ.

Любимцы Убаши-Хунъ-Тайджія отрѣзали свои правыя стремена [14] среди четырехъ-ойратскаго войска, пустились надъ прахомъ своего господина биться съ ними на смерть и всѣ до

[13] т. е. верблюдовъ. Угонять стада даже у тѣхъ, которые хотя-бъ и были въ союзѣ, по обычаю древнихъ Монголовъ и Калмыковъ, не считалось важнымъ преступленіемъ (См. въ *Алтанъ-Тобчи*). Поэтому-то Маджикъ не былъ въ союзѣ съ Джунгарцами; если-жъ и велѣлъ имъ сообщить объ Убаши-Хунъ-Тайджи, то лишь по неудовольствію къ послѣднему.

[14] «Отрѣзать стремя» значитъ биться на смерть.

одного легли. Вотъ какимъ образомъ Ойраты побѣдили Монголовъ.

Семилѣтній ойратскій мальчикъ былъ не иной кто, какъ геній-покровитель Четырехъ Ойратовъ и каратель Монголовъ въ видѣ мальчика.

Это было въ годъ свиньи, стихіи огня [15].

---

[15] 1587 года? Странно, что столь замѣчательное историческое событіе, какъ описанное въ этомъ эпизодѣ истребленіе Монголовъ Ойратами, не упомянуто ни въ какихъ другихъ сочиненіяхъ. Изслѣдователямъ остается трудъ пріурочить это событіе и согласить упоминаемыя здѣсь личныя имена съ именами уже извѣстными по исторіи.

какъ знаютъ, такъ и поступаютъ съ нимъ.»—По приказанію *Маджика*, эти 2,000 молодцевъ напали на длинноногихъ [13] и дали знать Джунгарцамъ (объ Убаши-Хунъ-Тайджи).

Въ это время передовое войско Убаши-Хунъ-Тайджія остановилось съ добычею изъ быковъ и овецъ. Войска Четырехъ Ойратовъ собрались, окружили Убаши-Хунъ-Тайджія со всѣхъ сторонъ, и на третьи сутки сразились. Когда войскамъ монгольскимъ было плохо, любимцы Убаши-Хунъ-Тайджи взяли его черное знамя и его самого, и хотѣли было спастись; но одинъ изъ среды многочисленнаго ойратскаго войска, Саинъ-Сэрдэнгэ выступилъ, и въ то самое время, какъ хотѣлъ Убаши-Хунъ-Тайджія поразить копьемъ, сказалъ: «Ну, ваше повинство, я нашивалъ ваши платья, пропитанныя мускусомъ, питался солеными кушаньями вашими, теперь же для чести Четырехъ чужестранныхъ Ойратовъ я подношу копье вашей правой почкѣ; простите меня.» И съ этими словами онъ поразилъ его. Убаши-Хунъ-Тайджи, истекая отъ этой раны, сказалъ: «Пустите мою саврасую лошадь, пусть она принесетъ моему отечеству извѣстіе. Навѣрно вы, мои молодцы, не воротитесь назадъ; берегите свою честь, которую запятнаете, если обратитесь въ бѣгство, лягте костьми другъ подлѣ друга.» Лишь только произнесъ онъ эти слова, какъ палъ съ своей саврасой лошади черезъ правый ея бокъ, и испустилъ духъ.

Любимцы Убаши-Хунъ-Тайджія отрѣзали свои правыя стремена [14] среди четырехъ-ойратскаго войска, пустились надъ прахомъ своего господина биться съ ними на смерть и всѣ до

---

[13] т. е. верблюдовъ. Угонять стада даже у тѣхъ, которые хотя-бъ и были въ союзѣ, по обычаю древнихъ Монголовъ и Калмыковъ, не считалось важнымъ преступленіемъ (См. въ *Алтанъ-Топчи*). Поэтому-то Маджикъ не былъ въ союзѣ съ Джунгарцами; если-жъ и велѣлъ имъ сообщить объ Убаши-Хунъ-Тайджи, то лишь по неудовольствію къ послѣднему.

[14] «Отрѣзать стремя» значитъ биться на смерть.

одного легли. Вотъ какимъ образомъ Ойраты побѣдили Монголовъ.

Семилѣтній ойратскій мальчикъ былъ не иной кто, какъ геній-покровитель Четырехъ Ойратовъ и каратель Монголовъ въ видѣ мальчика.

Это было въ годъ свиньи, стихіи огня [15].

---

[15] 1587 года? Странно, что столь замѣчательное историческое событіе, какъ описанное въ этомъ эпизодѣ истребленіе Монголовъ Ойратами, не упомянуто ни въ какихъ другихъ сочиненіяхъ. Изслѣдователямъ остается трудъ пріурочить это событіе и согласить упоминаемыя здѣсь личныя имена съ именами уже извѣстными по исторіи.

УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ТЕКСТѢ.

А.

Аба-Бурки-Тайдуй, 162.
Абдаръ-Сэцэнъ (ойратскій), 163.
Абдуя-Сэцэнъ, 161.
Абкарчинъ-Джинонгъ, 175.
Абу-Бурки-Тайдунъ, 177.
Адай-ханъ, 158.
Ай-Булатъ (хурлатскій), 164.
Айдухха-Арбай-Сандалиту, 119.
Алакъ (женщина), 186.
Алакчи (тэлэтскій), 190.
Алакчугутъ (поколѣніе), 195.
Аланъ-Гуа, 121.
Алджу-Болотъ, 184.
Алтай (дочь Цэбдэна), 164.
Алтанъ (дочь Чингиса), 133.
Алтанъ-Горголдой (дочь Чингиса), 133.
Алтанъ-Курдуту, хаганъ. 117.
Алтанъ-тохокъ (стрѣла), 133.
Алтанъ-Хана, 148.
Алтанъ-ханъ, 138.
Алъ-Бугуръ, 184.
Алча-Хана, 164.
Алчугудай, 194.
Алчудэй (Алчугудай), 195.
Алурай, 194.
Андусъ (поколѣніе), 196.
Ананда, 118.
Анчи-Анду-Шара, сынъ Хасара, 133.
Арбай-Гуа, 125.
Арвасъ-Энхэрцэкъ-Гэбэ, 196.
Аргасунъ-Хорчинъ, 184.
Аригунъ-Идэкгэту, хаганъ. 118.
Арланъ (урочище), 147.
Арлатъ (поколѣніе), 186.
Арлунъ, 148.
Арсу-Болотъ, 184.
Арсуху-Буйнъ, 195.
Аруктай-тайша, 159.
Аршіянъ-Идэкгэту, хаганъ. 118.
Асадай (саркакскій), 186.
Асаръ-Куцунъ, 150.
Астанкринрикъ-Сарантэй, 196.
Аха, 168.
Ахаинъ-Табунъ-Бора (родъ), 218.

Б.

Баахань-Болбасунъ, 220, 221.
Бабагай-Урлукъ (хурлатскій), 186, 189.
Багасунгъ-Табунунгъ (оронскій), 191. Багусанъ-Табенангъ, 192.
Багатутъ (поколѣніе), 160.
Бадай-Цаганъ, 120.
Байбагусъ-ханъ (хошоутскій), 218. Байбагасъ, 219, 220.
Байкалъ (озеро), 133.
Байсангуръ-Докшинъ, 123.
Байту (хорчинскій), 194.
Байтула-Алакъ-Тэмуръ, 162.
Бакъ-Булатъ (хурлатскій), 164.
Баканъ-Цэцэнъ, 216.

Бакасукай (тарацинскій), 186.
Бакбай, 179.
Балахай (дочь Дзангуна), 134.
Бамбагай-Шибуши, 190.
Банбалъ (женщина), 133.
Барагунъ-Тумэтъ (поколѣніе), 190. Тумутъ. 191.
Барагунъ-Урбанъ-Тэмуръ (поколѣніе), 188.
Барагунъ-Урбанъ-Тумутъ (поколѣніе), 192.
Барагучинъ-Гуа, 121.
Барасъ-Болотъ-Джинонъ, 193.
Барбукъ (поколѣніе), 186.
Бардунгъ, сынъ Саймага, 191.
Барсъ (городъ), 152.
Барсу-Болотъ, 184.
Барсу-Болотъ-Джинонъ, сынъ Даянъ-хана, 180.
Барукъ-багатуръ, 123.
Барчи-Агалаку (хэшиктэнскій), 186.
Батаринъ-Хошигунъ (мѣсто), 194.
Бату-Булатъ-Бухэ (насутскій), 184.
Бату-Мункэ-Даянгъ-хаганъ. См. Даянгъ.
Батулу-Джинсангъ, 158. Батула-Чинсанъ, 159.
Бахай (балакчинскій), 179.
Бахарина (табунъ), 185.
Бачи (рѣка), 215, 220.
Баянъ-Бухэ (балакчинскій), 184.
Баянъ-Мунху-Болхо-Джинангъ, 178.
Баянъ-Сартагаръ, 138.
Баянъ-Тохту (уріянхайскій), 188.
Баянъ-Урмэгэри, 175. Баянъ-Урмугэръ, 191.
Баянтай-Халгаху (сартагульскій), 177.
Баяхай-багатуръ, 191.
Бэгэдзи, 157, 168.
Бэгэрсунъ-тайши (Бэгэрэсунъ), 175, 179. Бэгэрсэнъ-тайши (онигутскій), 186.
Бэктэръ, 121, 125.
Бэлгэтэй, 121, 125.
Бибн-Укидэ (эсентэмурскій), 186.
Биликту-ханъ, 152, 156.
Бикиръ-багатуръ, 123.
Бикунъ-Оюнго-багатуръ (ортугухайскій), 194.
Бимбадъ, 219.
Бободай, 187.
Богдо-Эдзэнъ (эпитетъ Чингисъхана), 131.
Боголъ-Мэчинъ, 141.
Богурулъ-Гунджи, 179.
Богурчи, 137, 147.
Бодэ-Алакъ-ханъ, 193. Боди-Алакъ, 195.
Бодисатва, 119.
Бодонцаръ, 121, 122, 128.
Бодосъ (эрэгутскій), 185.
Болго-ноянъ, 169.
Болой-тайши (хорчинскій), 177.
Болотай, 180.
Болохай-Унъ, 194.
Болотъ-Унгъ, сынъ Шигустэя, 170, 176.
Болохто (рѣка), 220.
Болхо-Джинангъ (Баянъ-Мунху-Болхо-Джинангъ), 178.
Борбоганъ (страна), 180.
Боро (мѣсто), 222.
Боро (лошадь), 120.
Боро-Нохойонъ-зонъ (урочище), 159.
Борокчинъ-Гуа, 120.
Борочо, ханъ, 119.
Бугу-Хатаги, 121.
Бугучи-Сальджитъ, 121.
Будда, 119, 129.
Буджигэнъ (родъ), 190.
Булатъ (хорчинскій), 182. Балотъ, 184.
Булхай (кэрэитскій), 195.
Бурбакъ, 175.
Бурджигинъ (фамилія), 124, 128.
Буриватъ (поколѣніе), 183,
Буритай-Мэргэнъ, 120.
Буртэ (дочь Дай-Сэцэна), 124.
Буртэчино, 119.
Буртугальджинъ-Сэцэнъ, 145. Буртэгэльджинъ, 145,
Буртугульджинъ (царица), 135.
Бурхай, 187, 191. Бурохай, 191.
Бурханъ-бакши (эпитетъ Шакьямунія), 118.

Бурханъ Галдáнъ (гора), 120.
Бурханъ-Галдунъ (мѣсто погребенія Чингиса), 148.
Бурхату-Ханъ (земля), 147.
Буха (поколѣніе), 134.
Буха, 151.
Буха-Тэмуръ-Чинсангъ, 154.
Буха-Шиджигуръ (мѣсто), 191. См. еще Нигэнъ-Буха-Шиджигунъ.
Буха-Цаганъ (ханъ солонгутскій) 133.
Бухэ-Бэлгэтэй, 131.
Буянъ-Сэцэнъ-хаганъ (Буянту-Сэцэнъ), 197.
Буянту-Сэцэнъ-хаганъ, 197.
Буянту-ханъ, 149.
Бѣлый домъ, Бѣлая кибитка (могила Чингиса), 185, 189.

В.

Вали-ханъ, 156.

Г.

Галдзату-Чингъ-тайджи, сынъ Хасара, 133.
Гангъ (рѣка), 119.
Гэгэнъ-Сэцэнъ (китайскій), 151.
Гэгэнъ-ханъ, 149.
Гэргэ, хаганъ, 118.
Гэрэбумъ-Царуца, 196.
Гэрэту, сынъ Даянгъ-хана, 185.
Гинджили (рѣка), 215.
Годунъ-шаргали (лошадь), 121.
Гуа-Марагъ, 120, 122.
Гуа-Собинъ-Моринъ-Сандалиту, 119.
Гунджи (Богурулъ-Гунджи), 179.
Гурбальджинъ-Гуа, 138.
Гурбилту-дзэгэрдэ (конь), 135.
Гусала, ханъ, 119.
Гуханъ-Сандачинъ-Сэцэнъ, 162.
Гуши (хаганъ), 118.
Гуши (царица), 185.

Д.

Дай-Эдзэнъ (эпитетъ Чингиса), 186.
Дай-Сэцэнъ, 124.
Дайду (урочище), 149.
Даиръ (конь), 120.
Далай - Субинъ - Ару - Алтанъ - Сэндалиту, 119.
Далтай (ордосскій), 193.
Дарà, 219.
Дартай, 123.
Дарханъ (тарханъ), 132.
Дархатъ (поколѣніе), 132.
Дархи-хонгоръ (конь), 123.
Даякъ-ханъ, 179.
Дэвадатъ, 118.
Дэлбэкъ-ханъ. 158.
Дэлигунъ Болдокъ (мѣсто рожденія Чинчисхана), 147.
Дэнзи (ханъ), 156.
Джаминъ-Тайфу (сунитскій), 157.
Джанкхоя-ханъ, 155.
Джэлэмэнъ, 196.
Джигуртухула (конь), 143.
Джидунъ-ханъ, 156.
Джилэту, 123.
Джинангъ, 162.
Джингиръ-Бухэ (Тайджигутъ), 131.
Джиндэ-ханъ, 156.
Джиндунъ-ханъ, 156.
Джинтэй-ханъ, 156.
Джинтэй-ханъ (китайскій), 171. Тэймэнгъ-Джинтэй, 172.
Джихэхэнъ-Ахай (ханъ), 198.
Джонло-ханъ, 173.
Джосу-Хонгуа (китайскій ханъ), 155.
Джунгары, 218.
Джунлу-ханъ, 155.
Джургуа-Тумэнъ, 178.
Джяханъ-Аха-Мэнду (урлутскій), 182.
Дзанчунъ (ханъ дзургутскій), 133.
Дзэгунъ-Урбанъ-Тумутъ (поколѣніе), 193.
Дзэсъ-Курдуту, хаганъ, 118.
Дзорикту-ханъ, 156.
Дзу, 150.
Дзукэ, 151.
Дзуншіебутъ (поколѣніе), 180.
Дзурчитъ, 150.
Дзурчитъ (поколѣніе), 171.
Дзурчутъ (поколѣніе), 133.

Добо-Мэргэнъ, 120.
Доголангъ-Гунджи, 189, 190.
Доланъ-Туругунъ (мѣсто), 190.
Дологодунъ - Тологой (мѣсто), 176.
Домъ (волшебное лекарство), 181.
Дува-Сохоръ, 120.
Дугурэнъ-Тэмуръ, 157.
Дурбенъ-Тумэнъ (поколѣніе), 160.

Е.

Екэ-Гуши, хаганъ. 118.
Екэ-Нидунъ, 120.
Екэ-Утукъ (мѣсто погребенія Чингиса), 148.
Екэ-Хабарту-Дзунгэнъ, 175, 178.
Енгутъ (поколѣніе), 133.

З.

Занги-Тэмуръ-Агалаху (монголчинскій), 187.
Засанъ-Тумэнъ-хаганъ, 196.
Заягату-хаганъ, 150.
Зудъ (страна), 120.
Зудалангъ-Ундуръ (урочище), 195.
Зусуръ (жена Чингиса), 140.

И.

Ибагу, 150.
Ибарай, 188, 190. Ибарай-тайши, 189, 193.
Иладжу-Баянъ (Ойратъ), 170.
Или, сынъ Тайсунгъ-хана, 164.
Инакъ-Цаганъ, 162.
Ингъ-Чинбу (городъ), 154.
Ингигутъ (городъ), 175.
Инкэрэкуй-багатуръ (тэлэтскій), 185.
Иртышъ (рѣка), 136.
Ирчималъ-ханъ, 150.
Ирчикъ (поколѣніе), 217.
Ислай-Тайбу (хонгирутскій), 177.
Исмаилъ-тайджи (ойратскій), 179, 186.
Исудунъ-Зодонъ (мѣсто), 175.
Исукэй, см. Эсукэй.
Ицагу (сынъ Чингиса), 145.
Иши-хатунъ (старшая жена хана), 184.
Исунъ-Тэмуръ-ханъ, 150.

К.

Кагурцакъ-тайджи, 162, 166.
Кэгэртэнъ (поколѣніе), 152, 165.
Кэлэгутэй-багатуръ, 145, 146.
Кэмджигутъ (поколѣніе), 186.
Кэнтэй-Хана, 148.
Кэрэйэ (дзуншіебутскій), 180.
Кэрэсэндзэ, 185.
Кэрулунъ, 164.
Кэшиктэнъ (поколѣніе), 181.
Кибунъ-Шанту (городъ), 153.
Кильгиронъ-Тухумъ (мѣсто), 188.
Кирса (городъ), 152.
Китай, 138.
Кіотъ (родъ), 124, 128.
Кудзугунъ-Сандалиту, хаганъ. 119.
Кудунгъ (эрэгутскій), 185.
Куйланча-багатуръ, 158.
Кукэ-хото (городъ), 155.
Кулукъ-Богурги, 128.
Кулукъ-ханъ, 148, 149.
Кумэли (Мэргэнъ-Хараджинъ), 190.
Курганъ (надъ царицей), 144.
Курдзэ (доска), 159.
Кусэбалатъ (конь), 141.
Куцукъ (сартагульскій), 164.

Л.

Лабукъ-Сэгэцинъ, 186.
Лаха (Лаханъ, Маханъ), 153.
Лаханъ (Маханъ), 150, 151.
Лаху-Баянъ, 128.
Лихуши-Агалаху Ордошіевъ, 189, 192.

Лубанъ-Ханъ (урочище), 144.
Лунчинъ-хаганъ, 156.

М.

Магу-Ундуръ (мѣсто), 176.
Магухай, 180.
Маджикъ (уріянхайскій), 218.
Майна (степь), 185.
Мангадъ, 217.
Мангинъ-Ирагу, 183.
Мангусъ-Мэргэнъ-тайджи, 197.
Мандуй-Дарханъ, 194, 195.
Мандухули, 175, 178.
Мани (урочище), 215.
Мантухаи, 175.
Манхали, 125.
Маха-Дуади, 123.
Маха-Самади, 117, 118, 119.
Махагурки-ханъ, 178.
Махади (страна), 119.
Маханъ (также Лаханъ), 150, 151.
Махашири, 170.
Маши - Удзэскулэнгту - хаганъ, (Дзэсъ-Курдуту), 118.
Мэндангъ-Хутухту-хаганъ, 197.
Мэнду-Урлукъ, 165.
Мэндуй-Унгъ (Мэндуй-Унъ). 195.
Мэргэнъ-Хараджинъ, 190.
Мингану-Хара (мѣсто), 161.
Мингату, 186.
Мингунъ (поколѣніе), 186.
Могила Чингиса, 185.
Моло-Джахату, 173.
Молонъ-тайджи, 174.
Молтокчинъ (проходъ), 152.
Монголъ (поколѣніе), 120, 181.
Монголъ-Дзаргучи, 174.
Монголчинъ (поколѣній), 185.
Морину-Эбчигунъ (урочище), 149.
Мохоли, 136, 147.
Муланъ (мингунскій), 186.
Мулихай-Унгъ, 174.
Мулудзэй-багатуръ (тумутскій), 193.
Муна (урочище), 140, 146.
Мунгали, сынъ Тайсунгъ-хана, 164.
Мунгулунъ-Гуа, 138.
Мунгунъ-Курдуту-хаганъ (Удэскулэнгту), 118.
Мункэ (Монголъ), 171.
Мункэ (джуншіебутскій), 180.
Мункэ-Болбу-Туцигинъ (барбукскій), 186.
Мункэ-ханъ, 148.
Мункэ-Хата, 174.

Н.

Нагацу, 166.
Найманъ-Цаганъ-гэръ, 170.
Накбардза-Джинанъ, 161.
Налъ-Хара-Бурокъ (мѣсто), 213.
Налха-Ухэръ (гора), 213.
Наринъ (ханъ солонготскій), 133.
Наринъ (рѣка), 218.
Насуна-Тэкульдэръ-Екэ-нэрэту, 118.
Насуна-Тэкульдэръ-нигакчи, 118.
Нэкэй-Тэмуръ (джуншіебутскій), 163.
Нэмэгуцэкъ, 179. Нэмэгуцукъ, 188.
Непалъ (страна), 119.
Нигэнъ-Буха-Шиджигуръ-джиранъ (сраженіе), 191.
Ноянъ-Булатъ-Унъ, см. Булатъ-Унгъ.

О.

Обгай, 189.
Ой-Модонъ (ойратскій), 177.
Ой-Хабтагай, 186.
Ойратай-ханъ, 158.
Ойраты, 156.
Ойту-Очиху, 131.
Олайдунъ (кэшиктэнскій), 181.
Олана-Эркгукдэксенъ-хаганъ, 117.
Оломъ-Тэмуръ-ханъ, 158.
Олосъ-Болотъ, 184.
Олхо (курганъ), 144.
Олхой-Мэргэнъ (хорлатскій), 159, 169.
Олхонинъ-Кири (мѣсто), 176.

Олхонутъ (поколѣніе), 123.
Олхорунъ (рѣка), 133.
Онгарохой (Онгорхай), 189.
Онгорхой, сынъ Улзія, 188.
Онигутъ (поколѣніе), 186.
Оной-Аха (жена Аруктая), 160.
Ононъ (рѣка), 121, 122, 126.
Ононъ-Дэлигунъ-Болдокъ (родина Чингиса), 147.
Онцакчи, см. Салнъ-Онцакчи.
Ордами (поколѣніе; Ордосъ), 190.
Ордоши (родъ), 189.
Орошн-Гуши, 133.
Ортогухай-Унъ(хорчинскій), 192.
Ортохай (хорчинскій), 191.
Ортугухай-ноянъ, 191.
Орукъ-шаргулъ (конь), 129.
Орчину-Чикиръ (урочище), 164.
Отоготанъ, 165.
Очику, 124.
Очиръ-Болотъ, 184.
Очукгэнъ, 123.

Р.

Рахула, 118.

С.

Садай-Догулангъ, 182.
Саинъ-Алтанъ-хаганъ, сынъ Барсу-Болота-Джинонга, 196.
Саинъ-Лайхоръ-ханъ (монгольскій), 219.
Саинъ-Маджикъ. См. Маджикъ.
Саинъ-Онцакчи, хаганъ, 118.
Саинъ-Сахица, сынъ Табуна, 191.
Саинъ-Сурдэнгэ, сынъ Мангада, 217. Сэрдэнгэ, 223.
Саинъ-Тамагату, 195.
Саинъ-Тулэгэнъ, 187.
Саинъ-Турулту, хаганъ, 118.
Саинъ-Удзэскулэнгту-хаганъ, (Тэмуръ-Курдуту), 118.
Саинъ-хатунъ (Мантухай-Саинъ-хатунъ), 181.
Саинъ-Ходохай (алтачинскій), 195.
Саинъ-Хоши (тумэтскій), 190.
Сайламучинъ, 160.
Саймага (алтачинскій), 191.
Саймучинъ (Сайламучинъ), 160, 161.
Саниха, сынъ Эсмэба, 217.
Сакуни, хаганъ, 118.
Сала (дерево), 135.
Салбаръ (птица), 135.
Салгуддари (солгнготскій), 169.
Сальджигутъ (поколѣніе), 121.
Сали-Гандзагу, 120.
Самъ-Сочи, 120.
Самади-Кукэ, хаганъ, 117.
Самсикиддэ (урочище), 148.
Самуръ (царица), 184.
Самучинъ (конь Чингиса), 133.
Сандакчинъ-Сэцэнъ, 162.
Санду (урочище), 149.
Саръ (птица), 135.
Сарба, хаганъ, 119.
Саркакъ (поколѣніе), 186.
Саркигатъ-Тукумъ (мѣсто), 195.
Сатула-Икитэй, 162.
Саянъ-Сайханъ (барагутскій), 184.
Сэгусэ (полководецъ), 191.
Сэгусэ-Ахалату, (ойратскій), 192.
Сэнгэ-Тэмуръ-Дугурэнгъ-хаганъ, 197.
Сэцэкту-Агуръ, 150.
Сэцэнъ-Умади (китайскій), 139.
Сэцэнъ-хаганъ, 197.
Согодай, 195.
Содо-Сэцэнъ-ханъ, 149.
Солонготъ (поколѣніе), 133.
Солонгосъ (поколѣніе), 134.
Субэгэтэй-багатуръ, 130.
Судай (страна), 179.
Суду-богдо (эпитетъ Чингисъ-хана), 130.
Сукванъ, 196.
Сулалтай-Мэргэнъ, 121.
Султанъ-ханъ (сартагульскій), 139.
Сунитъ (поколѣніе), 146.

Т.

Табунангъ, 173.
Тагатуръ-Тайбу(кэнджигутскій), 174.
Тайджигутъ (поколѣніе), 123, 126, 127, 128, 129, 131, 132.
Таймингъ (ханъ), 171. Тэймэнгъ, 172.

Тайсунъ-ханъ, 161. Тайсунгъ, 162. Тайсунъ-хаганъ, 194.
Тайху (императрица), 157.
Талакчинъ, 195.
Тальби-Табунангъ, 173.
Тальбикчи, хаганъ. 118.
Тамагату, 195.
Тангутъ, 138, 140, 142, 144.
Тангсукъ-Идэкгэту, хаганъ. 118.
Тарацинъ (поколѣніе), 186.
Тарханъ, 132.
Тасбургу (мѣстечко), 182.
Татаръ (поколѣніе), 123, 125, 186.
Таѳу-Хутѳай (ойратскій), 156, 157.
Тэбэнэ-багатуръ, 218.
Тэгэдунэ (мѣсто), 182.
Тэгулэ (багаринскій), 195.
Тэймэнъ-Чу, 156.
Тэймэнгъ-Джинтэй-ханъ, 172.
Тэкгусъ-Санинъ, 118.
Текгусъ-Удзэскулэнгту, хаганъ. 118.
Тэмуръ (аннскій), 184.
Тэмуръ (дзуншіебутскій), 180.
Тэмуръ-Джинсанъ (тумутскій), 175.
Тэмуръ-Курдуту-хаганъ (Санинъ-Удзэскулэнгту), 118.
Тэмуръ-тайши (хубутскій), 190.
Тэмуръ-Хатакъ, 180.
Тэмуркэнъ, 192.
Тэмучинъ, сынъ Бадай-Цагана, 120.
Тэмучинъ (татарскій), 123.
Тэмучинъ (Чингисъ), 124—146. См. еще Чингисъ-ханъ.
Тэнгэликъ (рѣка), 120.
Тэнгэри-хаганъ, 195.
Тэнчинъ (озеро), 120.
Тэрэйсунгъ-Кудангъ-хаганъ, 195.
Тэткунъ-Арасакчи-Хутукту, хаганъ, 117.
Тэшунъ-ханъ, 156.
Тибетъ, 119.
Тили (сынъ Тайсунгъ-хана), 164.
Тобокъ-Тучіенъ, 190.
Тобокуй (хорлатскій), 190.
Того-багатуръ, 152.
Тогонъ-Кумучи-Убуши, 162.
Тогонъ-тайши, 159.
Тогонъ-ханъ, 158.
Тогуджи-Шигуши (хурлатскій), 186.
Токтогаху (хорчинскій), 132.
Токтонгуй-багатуръ (сынъ Хасара), 133.
Томолаху-багатуръ, 152.
Тонбинай-Сэцэнъ, 123.
Тонгуръ-Цэгэцэръ, 124.
Торголчинъ-Баянъ. 120.
Торгонъ-Шара, 127.
Тортонгъ (посолъ), 138.
Торхонъ-Хара (татарскій), 186.
Тохтага, 151.
Тохту-Байкуйкуй (шонхорскій), 190.
Туйрунъ-Гэрэту (рѣка), 120.
Тукъ (онгонъ), 218.
Тукмакъ (Кыпчакъ), 167. Тумокъ, 168.
Тулэгэри, 180.
Тулэгэтэ, 190.
Тулугэсэнъ, 194.
Тулуй (сынъ Чингиса), 145.
Тумэнъ (поколѣніе), 188.
Тумокъ, см. Тукмакъ.
Тунчикэ-Джуншіебутъ (поколѣніе), 192.
Тушинъ, 188.
Турмэхэй (городъ), 144.
Туру-Болотъ, 184.
Турудту-хаганъ, см. Санинъ-Турудту.
Тургэнэ (рѣка), 185.
Туру-Болотъ, сынъ Даянгъ-хана, 193.

У.

Убаши-хунтайджи, 213—228.
Угэтэй (сынъ Чингиса), 145, 148.
Угэтэй-багатуръ (ойратскій), 177.
Угэтэй-Тайбу (ойратскій), 177.
Угучи-Хашига, 158.
Угэчи-Хашига, 161.
Угулэтъ (поколѣніе), 160.

Угутэ-багатуръ, 195.
Удагачи-Саби (посолъ), 189.
Удзэскулэнгту-нанди, 118.
Удзэскулэнгту-каганъ (Мунгунъ-Курдуту), 118.
Укгэлэнъ-Экэ (мать Чингиса), 123.
Укдагачи-Саби, 189.
Укджамъ-Богуралъ, 120.
Улà (мѣсто), 220.
Улаганъ-нагуръ (озеро), 171.
Улату (кирэтскій), 191.
Улбо (панцырь), 217.
Улдзэйту-ханъ, 149.
Ульдзэту-Гуа, 156.
Улдзи, 189.
Ули (рѣка), 133.
Улкитъ (поколѣніе), 156.
Улкитскіе Учиты, 173.
Улу-Туридукчи, 118.
Улусъ (момумэнганскій), 191.
Улусъ-Болотъ, сынъ Даянгъ-хана, 193.
Унэгэнъ (рѣка), 134.
Ункуй (гора), 145.
Ункуй-балгасунъ, 153.
Унучу-Чиджакуй, 188.
Унхали (онгонъ), 182.
Унынтэй (хэшитэнскій), 186.
Урбалгатанъ, 165.
Уранъ-Чинкуй, 133.
Урэнэ (рѣка), 195.
Урлукъ (министръ), 136.
Урлукъ-нойонъ, 141.
Урлукъ-Бабахай, см. Бабахай.
Урмай (урочище), 148.
Уртогухай-Унъ, 191.
Усунъ (поколѣніе), 155.
Усхалъ-ханъ, 156.
Уто (рѣка), 218.
Утуку-Хуланъ (мѣсто кончины Угэтея), 148.
Ухаганъ-Дзураги, 166.
Ухагату-ханъ, 150, 152.
Учитъ, 156, 175.

Х.

Хабату-Хасаръ, 131, 152.
Хабачи-Хулукъ, 123.
Хабулъ-хаганъ, 123.
Хагурцакъ-Дугурэнгъ-хунтайдзи, 156.
Хада (мѣсто), 220.
Хаджи-Хулукъ, 123.
Хамрай (сынъ Исмаила), 186.
Халхасъ (поколѣнія), 191.
Халцагай (тарикчинскій), 164.
Хангай-Хана (горы), 141.
Хангай-Ханъ, 145.
Хангай-Хара-Булакъ (урочище), 213.
Хара-Банди (дзуншіебутскій), 180.
Хара-Болотъ, 185.
Хара-Ботонъ, 141.
Хара-Капи, 188.
Хара-Кэрмэтъ (Китайцы), 155.
Хари-Кулукъ, 152.
Хэлэгэй (ирэгутскій), 192.
Хэшиктэнъ (поколѣніе), 186.
Хэрлунъ, см. Хэрулэнъ.
Хэрулунъ (рѣка), 147.
Хэлтэгэ (мѣсто), 222.
Харакчинъ-Тайбучинъ (солонготскій), 195. Тайбуцинъ, 169.
Харэйнъ-Хураганъ-Чида-Чиласунъ (мѣсто), 195.
Харуга, 164.
Харцанъ, 151.
Харцанъ-Чинсанъ, 152.
Хасаръ, 124.
Хатаганъ, 128.
Хатагитъ (поколѣніе), 121.
Хатунъ-голъ (рѣка), 144.
Хатунъ-Тэмуръ, 162.
Хациха (табунскій), 191.
Хацугу (сына Чингиса), 145.
Хачику, 124.
Хобчиръ-Мулатай (хорлотскій), 174.
Хоголай (багаринскій), 195.
Хойхатъ (Хойтат), поколѣніе, 160.
Холботъ (родъ), 177.
Холигучинъ, 189.
Хонгиратъ (поколѣніе), 155.
Хонголи, 178.
Хонхолэй, 193.
Хонши-ханъ, 156.
Хордунъ-хуба-цохуро (лошадь), 129.
Хори-Баянго (куидживгутскій), 186.

Хори-Тумэтъ (поколѣніе), 121.
Хорицалъ-Мэргенъ, 120.
Хорчинъ (тумутскій), 191.
Хорчинъ (поколѣніе), 217.
Хотонъ (скрыпка), 138.
Хотохто, см. Хутухту.
Хотсаду (Хунгуа?), 156.
Хочигу, 181.
Хошой-Табунунгъ (монголчинскій), 192. Табунангъ, 189.
Хошоутъ (поколѣніе), 218.
Хубилай, 146.
Хубилганъ-Сэцэнъ-Эдзенъ (эпитетъ Чингиса), 133.
Хубилэнъ (собака), 140.
Худо-Арулъ (урочище), 150.
Хуинчэй-ханъ, 156.
Хуло (птица), 135.
Хулугоръ (рѣка), 184.
Хулунь (дочь солонгутскаго Буха-Цагана), 134.
Хунгъ-Бэгэдзи, 157.
Хункуй-Дзабуганъ (мѣсто), 176.
Хунсуту (лошадь), 185.
Хурисунъ-багатуръ, 189.
Хурлатъ (поколѣніе), 186.
Хутагайту-Хара-Халу (поколѣніе), 218.
Хутаганъ, 179.
Хутухту-ханъ, 150.
Хутухту-Хулусунъ (урочище), 167.
Хутухту-Шигустэй (уріянхайскій), 178.
Хутухту-Шигуши (уріянхайскій), 185.
Хухэ-хотонъ (городъ), 185.
Хухултэ-багатуръ, 195.
Хучитъ (поколѣніе), 186.

Ц.

Цаганъ (алакчигутскій), 162.
Цаганъ (басутскій), 185. Тогонъ, 186.
Цаганъ (дзуншіебутскій), 180.
Цаганъ-Загаринъ (алакчигутскій), 190.
Цаганъ-Идэкгэту, хаганъ, 118.
Цаганъ-Магуцарай (басутскій), 185.
Цаганъ-Тумунъ-Эскуй, 158.
Цахаръ (поколѣніе), 183.
Цахица-багатуръ, 192.
Цэбдэнъ (хурлатскій), 164, 174.
Цинъ-Санъ, 150.
Цорго (рѣка), 124.
Цубонъ-батуръ (орлатскій), 186.

Ч.

Чакраварти, 118, 129.
Чилагунъ, 127.
Чимбай, 127.
Чингисъ-ханъ-Тэмучинъ, 129—146.
Чингъ, сынъ Даянъ-хана, 185.
Чингъ-Джинку (городъ), 148.
Чинхуа-ханъ, 156.

Ш.

Шагадзэнъ-Тунъ-ихэ-аралту (островъ), 194.
Шамба, гора, 119.
Шанда-ханъ, 156.
Шанту-Шара-Тала (городъ), 153.
Шара-Бадулатъ, 186.
Шара-Морину-Сэрмэгэръ, 187.
Шара-Тала (городъ), 153.
Шэрэголъ (поколѣніе), 196.
Шигустэй-багатуръ, нойнъ, 158.
Шигустэй-Унгъ, 169.
Шигусунъ, 186.
Шигуши-Шихэръ, 178.
Шильмичи, 160. Шильмичинъ, 161.
Шихэръ-Тайху (мать Даянгъ-хана), 179, 187.
Шихиръ-Нагура (урочище), 149.
Шубугуци, ханъ, 119.
Шудурогу (ханъ тангутскій), 138. Шудургу, 139.

Э.

Эбудзэй-багатуръ, 194.
Эбуй-Ходжигиръ (ойратскій), 168.

Эдзэнъ (эпитетъ Чингиса), 132.
Элбекъ-ханъ, 156.
Элджигэнъ-Урлукъ (борбокскій), 190.
Эльдэнгэ-бакши (удземчинскій), 190.
Эдіэ-Нагацу, 166, 177.
Эмэлинъ-Олонъ-Долодай (мѣсто), 220.
Эмнелинъ-Адакъ-Шара-Хулсунъ (гора, 215. 219. Эмэлинъ-Адакъ-Шара-Холосо, 220.
Энкэру-дарханъ, 197.
Эрэгутъ (поколѣніе), 185.
Эркинъ-Дологанъ-Кумунъ-Сандалиту, 119.
Эсбури, 194.
Эсэнъ-Сами (даууншіебутскій), 171.
Эсэнъ-тайши (ханъ ойратскій), 161, 165.
Эсэнтэмуръ (поколѣніе), 186.
Эсэнъ-Урлукъ (балакчинскій), 190.
Эсилба, 217.
Эсукэй-багатуръ, 123, 124, 125.

Я.

Ябога (разведенная съ мужемъ жена), 138.

3 2044 018 916 577

1 _ecia_d ti
_turn ...

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 (617) 495-2413

WIDENER
FEB
WIDENER
SEP 1 0 1994
BOOK DUE